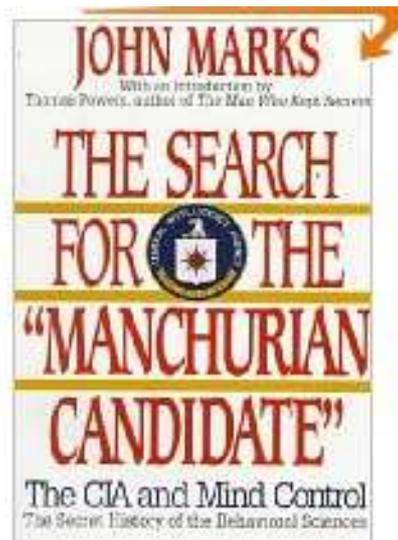
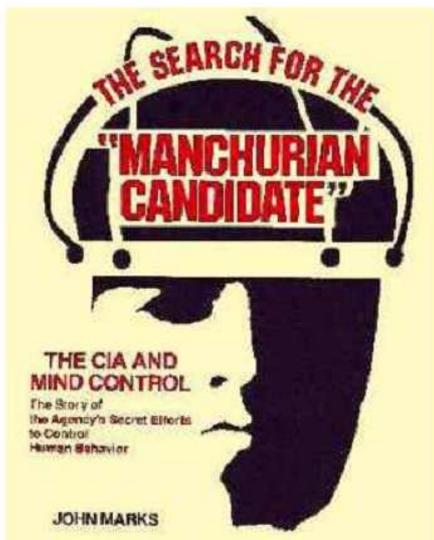

Джон Маркс

ЦРУ и контроль над Разумом. Тайная история науки управления поведением человека. В поисках "маньчжурского кандидата"

The Search for the "Manchurian Candidate"

(Обложки англоязычных изданий издательства Norton Paperback)

Краткая биография Джона Маркса на английском языке John D. Marks (From Wikipedia, the free encyclopedia)

John D. Marks is a former officer of the United States Department of State who co-authored the 1974 controversial non-fiction political book *The CIA and the Cult of Intelligence* with Victor Marchetti.

Marks worked for five years with the State Department as an analyst and staff assistant to the Director of the Bureau of Intelligence and Research. After leaving the State Department he worked with Marchetti on a book about the need to reform the Central Intelligence Agency. *The CIA and the Cult of Intelligence* was completed in 1973. CIA officials read the manuscript and told Marchetti and Marks that they had to remove 399 passages, nearly a fifth of the book. After long negotiations the CIA yielded on 171 items. That left 168 censored passages. The publisher, Alfred A. Knopf, decided to go ahead and publish the book with blanks for those passages, and with the sections that the CIA had originally cut but then restored printed in boldface. The publication of Marchetti's censored book raised concerns about the way the CIA was censoring information. It led to investigative reports by Seymour Hersh in *The New York Times* and the decision by Frank Church to establish the United States Senate Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities in 1975. The report, *Foreign and Military Intelligence*, was published in 1976.

His 1979 book, *The Search for the Manchurian Candidate* describes a wide range of CIA activities during the Cold War including unethical drug experiments in the context of a mind-control and chemical interrogation research program. The book is based on many interviews including those with retired members of the psychological division of the CIA, and the book describes some of the work of psychologists in this effort with a whole chapter on the Personality Assessment System.

Marks later became a fellow of the Harvard Institute of Politics and an associate of the Harvard Negotiation Project and director of the Nuclear Network in Washington.

In 1982, Mr. Marks founded a non-profit organization called Search for Common Ground in Washington, DC.

Bibliography

- *The CIA and the Cult of Intelligence* (1973)
- "How to Spot a Spook", in *Washington Monthly* (November 1974)
- *The CIA File* (1976)
- *The Search for the Manchurian Candidate* (Copyright 1979, Norton Paperback edition 1991)
- *Our Context* (2002)

Оглавление

Предисловие научного редактора русского издания	4
Введение	6
От автора.....	15
С чего начинались исследования, связанные с контролем над разумом	17
Вторая мировая война.....	17
Холодная война против разума.....	30
Профессор и обработка по типу «А».....	39
Разведка, или «Колдовской напиток»	50
ЛСД	50
Случай с д-ром Фрэнком Олсоном	65
Без ведома потерпевших — конспиративные квартиры	74
Грибы для контркультуры.....	86
Чары — электроды и гипноз.....	98
«Промывание мозгов»	98
Экология человека	113
Система Гиттингера.....	125
Гипноз	138
Заключение.....	145
Поиск правды	146
Примечания	160

Предисловие научного редактора русского издания

Данная работа, впервые ставшая доступной русско-язычной аудитории, является мировым бестселлером. И для документальной книги это хорошая рекомендация ее актуальности и высокого качества. У себя на родине она выдержала несколько изданий, была переиздана в Великобритании, переведена во Франции и других странах. Увидевшая свет в США в 1979 году, книга вызвала у американского общества настоящий шок, породила бурную дискуссию и целую волну аналогичных исследований, статей, книг, выступлений и пр. Поэтому по причине многократной перекрестной цитируемости некоторые термины, понятия и примеры могут узнаваться читателями, особенно интеллектуалами, знакомыми с ними по другим источникам. В то же время подавляющее большинство книг и статей на русском языке, изданных за последнее время, в которых речь ведется о таких темах, как «промывание мозгов», противозаконное психическое (психологическое) воздействие на личность, использование спецслужбами либо преступниками гипноза, наркотиков, специальных технологий и т.п.*, опираются всего на несколько основных публикаций. Поэтому читателю знакомство с этой книгой не только рекомендуется, но просто необходимо, поскольку она относится к ограниченному числу первоисточников.

* В советский период почти все отечественные публикации по данной проблематике отражали в основном зарубежный опыт. В последние годы в России было опубликовано немало серьезных исследований, посвященных различным аспектам практического использования психологии в правоохранительной деятельности. Одной из наиболее обобщающих работ в этой сфере права является книга: **Прикладная юридическая психология**. Уч. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М.Столяренко. — М., 2001.

Как любая неординарная работа, исследование Маркса энциклопедично. Оно отражает сложное переплетение множества тем и фактов, опирается на многочисленные источники. Читателю России не все может показаться понятным, поэтому страноведческие лакуны, некоторые термины, имена и события прошедших лет нуждаются в дополнительном объяснении. К комментариям по главам самого автора, которые приводятся в конце книги, мы сочли необходимым ввести некоторые примечания.

В оригинальном издании название книги «В поисках “маньчжурского кандидата”» вынесено на первое место. Автор предполагал, что общественность США уже знакома с проблемой преступного психологического воздействия на личность по роману Ричарда Кондона «Маньчжурский кандидат» (**Condon R.T.** The Manchurian candidate, New York: McCraw, 1958).

Герой романа, американский военный служащий Раймонд Шоу, участвующий в боевых действиях во время корейской войны, попадает в плен. Его переправляют в Маньчжурию, где китайский психиатр Ен Ло, сотрудник Института им. Павлова, подвергает Разум заключенных, в том числе и Шоу, комплексной обработке, состоящей из воздействия гипнозом и психотропными препаратами.

Целью такого воздействия на личность являлось формирование человека-робота, который может послушно выполнить любой приказ, не осознавая того, что он делает. Для окружающих же этот человек ничем не должен отличаться от себя самого до такой обработки, то есть внешне он сохраняет самоидентичность.

Перед тем как отпустить Шоу, его подвергают сложному испытанию: он должен по приказу убить двух своих лучших друзей. И Шоу выполняет приказ. Убедившись в полном подчинении Шоу внедренной системе контроля, его в бессознательном состоянии с другими оставшимися в живых американскими военнопленными доставляют к линии фронта. При этом посредством постгипнотического внушения в память Шоу вводится ложная информация, будто он никогда не был в плену, не подвергался психологическому и психофармакологическому воздействию, а убитые им соратники в действительности погибли в перестрелке.

По возвращении домой Шоу встречают как героя, и его ждет блестящая карьера. Более того, отчим Шоу в связке с кандидатом на пост президента США баллотируется в вице-президенты. В этих условиях у коммунистов появляется реальный шанс захватить власть в стране путем всего одной блестяще проведенной операции. Они договариваются с матерью Шоу, которая готова на все для удовлетворения своего честолюбия: президента убьют, и тогда отчим Раймонда Шоу, коммунистического биоробота, автоматически станет президентом США.

Но майор Марко, бывший начальник Шоу, «вычисляет» подлинный сценарий развивающихся событий и предпринимает все меры, чтобы разрушить вражеский заговор. Ему удается депрограммировать Шоу, который на глазах у всех убивает отчима, мать и кончает жизнь самоубийством. Таким образом, Раймонд Шоу, официальный герой корейской войны, награжденный специальной медалью Конгресса за героизм, осознанно убивая в себе биоробота-убийцу ценой своей жертвенной смерти, вновь становится свободным человеком.

В 1962 году в США на экраны вышел фильм Джона Франкенхаймера «Маньчжурский кандидат». Фильм в значительной степени только усилил обеспокоенность, поскольку в наглядной форме донес до миллионов людей мысль о том, что Америка в опасности: среди обычных граждан могут находиться запрограммированные убийцы. Где же скрываются эти «маньчжурские кандидаты»? Кто и где их готовит? Какие программы они должны выполнять? На эти вопросы, собственно, и постарался ответить Джон Маркс своей книгой. Но его ответ оказался настолько парадоксальным и невероятным, что вызвал бурю общественного возмущения.

Он фактически подтвердил слухи, предположения и куцые отрывочные сведения, время от времени проникающие в открытую печать и становящиеся сюжетами художественных произведений: давно и крупномасштабно ведутся противозаконные исследования практически всех аспектов, форм и методов воздействия на человеческую психику. Ведутся с нарушениями норм профессиональной этики, международных пактов о правах человека и американских законов. Мужество Маркса состояло в том, что он открыто указал на главного нарушителя этих норм и законов.

И поэтому смысл и направленность его книги состоят не в описании экспериментов, какими бы привлекательными они ни показались с точки зрения «чистой науки», а в утверждении абсолютного примата моральных ценностей над всеми остальными: не существует и не может быть оправдания преступным экспериментам над Разумом, кто бы их ни совершал и какими бы благими намерениями при этом ни руководствовался. В противном случае исчезает граница между злом и теми, кто берется защищать нас от него.

И последнее. Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность всем друзьям и коллегам, оказавшим содействие в подготовке русского издания книги Джона Маркса: З.А.Кривулиной (перевод текста), Е.В.Енгальчевой (перевод и лингвистические комментарии), Ю.К.Федосееву, Дж.Сьюэрду и А.М.Соколову (информационное обеспечение), И.М.Цибельману (юридическое сопровождение), С.А.Карпунину (реляционные базы данных).

Введение

Как-то в середине 60-х врач, работавший на ЦРУ, заявил, выступая перед группой новобранцев: «Нашей путеводной звездой является не клятва Гиппократа, а победа свободы». Пораженный злым рвением этого фанатика, один из слушателей спросил, что он имеет в виду. Однако ответа не последовало в течение 12 лет, пока в 1977 г. не появилась книга «В поисках “маньчжурского кандидата”». После ее переиздания выяснилось, что книга является классикой в своей области, ибо в ней глубоко, ясно и сдержанно описывается, как ЦРУ «флиртвало» с безумной наукой, проводя устрашающие медицинские эксперименты, которые, как полагали в ЦРУ, дадут ему абсолютное господство над тайными агентами. История этого печального эпизода доказывает, что секретность сопряжена с опасными соблазнами и что любой идеал, даже «победу свободы», можно исказить, прибегая к негодным средствам. Как сама книга, так и история ее написания доказывают, что у американцев двойственное отношение к практике тайных действий: они охотно признают их необходимость и одновременно осуждают способы, которые при этом используются.

Как и все большие разочарования, программа секретных испытаний наркотиков, предпринятая ЦРУ, началась весьма прозаически — с блестящей идеи, что науку можно использовать для решения некоторых проблем в деятельности разведки. Основная проблема разведки состоит в ответе на вопрос, как заставить человека выполнять приказы. Здесь работают всевозможные факторы: деньги, секс, страх, желание мстить, но полной надежности и уверенности они не дают. Возможно, что самым сильным, хотя и самым редким фактором является идеологическая убежденность. Надежность завербованных шпионов также сопряжена с сомнениями: они могут струсить, оскорбиться, ими может овладеть жадность или у них могут появиться другие мнения. Тем или иным путем они могут ускользнуть. Когда ветераны-разведчики говорят о проблемах своей профессии, то затрагивают две излюбленные темы: как незаметно провести операцию и как завербовать агента и управлять им.

Вербовка шпионов — одно из древнейших искусств. Сун Цзу, китайский военный писатель V в. до н.э., посвятил отдельную главу своей большой книги «Искусство воевать» секретным агентам — проблеме, которую один из древнейших комментаторов книги назвал «предметом тайных переговоров». Сун Цзу полностью понимал роль агентов в деле дезинформации при дублировании вражеских агентов и в определении информации, знание которой необходимо. Он подчеркнул также важность умелого обращения с агентом, замечая, что «тот, кто не обладает тактом и тонкостью, не сможет узнать у него правду».

В этом-то и состоит проблема. Такт и тонкость срываются не всегда, нелегко им и научиться. В середине 70-х гг. Ричард Хелмс, бывший директор ЦРУ (1966-1973 гг.), рассказал на сенатских слушаниях, что «разведчик-оперативник воспитан таким образом, чтобы не рассчитывать на честность агента, на то, что он точно выполнит ваше требование или сообщит точные сведения, если он не

принадлежит вам душой и телом». Но такое «обладание» агентом не является нормой; даже величайшая проницательность, такт и чуткость могут потерпеть поражение в трудных случаях. Когда оперативник мечтает о «волшебной палочке», он представляет ее себе в виде несгораемого, безотказного, неприметного устройства, контролирующего мысли агента, это та «волшебная палочка», которая делает агента покорным исполнителем.

Разумеется, такого устройства в природе не существует. Однако с самого своего возникновения ЦРУ не просто мечтало о «волшебной палочке». Оно истратило миллионы долларов на обширную исследовательскую программу, чтобы найти наркотики или иные эзотерические средства и полностью заставить подчиняться обычных людей независимо от их желания: заставить их действовать, говорить, раскрывать самые важные секреты, даже, по приказу, забывать. Для проведения различных экспериментов были завербованы ведущие врачи и ученые, крупные организации соглашались их финансировать, и при этом были получены некоторые важные результаты. Возможно, ЦРУ играло в разработке и изучении психоактивных препаратов столь же значительную роль, какую взломщики кодов (*code breakers*) в Национальном управлении безопасности сыграли в разработке компьютеров.

Однако «волшебная палочка» не была найдена. Наркотики могут смутить, напугать, расслабить, возбудить, убить или просто усыпить, но ни один из них не может вызвать зомбированный транс или рабское послушание. Надежда на выборочную амнезию была не только беспочвенна, но и основана на фундаментальном непонимании нейрхимии. Вербовщики шпионов хотели получить наркотик, который уберет все воспоминания о кодовых словах, адресах, личности связников и даже о целых операциях. Сотрудники ЦРУ говорят, что не только устаревшая мораль удерживает их от проведения опасных операций, таких, как, например, убийство, а тот факт, что ЦРУ окажется в дальнейшем подвержено такой опасности, как угрызания совести убийцы. Таблетка, лишаящая человека памяти, прекрасно решила бы эту проблему.

Как было установлено исследователями, сильный наркотик может стереть воспоминания, но он стирает их начисто. Если вы забудете о годе, прожитом в Берлине, то одновременно забудете и о жене и детях. В течение десяти лет эта программа перемещалась из одной службы ЦРУ в другую, из Отдела безопасности в Отдел научной разведки и обратно. Затем в 1954 г. она переместилась в Техническую службу (TSS). Рассматривались самые невероятные предложения. Постепенно пришлось сделать вывод, что научные исследования не позволяют совершить ошеломляющие открытия, хотя и удалось вывести несколько полезных закономерностей в оценке характера человека, и со временем программа была закрыта. Сведения о проводившихся экспериментах держались в строгой тайне. Перед уходом в отставку в январе 1973 г. Ричард Хелмс приказал уничтожить все записи о проводившихся в ЦРУ испытаниях с наркотиками. Он наивно надеялся на исчезновение памяти об этих экспериментах и их жертвах.

Но удача изменила ему. Бог, ведающий секретами в сообществе американских разведывательных служб, неведомыми путями осуществляет свои чудеса. Прошло менее двух лет с тех пор, как Хелмс уничтожил в ЦРУ все документальные свидетельства о программе испытаний с использованием наркотиков (так он, по крайней мере, надеялся), как благодаря целой цепи невероятных обстоятельств эти сведения, подобно телу утопленника, всплыли на поверхность. Первым звеном в роковой цепи событий явилось открытие, сделанное репортером газеты

«Нью-Йорк таймс» Сеймуром Хершем: ему стало известно, что ЦРУ проводило эксперименты над американскими гражданами внутри страны, что строго запрещено хартией ЦРУ от 1947 г. Буря в печати, последовавшая за публикацией Херша в декабре 1974 г., заставила президента Джералда Форда назначить для расследования этого и ряда других обвинений комиссию под председательством вице-президента Нельсона Рокфеллера. Комиссия Рокфеллера истолковала поручение в строгом соответствии с полученным заданием, надеясь быстро сдать успокаивающий отчет, который умиротворил бы общественное мнение, действуя в соответствии с многолетним опытом поведения правительства, попавшего в скандальную ситуацию.

Но все сложилось иначе. Комиссия обратила внимание на факты, о которых ей неожиданно сообщили. Джеймс Шлезингер, преемник Хелмса на должности директора ЦРУ, решил, что покончить с вереницей скандалов, будоражащих Америку со времен «Уотергейта» (июнь 1972 г.), можно только одним способом. По подсказке своего заместителя, Уильяма Колби, он приказал всем сотрудникам ЦРУ сообщать Генеральному инспектору управления обо всех незаконных или «неподобающих» действиях, которые могли быть приписаны ЦРУ. В объемистом докладе Генерального инспектора, который в управлении назвали «фамильными ценностями», содержалось упоминание о программе испытаний наркотиков. В начале 1975 г. Колби, будучи в это время директором ЦРУ, передал данные, полученные Генеральным инспектором, в комиссию Рокфеллера. После официальной передачи новый пакет секретов уже нельзя было спокойно похоронить, и комиссия вынуждена была упомянуть в своем заключительном докладе (июнь 1975 г.) о программе испытаний с применением наркотиков. На двух страницах были изложены факты, а затем последовали уверения в том, что все сомнительные действия были прекращены в середине 60-х гг. В сообщениях по этому докладу внимание было сосредоточено на наихудшем «случае» этой программы испытаний — самоубийстве одного из испытуемых, на котором, без его ведома и согласия, было проведено испытание ЛСД. Даже в это время рассматриваемая программа могла остаться тайной, если бы не еще одна случайность — любопытство бывшего сотрудника Министерства иностранных дел Джона Маркса, ставшего свободным писателем. Именно Маркс оживил сухие факты доклада комиссии Рокфеллера.

Разоблачение «секретов, связанных с национальной безопасностью» США, рассматривается либо как скандал, либо как славная страница в истории страны, в зависимости от взглядов говорящего. Разведчики-профессионалы однозначно в ужасе от того, что не были найдены законные способы сохранения секретности, что является рутинной практикой в других демократических странах. В Великобритании, гордящейся своими давно завоеванными свободами, строго соблюдается Закон об охране государственной тайны (*Official Secrets Act*), дающий правительству почти неограниченное право решать, что считать тайной и кому о ней следует знать. Американские разведчики, в том числе и те «старые ребята», которых готовила английская секретная служба в годы Второй мировой войны, мечтают о принятии аналогичного закона в США о закрытии секретных служб для посторонних. В прошлом это почти удалось, и, возможно, в конечном итоге такой закон будет принят, поскольку неприязнь среднего американца к «писателям-журналистам» превышает его недоверие к хранителям официальных секретов.

Однако в данное время американская пресса открыта и может быть опубликовано все, что репортеры способны обнаружить. Результатом являются публичные

обсуждения невиданной силы и откровенности, совершенно не похожие на мир волшебной сказки 1950-х гг., когда официальные лица излагали, а пресса повторяла за ними измышления о международном коммунистическом заговоре, направленном на уничтожение веры в Бога и четырех свобод (это вовсе не измышление; в СССР проводились не менее, а возможно и более чудовищные эксперименты, нарушающие, подписанный его же представителями «Нюрнбергский кодекс по научным исследованиям», о котором речь будет далее. — **И.И.**). Ушло в прошлое черно-белое представление о холодной войне. Новые реалии часто затрудняют жизнь секретных правительственных служб, которые предпочли бы помогать друзьям и вредить неприятелю, не объясняя каждый шаг своему народу. Но у внимательных наблюдателей появилась возможность взвешенно относиться к тому, что их просят поддержать, иногда это нечто крайне нежелательное: вспомним, например, начало 60-х гг., когда администрация президента Линдона Джонсона наращивала тайные военные операции против Северного Вьетнама, в результате которых Америка была втянута в войну. В то же время необычная свобода американской прессы зависит от горстки журналистов, согласных докапываться до тех фактов, которые власти желали бы оставить нераскрытыми. В итоге свобода американской прессы является одновременно случайностью американской демократии, поскольку невозможно предвидеть, что именно вздумается расследовать журналистам. Так, Джон Маркс, ни у кого не спрашивая разрешения, решил узнать, по какой причине «военнослужащему» (так в докладе Рокфеллера был назван пострадавший) дали без его ведома дозу ЛСД, а затем обращались с ним столь небрежно, что он смог выбраться из окна 10-го этажа отеля в Нью-Йорке (1953 г.).

Прежде чем поступить на службу в Министерство иностранных дел, Маркс закончил Корнельский университет. Затем его ожидала одиссея, во многом типичная для последнего поколения американских студентов, для которых некогда Вьетнам был всего лишь названием на географической карте. Через два года локальная призывная комиссия присвоила ему класс 1А, и он отправился добровольцем во Вьетнам в системе Государственного департамента, где провел 18 месяцев, работая по программе умиротворения. Он причисляет себя в тот период к «уравновешивающей школе» — к государственным служащим либерального толка, полагавшим, что войну можно было бы выиграть, если бы удалось убедить правительство Сайгона таким образом изменить политику, чтобы завоевать сердца и умы людей. Похвальная мечта либералов потерпела крушение, налетев на неспособность понять их, и вера Маркса в «уравновешивание» растаяла в январе 1968 г., когда с крыши пятиэтажного дома в Сайгоне он наблюдал за операцией Тета, следя за медленным подъемом и падением трассирующих снарядов в ходе сражения.

К середине этого года Маркс вернулся в Вашингтон, где получил должность помощника директора Отдела разведки и научных исследований Рея Клайна. Каждый четверг он сопровождал Клайна на собрания Совета разведок США, проводившиеся в конференц-зале директора ЦРУ на седьмом этаже штаба ЦРУ в Лэнгли, штат Виргиния, под Вашингтоном. Там Маркс слушал последние сводки о войне. Как он вспоминает, «ястребы» говорили: «Если бы вы только могли видеть то, что видит президент!». И продолжает далее: «Ну что же, я видел все». Последней каплей, переполнившей чашу его терпения, была Камбоджа. За посланием NODIS (не подлежит распространению — «no distribution»), в котором сообщалось о военной помощи, оказываемой правительству Лон Нола, последовало военное вторжение Америки в страну. Это убедило Маркса в том, что он больше не может оставаться в правительстве; он ушел из правительства и

пошел работать помощником сенатора Клиффорда Кейса. В 1971 г. Маркса заинтриговало сообщение, опубликованное в вашингтонской газете «Пост», о диссиденте — сотруднике ЦРУ Викторе Марчетти. Маркс встретился с ним, и они проговорили до трех часов ночи. Маркс уже знал кое-что о политике американской разведки. Марчетти, который собирался написать разоблачительную книгу о ЦРУ, познакомил его с миром шпионов-оперативников внутри этой организации. Он связался с литературным агентом, которого ему порекомендовал Маркс, и предложил написать книгу ряду издательств в Нью-Йорке. Один издатель передал примерный план книги в ЦРУ, откуда после этого к Марчетти поступило распоряжение сдать туда рукопись на рецензирование. Через год Марчетти сказал Марксу, что не может один написать книгу, и попросил его о помощи. Маркс охотно принял предложение. Сеймур Херш посоветовал ему делать записи, печатая их на машинке, и вскоре Маркс стал брать интервью, записывая по 25 страниц за 3-4 часа беседы. Будучи строгим приверженцем конституции и «честным бойскаутом», Маркс считал, что секретная деятельность ЦРУ представляет собой злоупотребления американской власти, является предательством американских идеалов и проявлением всего дурного в американской политике в отношении остального мира.

Изначально Маркс и Марчетти намеревались опубликовать все об известных им секретах, а затем или бежать из страны, или оказаться в тюрьме. По завершении работы над рукописью в августе 1973 г. Маркс почувствовал внутреннее облегчение, когда Марчетти решил отдать свою книгу на рецензию в ЦРУ. Вначале ЦРУ потребовало от авторов снять текст в 339 случаях. Некоторые требования к изъятию текста вызвали возражения авторов. Споры и юридические аргументы позволили снизить число купюр до 170. Маркс предложил напечатать жирным шрифтом те места, которые ЦРУ пыталось исключить, но затем согласилось оставить, и оставить пробелы в тех местах, в которых были сделаны изъятия. Это оказалось прекрасным рекламным трюком. Все американские газеты напечатали портрет редактора Дэниела Окрента в издательстве Кнопфа, держащего в руках порванные страницы рукописи с просветами в тех местах, которые были изъяты. В конечном счете книга Марчетти и Маркса была опубликована. Эта книга, названная авторами «ЦРУ и культ разведки», была первой значительной работой, посвященной американскому разведывательному сообществу со времен выхода в свет книги Дэвида Уайза и Томаса Б.Росса «Невидимое правительство», опубликованной в 1965 г. Книга Маркса и Марчетти позволила впервые увидеть изнутри деятельность американской разведки. Она оказалась бестселлером и позволила Марксу начать новую карьеру — карьеру писателя.

В течение некоторого времени подстегиваемый реформаторским пылом Маркс преследовал ЦРУ как ангел мести. Книгу, написанную им совместно с Марчетти, там рассматривали как серьезную угрозу безопасности. Полностью Маркс осознал это только позднее, читая документы, полученные им по Закону о свободе информации*. В тот момент Маркс считал, что ЦРУ порождает только неприятности в международных делах, и он смело взялся за то, чтобы еще больше усложнить работу этой организации. В ЦРУ были в ярости, но вскоре там смогли взять реванш.

* Согласно закону США о свободе информации, принятому конгрессом 20 июня 1966 г., гарантируется и осуществляется на практике полная открытость для граждан США всех документов федеральных органов власти за исключением некоторых специально оговоренных случаев. Закон поставил под контроль судебной власти вопросы засекречивания документов и фактически запретил издание тайных решений правительства. — Науч.ред.

В декабре 1974 г. Маркс был направлен в Сайгон от журнала «Роллинг стоун». Он нелегально въехал в страну по визе, полученной в Бангкоке, и с помощью друга, в совершенстве говорившего по-вьетнамски. ЦРУ узнало о его поездке, и из Лэнгли была послана телеграмма с предупреждением о том, что он не заслуживает доверия и его не следует впускать в страну. Имя Маркса было внесено в черный список лиц, въезд которых нежелателен; список находился на таможене, однако капитан, поставивший печать в паспорт, не обратил внимание на имя его владельца. Итальянский журналист Тициано Терзани рассказал позднее Марксу, что за этот промах капитану пришлось отсидеть в тюрьме. Накануне Рождества Маркс пришел в американское посольство, чтобы договориться об интервью с американскими должностными лицами, сообщив, что намеревается писать для издательства «Харпер», что соответствовало действительности, и не упоминал о журнале «Роллинг стоун». В местном центре ЦРУ немедленно узнали, что Маркс находится в Сайгоне, и на второй день Рождества вооруженные вьетнамцы в полосатой солдатской форме ночью ворвались в помещение, где находился Маркс, и арестовали его. По признанию Маркса, последовавшие за этим полчаса были самыми страшными в его жизни. Он чувствовал себя совершенно беспомощным. Но вьетнамцы, выполняя указания ЦРУ, удовлетворились тем, что просто выдворили его из страны.

Спустя 12 лет, в апреле 1986 г., Маркс встретился с отставным сотрудником ЦРУ Уильямом Джонсоном, который в свое время лично организовал арест и выдворение Маркса. Весьма образованный ветеран из Отдела стратегических служб (ОСС), Джонсон десять лет вел борьбу с русской разведкой и имел несколько длительных командировок во Вьетнам. В книге Фрэнка Снеппа о падении Сайгона в 1975 г. («Пристойный перерыв») имена Билла Джонсона и его жены Пэт упоминаются неоднократно; представляется, что Джонсон был одним из немногих героев проигранной войны, отчаянно пытавшихся спасти работавших на них вьетнамцев. В 1986 г., на конференции в Боулдере, штат Колорадо, Джонсон сказал Марксу, что ему повезло, что тот остался жив; вьетнамцы могли посадить его в Сайгоне в тюрьму Чи-Хоа, где американцы не выживали. Но Марксу хватило и получаса ужаса. Он больше не предпринимал поездок в страны «третьего мира», где ЦРУ распоряжалось местными секретными службами. Маркс понял, что его желание вести тайную войну с ЦРУ имеет предел.

Но Маркс продолжал писать о разведке. Он собрал материал о поддержке ЦРУ тайной войны в Анголе, а затем передал его Сеймуру Хершу, когда сам не смог найти издателя. В середине 1975 г. Маркс полагал, что из документов, представленных в ЦРУ в комиссию Рокфеллера, можно будет получить полезные сведения. Поэтому он в соответствии с Законом о свободе информации запросил эти документы. Вначале в ЦРУ сказали, что документы по испытаниям с применением наркотиков были уничтожены по распоряжению Хелмса в 1973 г. Но затем, весной 1977 г., когда интересы Маркса постепенно сместились в сторону психологии человека и он научился различать оттенки в политической жизни, перестав видеть только черное даже в деятельности ЦРУ, ему сообщили оттуда, что найдено несколько ящиков с документами. Его интерес пробудили уже первая порция документов и обещание дальнейших поступлений.

В августе в Белом доме (президентом в это время был Картер) объявили о том, что обнаружены новые материалы, всего около 16 тыс. страниц, которые хранились среди документов, относящихся к финансовой истории ЦРУ и поэтому не уничтоженных. Однако Белый дом описал программу экспериментов с наркотиками как оборонительную по своему характеру, вызванную страхом перед

русскими. Маркс уже знал, что исследования ЦРУ зашли значительно дальше обозначенных пределов и были направлены на получение США широких возможностей для манипулирования поведением человека с целью сохранения секретов. Рассерженный попыткой Белого дома скрыть правду, Маркс провел свою первую пресс-конференцию, цитируя на ней те документы, которые у него уже были, и рассказывая о планах ЦРУ при проведении программы испытаний с применением наркотиков. Об этом сообщили все три основные программы новостей; сообщение было также опубликовано на первой странице газеты «Нью-Йорк таймс»; Вскоре Марксу позвонили из филиала книжного издательства «Таймс» и предложили написать книгу об испытаниях наркотиков в ЦРУ. Одолеваемый обычной для писателей нехваткой денег и начинавший серьезно интересоваться психологией человека и возможностями ее развития, Маркс согласился.

На написание книги «В поисках “маньчжурского кандидата”» Марксу потребовался год. В основу книги легли 16 тыс. страниц документов, однако историю дополнили интервью, взятые у психологов и руководителей ЦРУ, в том числе у одного из ветеранов Управления, называемого далее *Глубокий Транс*. К этому времени Маркс научился понимать руководителей ЦРУ, даже доверять им. Например, после поездки на Кубу, предпринятую им в исследовательских целях, Маркс сообщил Уильяму Худу, старому опытному контрразведчику, о своем общении с работником кубинской разведывательной службы **DGI** (Главное разведывательное управление Министерства внутренних дел Кубы, созданное в 1961 г. — Науч.ред.). Однажды ночью этот разведчик принес экземпляр книги Фрэнка Снеппа и потребовал, чтобы Маркс сообщил ему настоящие имена всех агентов, которых Снепп вывел под псевдонимами. Маркс отказался, а на следующий день чиновник кубинского Министерства иностранных дел принес ему свои извинения. Маркс сообщил об этом эпизоде Худу, поскольку не хотел участвовать в интригах и, помимо того, опасался, что ЦРУ может узнать о его контактах с кубинскими секретными службами из других источников.

Чтобы проработать огромную массу материала, поступившего из ЦРУ, Маркс нанял четырех научных работников, которые должны были разобрать материал по темам и хронологически. Очень немногие документы были приведены полностью. Почти все имена были зачеркнуты, за исключением имени Сида Готлиба. Маркс так никогда и не узнал, по какой причине именно для Готлиба было сделано исключение. Готлиб возглавлял Техническую службу в то время, когда ЦРУ пыталось убить Фиделя Кастро. Готлиб часто фигурирует в докладе комитета Черча «О планах политических убийств» под псевдонимом Виктор Шейдер. Некоторые из зачеркнутых имен можно было прочесть, держа листы против света; другие поддавались идентификации из контекста. Например, д-р Джеймс Мур, эксперт по грибам, был только одним из 200 человек в списке американских микологов. Чтобы его выявить, хватило нескольких справок о его работе. Когда Маркс дозвонился ему по телефону, у него создалось впечатление, что Мур в течение 15 лет ожидал этого звонка.

Но некоторые имена удалось расшифровать с невероятным трудом. Какое имя из семи букв начинается на «Б» и оканчивается на «Н»? Маркс, догадавшись, позвонил Глубокому Трансу и спросил у него, слышал ли он когда-либо о Мейтланде Болдуине. Тот ответил: «Я думал, что вы никогда не обнаружите его!». Болдуин был научным работником в Национальном институте здравоохранения в 1955 г. Он стремился проводить окончательные эксперименты, связанные с лишением подопытных сенсорных впечатлений, что означало

помещение человека в свето- и звуконепроницаемую камеру на неопределенный срок. Затем Болдуин предполагал получить результаты таких экспериментов, «посмотреть, что произойдет».

Предложение Болдуина по гуманным соображениям было отклонено сотрудниками ЦРУ. Однако Болдуин проводил лоботомию у шимпанзе и даже пытался пересадить голову одной обезьяны на тело другой. Поэтому не приходится удивляться тому, что ЦРУ зачеркнуло его имя в документах и надеялось, что никто не узнает о подобных намерениях.

Каким образом ЦРУ оказалось вовлечено в эти эксперименты, что предполагалось достигнуть? Все официальные ответы на эти вопросы являлись вариантами обычных детских отговорок — не я первый начал. В ЦРУ приводились в качестве примера невероятные признания кардинала Миндсенти* (Венгрия, 1949 г.), которые трудно объяснить, если не предположить, что советская разведка изобрела способ гипнотизировать жертву или вводить ей специальный наркотик. В дальнейшем американцы были поражены и напуганы результатами «промывания мозгов»** военнопленных, проводившейся китайцами во время корейской войны. Некоторые из них признавались в ужасных преступлениях, например в применении бактериологического оружия, а после войны даже отказались вернуться домой.

* Миндсенти Йозеф (1896-1975) — кардинал, прима (первосвященник католической церкви) Венгрии. Преследовался при коммунистическом режиме. После подавления восстания 1956 г. нашел убежище в американском посольстве, где провел 15 лет. В 1971 г. покинул страну. — Науч.ред.

** Термин «промывание мозгов» (англ. «brainwashing») появился после корейской войны. Он обозначает воздействие на психику комбинацией различных методов, результатом которого становится кардинальное изменение личности. Впервые в систематизированном виде «промывание мозгов» было описано Эдвардом Хантером: *Hunter E. Brainwashing in Red China: The Calculated Destruction of Men's Minds*. New York: The Vanguard Press, Inc., 1953; *Hunter E. Brainwashing: The Story of the Men Defied It*. New York: Farrar, Straus and Cudahy, 1956. — Науч.ред.

В 1954 г. Николай Хохлов* признался ЦРУ в совершении «исполнительных действий», включая совершение убийств для 13-го отдела Третьего главного управления КГБ**. Согласно секретному документу, подготовленному ЦРУ для комиссии Уоррена, расследовавшей убийство президента Кеннеди, Хохлов «описал две лаборатории, связанные с отделом исполнительных действий... Хохлов не мог предоставить о ней какой-либо информации. Однако другие источники сообщали о существовании лаборатории такого типа еще в конце 30-х гг. В сообщении одного источника в 1954 г. описывалась экспериментальная лаборатория в Спецбюро №1, известная как «Камера»***. В этой лаборатории проводились эксперименты на заключенных, приговоренных к смертной казни; на них испытывались различные порошки, напитки, в том числе алкогольные, различные типы инъекций и проводились также исследования по применению гипноза с целью заставить заключенных признаваться в преступлениях».

* Н.Е.Хохлов, капитан КГБ, нелегал-боевик, бежал в Западную Германию в феврале 1954 г. Впоследствии был вывезен в США. — Науч.ред.

** Актами индивидуального террора и диверсиями занимался 13-й отдел при I-м Главном управлении КГБ (внешняя разведка). III Главное управление отвечало за направление военной контрразведки. — Науч.ред.

*** Точнее, Бюро №1 (заграничная работа) МГБ. Структура, после 18 марта 1954 г. вместе с Бюро №2 (работа в СССР) преобразованная в упомянутый выше 13-й отдел. — Науч.ред.

Легко вообразить, что такое пугающее сообщение, как и многие другие, побуждало ЦРУ удваивать усилия при проведении секретных исследований. Однако истина состоит в том, что экспериментаторам не требовались побудительные стимулы и что страх перед русскими чудодейственными

наркотиками не имел ничего общего с источником собственной программы ЦРУ. Ее проведение началось в годы Второй мировой войны, когда в 1943 г. комитет «наркотика правды» ОСС под руководством д-ра Уинфред Оверхолстер начал проводить эксперименты с марихуаной и мескалином, а другая группа ОСС исследовала «успокаивающее лечение» (иными словами, смертельные яды) с возможным применением против Гитлера. Несмотря на суровое осуждение на Нюрнбергских процессах нацистских «научных» экспериментов, ученые из США, изучавшие описания исследований в Дахау, полагали, что в случае подтверждения полученных результатов некоторые данные явятся «важным дополнением к имеющимся знаниям». Оперативники американских секретных служб были заинтригованы сведениями об экзотических препаратах и «сыворотках правды». Защищенные завесой секретности, соблазненные мечтой о «волшебной палочке», они проводили эксперименты на грани медицинских знаний.

На 16 тыс. страниц документов, которые были просмотрены Марксом и его сотрудниками, было описано много ужасов, но в своем большинстве исследования в дальнейшем получили название «гуманистическая психология», т.е. изучение способностей мозга*. Маркс писал книгу о двух предметах — о ЦРУ и человеческом разуме, а к тому времени, когда заканчивал ее, он знал, что разум человека значительно интереснее. В результате книга «В поисках “маньчжурского кандидата”» отражает две доминирующие установки — увлеченность открытиями исследователей-психологов и гнев, направленный против ЦРУ за злоупотребления этими открытиями ради узких и безответственных с точки зрения морали целей.

* Исследования в действительности не имеют никакого отношения к одному из течений в современной психологии — гуманистической психологии, ориентированной на изучение смысловых структур и высших ценностей личности, таких как свобода, ответственность, любовь, самоактуализация и др. — Науч.ред.

Говоря о морали, трудно отнестись с симпатией к сотрудникам разведывательных служб. Им ненавистно слово «мораль». Они живут в мире порой суровых, но всегда целесообразных правил, где конечный результат весит больше, чем награды за хорошее поведение. Разведчики не любят, когда им читают нравоучения о том, что хорошо, а что плохо. Кто может их винить за это? Слово «неправильный» они предпочитают слово «бессмысленный». На вопросы, связанные с политическими убийствами, страшными медицинскими экспериментами и подобными «эксцессами», они единодушно отвечают: такие действия были хуже, чем преступления: они были ошибочными. Если бы на этом можно было поставить точку, но простить все задним числом, это значило бы заранее все разрешить. Некоторые вещи недопустимы при любых условиях, а многие — неверны, когда они совершаются исключительно по соображениям удобства для кого-либо. Если бы программе исследований ЦРУ сопутствовал более значительный успех, то мог бы быть изобретен «надежный» способ убийства Кастро. Сожалели ли бы мы об этом теперь из-за того, что не было сделано нечто полезное? Убийство Кастро было бы неверным поступком не потому, что мы не могли бы сохранить его в тайне, и не потому, что вслед за ним мог бы прийти кто-либо «похуже». Оно было бы неверным, поскольку Соединенные Штаты не вправе подвергать кубинцев травме, связанной с убийством их лидера по простой причине, что это удобно для Вашингтона. Сид Готлиб обеспечил себе место в истории благодаря своим усилиям, направленным на приобретение токсинов для совершения политических убийств, хотя его роль при этом была сведена к роли фармацевта. Более зловещим было финансирование им исследований, направленных на отыскание путей превращения политических

убийств в рутину, на превращение обычного человека в автомат, убивающий по команде.

Столкновение с фактом осуществления такой попытки было достаточно мучительным делом. Сердце содрогается при мысли о катастрофе в случае успеха. Что, если бы Готлиб и его коллеги-исследователи добились успеха в своих самых диких мечтаниях, когда ни секреты, ни жизнь противника не были бы в безопасности от ЦРУ? Руководители ЦРУ днем и ночью мечтали о гибели многих противников, среди которых были Кастро, Хо Ши Мин, Сукарно, Лумумба, Каддафи, де Голль, Насер, Чжоу Эньлай, Хомейни. Как могли бы Соединенные Штаты устоять перед соблазном «устранить» эти неудобные фигуры, если бы существовала возможность осуществить это втайне? Привлекательная в теории возможность полного владения агентом сопровождалась бы сожалениями, отрицанием, скрытностью. Однако Провидение милостиво и не позволило нам добиться успеха. По словам одного из консультантов ЦРУ по программе испытаний с применением наркотиков, «мы достаточно неэффективны, поэтому о наших открытиях можно писать».

Томас Пауэрс

Январь 1988

От автора

Данная книга базируется на 16 тыс. страниц документов, которые ЦРУ передало мне в соответствии с Законом о свободе информации. Без этих документов при самом глубоком исследовании книгу не удалось бы написать, и секретные работы ЦРУ по контролю над разумом остались бы навсегда погребенными, что и предполагалось теми, которым они были известны. Основываясь на документах, я смог расширить свою базу данных благодаря беседам и интервью, знакомясь с литературой по бихевиористике. Тем не менее конечный результат не исчерпывает содержания атаки ЦРУ на разум. Полностью рассказать эту историю могли бы только немногие участники, но они предпочитают хранить молчание. Я постарался сделать все возможное, чтобы приблизиться к истине, но, к сожалению, мне пришлось столкнуться с трудностями, поскольку большая часть участников этих событий отказалась давать интервью, а ЦРУ уничтожило в 1973 г. многие ключевые документы.

Хочу выразить особую благодарность людям, способствовавшим принятию в конгрессе Закона о свободе информации. Мне хочется думать, что они имели в виду расследования, подобные проведенным мной, когда вводили в закон идею о том, что информация о правительстве принадлежит народу, а не бюрократам. Я благодарен также руководителям ЦРУ, принявшим неприятное для себя решение опубликовать документы, и тем сотрудникам ЦРУ, которые работали над механизмом их публикации. С моей точки зрения, система сработала очень хорошо.

Должен признать, что эта система практически бездействовала в течение первых шести месяцев моей трехлетней борьбы за свободу информации. Затем, в конце 1975 г., за дело взялись Джозеф Петрилло и Тимоти Салливан, два опытных, энергичных юриста, в сотрудничестве с фирмой «Фрид, Фрэнк, Шривер, Хэррис и Кампельман». У меня создалось впечатление, что правительственные правоведа отнеслись ко мне значительно серьезнее, когда мои запросы на документы стали поступать на гербовой бумаге с указанием имен вышеперечисленных партнеров.

У автора были бы огромные затруднения, если бы не помощь таких помощников-юристов. Я высоко ценю их содействие.

Крайне необходимы автору редакторы, издатель, помощники-исследователи, консультанты и друзья. Особенно мне повезло с друзьями. Мой дорогой друг Тейлор Бранч редактировал книгу, и я нахожусь под глубоким впечатлением от мастерства, с которым ему удалось внятно изложить мои мысли. Помимо того, Тейлор являлся моим агентом, и в этом качестве он также оказал мне весьма ценные услуги. Прекрасная команда исследователей, без содействия которых я никогда не сумел бы разобраться в массе материала и в конкретных трудных моментах. Выражаю им всем глубокую благодарность. Лидер группы — Диана Сент-Клер. Она создала систему индексации, которая прекрасно работала. Диана внесла большой вклад в главу, посвященную холодной войне. Особую благодарность выражаю Бобу Грину из газеты «Ньюсдей», предложения которого по организации широких исследований пришли к нам при содействии фирмы «Investigativ Reporters and Editors, Inc».

Такой же вклад внес Ричард Соколов в главы о грибах и явочных (конспиративных) квартирах. Его работе свойственна основательность, а его энергия безгранична. Джей Петерзелл глубоко вник в работу д-ра Камерона в Монреале. Он выполнил также первоклассные исследования методов «промывания мозгов» и испытаний с ограничением сенсорных ощущений*. Джим Минц и Кен Камминз оказали мне ценное содействие на ранних этапах исследований. Центр исследований национальной безопасности под руководством моего друга Боросейджа обеспечивал физическую поддержку и оказывал содействие в наших исследованиях; прошу его также принять мою благодарность. Выражаю благодарность Мортону Гальперину, продолжившему содействие, когда он стал директором Центра. Прошу принять благодарность за оказанную мне помощь Пенни Бевис, Ханну Делани, Флоренс Оливер, Альдору Уиттекер, Ника Фиоре и Монику Андрес. Моя сестра, д-р Патрисия Гринфилд, отлично выполнила работу по исследованию взаимодействия между ЦРУ и академическими кругами, а также по системе оценки личности. Выражаю ей благодарность за ее вклад в дело создания данной книги. Многие люди оказали особую помощь, и мне хотелось бы выразить благодарность всем: Джеффу Коэну, Эдди Беккеру, Сэму Цукерману, Мэтью Мезельсону, Джулиану Робинсону, Милтону Клайну, Марти Ли, М.Дж.Конклину, Алану Шефлину, Бонни Голдстейну, Полу Эйвери, Биллу Миллзу, Джону Лилли, Хемфри Осмонду, Джулии Хэггерти, Патрику Остеру, Норману Кимпстеру, Биллу Ричардсу, Полу Магнуссону, Энди Зоммеру, Марку Чеширу, Сидни Коэну, Полу Альтмейеру, Фреду и Еве Клейнер, д-ру Джону Кавана, а также сенатору Джеймсу Абуреску и его сотрудникам.

* Ограничение сенсорных ощущений, или сенсорная депривация, — это лишение человека возможностей получения любой информации из внешнего мира. Длительное нахождение в этих условиях, как правило, вызывает различные нарушения в протекании психических процессов. — Науч.ред.

Тексты первых десяти глав я послал многим из тех, у кого брал интервью (и некоторым, которые отказались дать его мне). Это было сделано с тем, чтобы они внесли поправки и уточнения или отметили материал, взятый вне контекста. Ответившие на просьбу очень помогли мне при подготовке окончательного текста.

Выражаю благодарность за помощь Альберту Гофманну, Телфорду Тейлору, Лео Александеру, Уолтеру Лангеру, Джону Стоквеллу, Уильяму Худу, С.Томсону,

Сидни Коэну, Милтону Гринблату, Гордону Уэссону, Джеймсу Муру, Л.Хинклю, Ч.Осгуду, Джону Гиттингеру (только за десятую главу), а также всем тем, кто просил не называть их имен. Наконец, я хотел бы выразить признательность моему издательству «Таймс бук» и особенно моему редактору Джону Дж.Саймону. С самого начала Джон Том Липском, Роджер Деллинек, Георгий Ворос и Джон Галлахер верили в эту книгу и содействовали ее публикации. Благодарю Джудит Макзаун, подготовившую рукопись к печати, а также Розалин Т.Бадаламенти, редактора издательства «Таймс бук», проследившую за процессом ее печати.

Джон Маркс
Вашингтон, О. К.
24 октября 1978

Часть I

С чего начинались исследования, связанные с контролем над разумом

Если бы двери восприятия были
чисты, то каждая вещь
представлялась бы человеку такой,
какая она есть — бесконечной.

Уильям Блейк

Гораздо приятнее сидеть, удобно
устроившись в тени, втирая красный
перец в глаза какому-нибудь
бедняге, чем расхаживать под
палящими лучами солнца в поисках
улик.

Сэр Джеймс Стивенс, 1883

Если прошлое и внешний мир
существуют только в мыслях и если
мысли можно контролировать — что
тогда?

Джордж Оруэлл, 1984

Глава 1

Вторая мировая война

На окраине Базеля в Швейцарии находится главный штаб фармацевтической и химической империи «Сандоз». Здесь, на берегу Рейна, утром 16 апреля 1943 г. доктор Альбертом Гофманном было сделано выдающееся открытие. Гофманн, 37-летний очкарик с коротко подстриженными волосами, возглавлял в компании исследовательскую программу по разработке конкурентоспособных лекарств из

натуральных продуктов. В то апрельское утро он работал в своей лаборатории, когда внезапно ощутил легкое головокружение. Ощущение нельзя было назвать неприятным, оно напоминало состояние опьянения. Хотелось двигаться. Казалось, нервы разбегаются в разные стороны. Ничего подобного он ранее не испытывал. Уйдя с работы пораньше, Гофманн с трудом доехал домой на велосипеде. Он прилег, закрыл глаза, но головокружение не проходило. Дневной свет казался теперь неприятно ярким. Отключившееся от внешнего мира сознание лихорадочно работало. Он видел то, что позднее опишет как «непрерывный поток фантастических образов, перемещавшихся с необычайной пластичностью и живостью... Все сопровождалось калейдоскопическими переливами красок». Через несколько часов видения прекратились, и Гофманн, как любознательный ученый, решил установить их источник. Он предположил, что в его организм случайно попало одно из веществ, с которыми он в тот день работал. В первую очередь его подозрение пало на ЛСД (*d-lysergic acid diethylamide*) — вещество, которое было им получено в этой же лаборатории пятью годами ранее. В поисках циркуляторного стимулирующего средства (*circulation stimulant*) Гофманн работал тогда с производными спорыньи — грибка, поражающего рожь.

У спорыньи была таинственная и противоречивая репутация. В Китае и некоторых арабских странах ей приписывали целебную силу, тогда как в Европе она ассоциировалась со страшной болезнью из Средней Азии, антоновым огнем, которая поражала людей подобно чуме. При этой болезни пальцы рук и ног чернели, человек сходил с ума и погибал.

Гофманн предположил, что какая-то производная спорыньи проникла в его организм через кожу, возможно, при замене в одной из пробирок бумажного фильтра. Чтобы проверить свое предположение, он три дня готовил свежую порцию ЛСД, а затем осторожно проглотил 250 мкг (менее 1/100000 унции). Чтобы добиться результата, Гофманн планировал принять в течение дня еще некоторое количество ЛСД, ибо ни одно из известных в то время веществ не оказывало на человеческий организм влияния в таком ничтожно малом количестве. Он не мог знать, что уже принял такую дозу ЛСД, которая в дальнейшем будет считаться в несколько раз превосходящей нормальную. Первый прием подействовал уже через 40 минут, и Гофманн отправился в первое добровольное «странствие» нашего времени[1]. Гофманн вспоминает, что чувствовал себя «ужасно... Я был напуган. Боялся сойти с ума. Мне казалось, что я покинул свое тело. Я думал, что умер. Не знал, чем все закончится. Получить удовольствие от пребывания в этой незнакомой стране вы можете, только зная, что вернетесь из нее». Конечно, Гофманн не мог знать, что вернется. Он быстро пришел в себя после первого странствия, но не знал, какое количество ЛСД его вызвало. Не знал он и того, была ли новая доза больше того, что мог обезвредить его организм. Его мысли вращались в неизвестном измерении, но он не был в состоянии осознать что-либо, помимо своего ужаса.

Одновременно в Германии, на расстоянии менее 200 миль от лаборатории Гофманна, врачи, связанные с СС и гестапо, испытывали мескалин (вещество, обладающее многими свойствами ЛСД) на заключенных концлагеря Дахау. Гофманну и в голову не приходило, что сотрудники немецких секретных служб полагали возможным использовать вещества, подобные мескалину, для подавления воли непокорных людей. По мнению члена исследовательской группы Уолтера Неффа, цель экспериментов в Дахау заключалась в подавлении воли людей на допросах. В поиске научных данных нацисты дошли в Дахау до самых ужасных крайностей. На небольшом, тщательно охраняемом участке

концлагеря врачи СС стремились получить ответ на такой, например, вопрос: какое время может остаться в живых летчик, сбитый в феврале над Северной Атлантикой? Такого рода информация рассматривалась германской разведкой как играющая важную роль в связи с недостаточным числом опытных летчиков в немецкой авиации. Так, по личному распоряжению Генриха Гиммлера врачи замеряли время, за которое погибали заключенные, погруженные в большие ванны, заполненные ледяной водой. В других экспериментах, связанных с «авиационной медициной», заключенных убивали в высотных барокамерах (с целью установления безопасной высоты полета); заключенных расстреливали, чтобы испытывать специальные коагулянты на их ранах.

Опыты с мескалином, проводившиеся в Дахау д-ром Куртом Плетнером, были далеко не столь смертельными, как опыты из «авиационной» серии, однако это вещество могло нанести немалый вред здоровью, особенно людям даже с небольшой степенью душевной неустойчивости. Опасность возрастала благодаря тому, что мескалин добавлялся эсэсовцами в питье заключенных тайно. В отличие от д-ра Гофманна, подопытные не подозревали, что их крайняя дезориентация вызывается лекарственным веществом. Вероятно, многие из них думали, что они просто сошли с ума. Жертвами таких экспериментов всегда были евреи, цыгане, русские, а также представители других групп населения, жизнь которых не представляла ценности, по мнению нацистов. Никогда они не были добровольцами, хотя возможно, что некоторые заключенные вызывались участвовать в экспериментах в надежде на лучшее обращение.

После войны Нефф сообщил американским ученым, что реакции испытуемых колебались в весьма широком диапазоне. Некоторые впадали в ярость; другие были печальны или веселы, как при опьянении. Не удивительно, что «во всех случаях проявлялись чувство ненависти и желание мести». Нефф заметил, что это вещество заставляло некоторых людей раскрывать свои «самые сокровенные тайны». Однако немцы не были склонны признать мескалин в качестве заменителя более привычных для них физических методов ведения допросов. Они продолжали эксперименты с гипнозом в сочетании с этим веществом, но, по-видимому, никогда не были уверены, что нашли средство, дающее власть над разумом жертвы. Еще когда эсэсовские врачи проводили свои эксперименты в Дахау, Отдел стратегических служб — Разведывательное управление США в годы войны — учредило комитет по созданию «наркотика правды» во главе с д-ром Уинфред Оверхолстер, директором госпиталя Св.Елизаветы в Вашингтоне. Учрежденный комитет быстро провел испытания с мескалином, несколькими барбитуратами и скополамином.

Затем, весной 1943 г., комитет пришел к решению о более высокой перспективности марихуаны («*cannabis indica*») и приступил к проведению испытаний совместно с Манхэттенским проектом — сверхсекретной программой создания атомной бомбы. Неясно, по какой причине ОСС обратился за содействием к создателям бомбы. Возможно, причина заключалась в том, что, по словам одного из прежних руководителей проекта, «наш секрет был столь велик, что мы были надежнее всех других». По-видимому, руководители проекта, которые шли на любые меры для обеспечения секретности, не опасались испытывать наркотики на своих сотрудниках.

Манхэттенский проект дал первую дюжину испытуемых, которых попросили проглотить жидкую концентрированную марихуану, поставлявшуюся одной из американских фармацевтических компаний в небольших стеклянных флаконах.

Один из присутствовавших при этом участников проекта вспоминает: «Все произошло иначе, чем мы предполагали. Видимо, организм человека не желал принимать ее в такой форме. Людей тошнило и рвало». Более того, они не открывали секретов, а один из них был госпитализирован.

Посоветовавшись, эксперты ОСС решили, что лучшим способом введения марихуаны будет вдыхание ее паров. Ее раствор выливали на горячие угли, а один из офицеров ОСС по имени Джордж Уайт (который ранее терял сознание от передозировки при относительно высокой концентрации) испробовал на себе воздействие паров, но не добился особого эффекта в госпитале Св.Елизаветы. В итоге группа ОСС обнаружила способ усвоения марихуаны, уже давно известный музыкантам-джазменам и другим потребителям этого наркотика: через курение сигарет. Согласно документам ОСС, курение смеси табака и марихуаны сопровождалось переходом в «состояние безответственности; человек становился разговорчивее, с легкостью делился имеющейся в его распоряжении информацией».

Первое полевое испытание сигарет с марихуаной произошло 27 мая 1943 г. Подопытным был Август Дель Грацио, обозначенный в документах ОСС как «известный нью-йоркский гангстер»[2]. Джордж Уайт, капитан, который пришел в ОСС из Федерального агентства по борьбе с наркотиками, пригласил Дель Грацио в свой кабинет (покурить, поговорить). Ранее Уайт уже обсуждал с Дель Грацио возможность обеспечить содействие со стороны мафии для удаления из Нью-Йорка работавших там агентов стран «оси» на время подготовки вторжения на Сицилию[3].

Дель Грацио сообщил Уайту, что он лично участвовал в убийстве информаторов федеральных служб. Гангстер не отличался разговорчивостью, и уж если он разговорился под влиянием «лекарства правды», то и немецкие пленные могли поступить таким же образом, во всяком случае, подобная возможность существовала. Уайт усиленно угощал его сигаретами, «подопытный повеселел и разговорился». В течение двух следующих часов Дель Грацио рассказал федеральному агенту обо всех тайнах торговли наркотиками. Полученная информация была столь важной, что ЦРУ изъяло ее из всех документов ОСС, опубликованных через 34 года. Во время беседы, уже начав говорить, Дель Грацио сказал Уайту: «Как бы вы ни поступили, никогда не пользуйтесь материалом, о котором я вам сообщаю». Во время одной из следующих встреч Уайт добавил в сигареты такое количество марихуаны, что Дель Грацио примерно на час потерял сознание. Однако в целом эксперимент был признан удачным «для развязывания языка».

Хотя члены комитета до изобретения «наркотика правды» не верили в то, что концентрированная марихуана может заставить человека раскрыть свои глубочайшие секреты, они предложили Уайту продолжить испытания. На следующем этапе вместе с одним контрразведчиком из Манхэттенского проекта он взял в ФБР 15-18 досье и приступил к проверке марихуаны на внушавших подозрение солдатах-коммунистах, расквартированных в военных лагерях на окраинах Атланты, Мемфиса и Нового Орлеана. Как говорит сотрудник Уайта по Манхэттенскому проекту, выпускник Гарварда, в дальнейшем судья, ими была разработана стандартная методика проведения опросов:

Прежде чем приступать к опросу, мы с Джорджем покупали сигареты, осторожно доставали их из пачки, а затем с помощью шприца для подкожных инъекций вводили в них жидкую марихуану и давали им просохнуть. После этого мы вновь запечатывали пачку... Мы усаживались с подозреваемым и пытались завоевать его доверие. Например, мы говорили: «Лучше сидеть дома, чем отправляться под пули в другие страны». Мы начинали задавать вопросы из пачки, показывая, что у нас есть

на них дело... На столе стоял кувшин с ледяной водой; что наркотик подействовал, становилось ясно, когда собеседник брался за стакан. Наркотик срабатывал. Каждый собеседник, за исключением одного (некурящего), сообщал нам новую информацию, которой до того у нас не было.

Сотрудник из Манхэттенского проекта вспоминает об этой поездке по южным штатам, как «о добром времени». Они посещали лучшие рестораны, осматривали достопримечательности. «Джордж был хорошим парнем», — говорит он. «Однажды, после одного из допросов в Новом Орлеане, мы лежали в своем номере отеля «Рузвельт»; Джордж достал пистолет и выстрелами «выгравировал» свои инициалы в лепном украшении потолка. Он воспользовался автоматическим револьвером 22-го калибра, снабженным глушителем, затратив несколько обойм». На вопрос, испробовал ли рассказчик на себе этот «наркотик правды», он ответил утвердительно. «Сигареты дают ощущение парения над землей на высоте около метра. При этом меня охватывало ощущение полного благополучия... Мои сотрудники до самого конца войны не соглашались принять от меня сигарету».

С конца Второй мировой войны правительство США во главе с ЦРУ тайно искало пути управления поведением человека. В этой книге рассказывается о проведенном поиске, истоки которого прослеживаются во Второй мировой войне. Программы ЦРУ явились не только продолжением поиска ОСС «наркотика правды»; они отражают также такие события, как нацистские эксперименты в Дахау и открытие ЛСД Альбертом Гофманном. Испытав внутренние пределы сознания, Гофманн сделал открытие, которое вывело его на передовые рубежи науки. Как никогда ранее, воюющие страны искали идеи у ученых, способных дойти до этих рубежей, — идеи, которые позволили бы определить разницу между победой и поражением. В то время как Гофманн, следуя швейцарской традиции, стоял в стороне, другие ученые, подобно Альберту Эйнштейну, помогали превращать лабораторные абстракции в оружие невероятной разрушительной силы. Идеи Ж.Верна о космических кораблях, летящих на Луну, перестали быть абстракцией после того, как ракеты Вернера фон Брауна начали бомбить Лондон. С их созданием ученые превзошли научные фантазии. Никогда ранее их открытия не были столь захватывающими и пугающими. Работа Альберта Гофманна касалась фантазий, реализация которых, согласно легендам, была в древности доступна колдунам и волшебникам, пользовавшимся заговорами и напитками, чтобы подчинять себе людей. В начале эпохи научных открытий мечта об управлении мозгом приняла современную форму в творчестве Мэри Шелли, описавшей чудовище — доктора Франкенштейна. Эта мечта была модернизирована в эпоху холодной войны в виде «маньчжурского кандидата», убийцы, мозгом которого управляло вражеское государство[4].

Кто бы мог с полной уверенностью заявить, что такая фантазия не станет реальностью, подобно ракетам Ж.Верна или расчетам Эйнштейна? И кого удивил бы налет правительственных служб, в частности ЦРУ, на лабораторию Альберта Гофманна в попытке овладеть силой, господствующей над разумом, которой обладает ЛСД?

Проводившиеся в Дахау эксперименты обнажили жестокость, которую человек способен обрушить на людей во имя успехов науки и для содействия своей стране в достижении военных преимуществ. Сказать, что эксперименты в Дахау являются объективными уроками, показывающими, насколько далеко могут зайти люди в оправдании применяемых ими средств, означает преуменьшить то, что происходило в концентрационных лагерях. Ничто из того, что когда-либо после войны делало ЦРУ в разработке технологий, связанных с контролем над разумом, даже приблизительно не сравнилось с бездушной жестокостью, с которой

нацисты убивали людей в процессе своих «авиационных» исследований. Тем не менее в попытках отыскать способы и средства, позволяющие манипулировать людьми, сотрудники ЦРУ и их агенты преодолевали те же многочисленные этические барьеры. Они экспериментировали, испытывая неизвестные и опасные методы на людях, не подозревавших о том, что происходило. Они систематически попирали свободную волю и достоинство подопытных и, подобно немцам, предпочтительно выбирали своих жертв среди определенных групп населения, которые рассматривались ими (вследствие предрассудков или по соображениям удобства) как менее достойные, чем те, к которым они относились сами. Там, где спонсоры ЦРУ проводили свои эксперименты, они выбирали собственные эквиваленты для групп, соответствовавших выбранным нацистами евреям и цыганам. Это могли быть душевнобольные, проститутки, иностранцы, наркоманы, заключенные, часто это были люди, принадлежавшие к этническим меньшинствам.

После войны американские официальные лица колебались между этичным и агрессивным подходами к научным исследованиям. После того как трибунал вынес приговор оставшимся в живых нацистским преступникам первого эшелона — герингам и шпеерам, американцы на втором Нюрнбергском процессе обвинили врачей Дахау в «преступлениях против человечности». Ни один из немецких ученых не выразил раскаяния. Большинство утверждали, что самые гнусные преступления были совершены другими. Все перекладывали ответственность на правительство, которое финансировало научные исследования. Так, д-р Карл Брандт, личный врач Гитлера, говорил, что решающую роль играет «ценность эксперимента». На вопрос об отношении к убийству людей в процессе медицинских исследований Брандт отвечал: «Неужели вы думаете, что могут быть получены достойные фундаментальные результаты без гибели определенного количества людей?». Судьи, заседавшие в Нюрнберге, не признали справедливость таких оправданий. Они предложили особый кодекс, названный позднее Нюрнбергским кодексом по научным исследованиям[5]. Его главными моментами были следующие утверждения: исследователи должны действовать только с полного согласия испытуемых; эксперименты должны давать результаты, идущие на благо общества, причем они не могут быть получены иным путем; исследователи не должны проводить эксперименты, результатом которых может явиться смерть или серьезная болезнь; исключением может быть случай, когда врач, руководящий экспериментом, сам принимает в нем участие. Судьи, которые все были американцами, приговорили семерых врачей к смертной казни через повешение. Еще девять врачей были приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Таким образом, правительство США использовало всю свою моральную силу для обоснования идеи, согласно которой определяются пределы, ограничивающие действия врачей по отношению к человеку, даже если предположить, что от их поведения зависит безопасность страны.

Нюрнбергский кодекс лежит в основе официальной политики США с 1946 г., однако еще до вынесения приговора специальные разведывательные команды тщательно просеивали и анализировали документы, относившиеся к проводившимся в Дахау экспериментам, имеющим важное военное значение. В отчете одной из групп говорится, что, хотя часть данных страдает «неточностью», некоторые выводы в случае их подтверждения явятся «существенным дополнением к имеющимся сведениям». Военные специалисты отправили в Соединенные Штаты собранные отчеты, в том числе и сведения, относящиеся к экспериментам с приемом мескалина и применением гипноза. Данные о немецких

исследованиях по контролю над разумом никогда не были опубликованы. Как это обычно случается, непосредственно после войны в мире оживились различные политические течения. Союзники превратились в противников, враги стали союзниками. Происходили и другие перемены. В США новая холодная война принесла с собой пронзительное чувство страха и ощущение важной роли своей миссии, во всяком случае среди американских лидеров. На базе этих чувств и господствующей в Америке веры в технический прогресс возросло стремление ЦРУ усмирить враждебные мысли и сделать реальными фантазии о шпионах. Эксперименты продолжались, и ученые из ЦРУ, порой переживавшие неудачи, но одержимые, возвращались в лаборатории, чтобы осуществить еще одну, последнюю, попытку. Некоторые теории опровергались, тогда как другие появлялись в новом обличье, которое оказывалось более заметным за пределами ЦРУ, чем в мире секретных операций. Только одно оставалось неизменным на протяжении 25-летнего периода активных поисков: интерес ЦРУ к контролю над разумом человека, его мыслью должен был оставаться абсолютной тайной.

Мировая война породила не только великие темы поведенческих программ ЦРУ. Она сформировала также жизненный опыт руководителей ЦРУ и привела к созданию самого ЦРУ. Тайное безрассудство и мужество ОСС были непривычны для США, а методы ОСС перерастали в привычки ЦРУ. У руководства ОСС появились в дальнейшем аналогичные руководители в Разведывательном управлении. Руководители ЦРУ знали руководителей ОСС, мыслили, как они, копировали их методы, а порой это были даже одни и те же люди. Когда, например, руководители Разведывательного управления решили направить массивные усилия на контроль над мыслями, они обратились к старым документам ОСС и пошли к достижению поставленной цели тем же путем, которым шел ОСС. Руководители ОСС привлекали к работе ученых со стороны; руководители ЦРУ тоже обращались к наиболее престижным ученым из академических и промышленных кругов, настойчиво уговаривая их оказывать помощь государству. Они привлекли даже того самого Джорджа Уайта, который «выбил» свои инициалы в потолке отеля при выполнении задания ОСС.

Деятельность Уайта в ОСС и ЦРУ спустя многие годы приобрела некоторую ранее не предусмотренную специфику. Для тех, кого это непосредственно касалось, управление поведением было смертельно опасным делом. В их сознании возникала путаница, даже простое безумие. В проводившейся ЦРУ кампании некоторые из самых выдающихся американских ученых-бихевиористов вводили подопытным пациентам всевозможные препараты, подсоединяли к ним различные проводочки. Часто они не обращали внимания на очевидно неблагоприятное воздействие на своих подопытных, аргументируя это необходимостью проверки теоретических обоснований. Уместно вспомнить практику ученых-врачей XIX в., которые с помощью пиявок пускали кровь своим пациентам и с презрением отзывались о невежестве тех, кто ставил под сомнение применявшуюся ими методику. Если бы схемам этих ученых, направленным на управление мыслями, сопутствовали более значительные успехи, они были бы значительно тревожнее. Однако, по крайней мере до настоящего времени, побеждает человеческий дух. И это можно считать благотельным итогом кампании, направленной на контроль над мыслительной деятельностью человека.

Вторая мировая война ознаменовала конец американского изоляционизма и невинности. США обнаружили, что им предстоит ликвидировать большой пробел в отношениях как с врагами, так и с союзниками в деле применения секретных военных акций. В отличие от Англии, которая в течение столетий проводила

тайные операции, чтобы предотвратить распад империи, у Соединенных Штатов отсутствовала традиция проведения подрывных операций в качестве секретного инструмента государственной политики. Немцы, французы, русские, почти все страны уже давно принимали участие в этой игре, хотя лучше всего это, по-видимому, удавалось англичанам.

Секретная деятельность британских агентов в Соединенных Штатах привела к созданию Франклином Рузвельтом организации, которая получила в 1942 г. название ОСС. Это была первая организация, созданная в США для ведения тайной неограниченной войны. Рузвельт поставил во главе ОСС юриста с Уолл-стрит, героя Первой мировой войны генерала Уильяма Донована — Дикого Билла. Неотесанный миллионер-республиканец» обладавший большой интеллектуальной любознательностью, Донован стартовал, в качестве советника Белого дома по вопросам, связанным с разведкой, еще до Пёрл-Харбора; при этом у него был прямой доступ к президенту.

Обучаясь у англичан, которые делились своим опытом, хотя не всеми секретами, Донован создал организацию на пустом месте. Будучи выпускником Колумбийского колледжа и юристом, закончившим Колумбийский университет, он рекрутировал своих сотрудников из числа выпускников учебных заведений Восточного побережья. «Друзьям или друзьям друзей можно доверять». «Старые ребята» составляли костяк британской секретной службы, и, как в большей части других правил ОСС, американцы и в этом отношении следовали примеру англичан.

Одним из новых «рекрутов» Донована был Ричард Хелмс, молодой газетчик, более всего известный тем, что в 1936 г. сумел взять интервью у Адольфа Гитлера, работая тогда на Юнайтед Пресс. Ученик швейцарской школы Ле Розе, в которой учился и шах Ирана, затем выпускник престижного Уильямс-колледжа, Хелмс свободно вращался в кругу молодых сотрудников ОСС. Он был более скрытен, чем общительный Донован, однако столь же честолюбив и, умело судил о людях. Для Хелмса шпионская работа в ОСС легла в основу жизненной карьеры. Он стал наиболее важным спонсором исследований по контролю над мыслями, которые проводило ЦРУ, пропагандировал и распространял их, продвигаясь к командным высотам управления.

Подобно всем основным руководителям военного периода, начиная с президента Рузвельта, генерал Донован считал, что Вторая мировая война была в значительной степени основана на победах научных достижений. Идея состояла в том, чтобы мобилизовать науку на оборону, и администрация Рузвельта создала систему переплетающихся исследовательских программ, разрабатывающих всевозможные темы, начиная от расщепления атома и кончая борьбой за предотвращение психических срывов в бою. Донован поставил бостонского промышленника Стенли Лавелла во главе отделения исследований и разработок ОСС и назначил его координатором по связи ЦРУ с правительственным научным сообществом.

Выпускник Корнельского университета и «доморощенный химик», Лавелл был надежным, энергичным человеком, обладавшим способностью торговать отвергнутыми идеями. Подобно большинству людей его поколения, он был откровенным патриотом. Вскоре после Пёрл-Харбора он записал в своем дневнике:

Как сказал Джеймс Хилтон. «Рассуждать на войне значит предавать». Моя задача очевидна — отдать все, что во мне есть, чтобы помочь Америке.

Генерал откровенно сообщил Лавеллу, чего он от него ожидает: «Мне требуется любой самый незначительный инструмент и любой фокус, который наши люди могли бы использовать против немцев и японцев, особенно в программах подпольных движений сопротивления на всех оккупированных территориях. Вам придется изобрести их, ибо вы будете моим человеком». Такими словами описал Лавелл приказы, полученные им от Донована после того, как он был представлен шумному, сверхактивному шефу ОСС. Никогда раньше Лавелл не встречал человека с такой мощной энергетикой.

Лавелл обратился к светилам из академических и промышленных кругов. С целью создания различного рода вооружений для ОСС и британской разведки была организована специальная группа, получившая наименование «дивизион 19». Группа входила в комитет по исследованиям проблем национальной безопасности, во главе которого стоял Джеймс Конант. Позднее Лавелл писал, что его стратегия заключалась в том, чтобы обнаружить «дрянного мальчишку», скрывающегося внутри каждого американского ученого, и сказать ему: «Отбрось свое законопослушное поведение. Предоставляю тебе шанс организовать веселый шабаш» («merry hell»).

Стенли Лавелла хорошо помнит д-р Джордж Кистяковски, химик из Гарварда, занимавшийся в годы войны разработкой взрывчатых веществ, а позднее ставший научным советником президентов Эйзенхауэра и Кеннеди. Он вспоминает, как Стен пришел к ним с просьбой изобрести такие способы маскировки взрывчатых веществ, которые позволили бы тайно ввозить их в неприятельские страны. С одним из своих сотрудников Кистяковски разработал вещество, которое назвали «Тетушка Джемайма». По вкусу и внешнему виду оно напоминало порошок, предназначенный для изготовления выпечки. Кистяковски рассказывает:

Из этого порошка можно было выпекать хлеб и печенье. Я принес его однажды на совещание высокого уровня в Министерстве обороны и в присутствии его участников ел изготовленное из него печенье, демонстрируя, какое это изумительное изобретение. Все, что требовалось сделать, чтобы оно взорвалось, подобно динамиту, — это прикрепить к нему мощный детонатор.

С такой маскировкой «Тетушку Джемайму» можно было тайно ввозить в оккупированные страны. Имеются данные, что с помощью порошка был взорван по меньшей мере один большой мост в Китае.

Лавелл просил ученых-бихевиористов ОСС найти что-либо, что оскорбляло бы японские культурные традиции. Входившие в его штат антропологи сообщили, что самым большим позором для японского солдата является процесс испражнения. Тогда Лавелл заставил химиков создать вещество, издававшее запах диареи (поноса). Этим составом заполняли хрупкие трубочки, которые привозили в Китай и раздавали детям в оккупированных японцами городах. Детей научили следовать на людной улице за японским офицером и разбрызгивать содержимое трубочки на его брюки. Лавелл дал этому оружию название «Кто? Я?». По его мнению, это стоило японцу «потери лица».

«Кто? Я?» не должно было убивать или наносить увечья. Это раздражающее вещество предназначалось для снижения морального духа японского солдата. Идея поступила из академических кругов, где делались попытки создать науку о поведении человека. В годы Второй мировой войны поведенческие науки едва зарождались, однако в ОСС (ранее, чем в секретных службах других стран) осознали их перспективность на войне. Такие науки, как психология и

психиатрия, социология и антропология, являлись источниками сведений, которые можно было использовать для манипулирования противником.

Сам генерал Донован полагал, что методы психоанализа можно проверить на Адольфе Гитлере, чтобы понять, что именно заставляет его поступать тем или иным образом. Донован поручил работу «аналитика фюрера» Уолтеру Лангеру, психоаналитику из Кембриджа, штат Массачусетс; его старший брат Уильям расстался с кафедрой истории в Гарварде и возглавил исследовательский и аналитический сектор ОСС[6]. Лангер возражал. Он считал, что анализ личности Гитлера на базе имеющихся данных будет крайне неопределенным, что обычные психиатрические и психо-аналитические методы не могут быть использованы без прямого доступа к пациенту. Но Донован был человеком, которого не смущали такие детали. Он приказал Лангеру продолжить исследования.

При содействии небольшого штата исследователей Лангер просмотрел все материалы о Гитлере, которые смог разыскать, и опросил людей, знавших его лично. Понимая крайне ограниченный характер имевшейся в его распоряжении информации, Лангер продолжал трудиться и завершил свое исследование. Он охарактеризовал Гитлера как «психопата-невротика» и подверг анализу его психику. Лангер, ныне отставник, живущий во Флориде, полагает, что он довольно близко подошел к описанию реального Гитлера. Особенно он гордится своим прогнозом, согласно которому нацистский главарь, по мере все новых военных поражений Германии, утратит мужество и предпочтет самоубийство плену.

Одной из причин, по которой Гитлера подвергли психоанализу, было стремление найти его слабые места и использовать их в тайных операциях. Стенли Лавелл ухватился за одну из идей Лангера (о женственных чертах, присущих Гитлеру) и получил от руководства ОСС разрешение воздействовать на его сексуальную ориентацию[7]. «Возлагалась надежда на то, что он утратит свои усы и приобретет женский голос», — писал Лавелл. Он использовал агентурную сеть ОСС, пытаясь ввести женские гормоны в пищу Гитлера, но из этого, видимо, ничего не получилось. Ничего не вышло и из других идей Лавелла — довести Гитлера до слепоты, используя горчичный газ, или использовать лекарство, предназначенное для обострения эпилепсии, которой, как полагают, страдал Гитлер. Основная проблема при проведении вышеперечисленных операций (а были осуществлены попытки реализации всех предложений) состояла в том, чтобы заставить Гитлера принять предложенные лекарства. Неудачные схемы введения предлагаемых веществ в организм сохранили Гитлеру жизнь, поскольку ОСС одновременно предпринимал попытки его отравления[8].

Несомненно, убийство человека является решающим способом повлиять на его поведение, и ученые ОСС создали целый арсенал химических и биологических отравляющих веществ, в том числе сильнодействующий токсин ботулин, который предполагалось вводить в организм в желатиновой капсуле размером меньше булавочной головки. Лавелл и его сотрудники знали, что существуют и менее кардинальные способы манипулирования поведением человека. Ими были созданы разнообразные вещества, вызывавшие тошноту, зуд, облысение, понос (или его запах). Меньшим успехом сопровождались их попытки создать вещество, заставляющее говорить правду, но причина заключалась не в недостаточном усердии.

Химические и биологические вещества использовались в войнах задолго до появления ОСС. Так, уже в Первой мировой войне обеими противоборствующими сторонами использовались отравляющие газы; в начальный период Второй мировой войны японцы вызывали в Китае эпидемии, сбрасывая над его территорией бомбы, начиненные болезнетворными бактериями; как союзники, так и страны «оси» (Рим — Берлин — Токио) создали запасы химического и бактериологического оружия (ХБО), которые в конечном итоге заставили противника воздержаться от его применения. Военные рассматривали ХБО как средство уничтожения целых армий и даже популяций. Подобно секретным службам других стран мира, ОСС индивидуализировал ХБО и превратил его в тайное избирательное средство, сеющее панику среди противника, дезориентирующее, калечащее и даже убивающее его.

Какой бы разнообразной ни была научная деятельность Лавелла в ОСС, она все же была ограниченной в сравнении с деятельностью д-ра Сидни Готлиба, занимавшего аналогичную должность в ЦРУ и курировавшего там послевоенную программу контроля над разумом. Готлиб руководил исследованиями, включавшими широкий спектр деятельности — от изучения амнезии после электрошока до поисков ядовитых листьев я древесной коры в джунглях Латинской Америки. Аналогично исследованиям, в которых речь шла о лишении Гитлера усов, сектор Готлиба приступил к разработке проекта, в соответствии с которым должна была выпасть борода у Фиделя Кастро; подобно Лавеллу, Готлиб лично посылал оперативников со смертельным ядом, предназначенным для убийства таких руководителей иностранных государств, как руководитель Конго Патрис Лумумба: с равным спокойствием он готов был обсуждать возможности применения новых достижений в области неврологии. В значительно большем объеме, чем Лавелл, Готлиб изучал любые приемы, которые позволяли бы одному человеку управлять разумом другого. Продвигаясь по службе в ЦРУ вместе со своим шефом Ричардом Хелмсом, Готлиб занимался широким спектром проблем от анализа почерков до создания стрессов.

В начале войны англичане подали генералу Доновану еще одну идею. Их психологи и психиатры создали программу прогнозирования поведения военнослужащих. Донован полагал, что такая программа поможет ОСС провести отбор среди новобранцев. Чтобы создать аналогичную систему для американцев, Донован пригласил Генри («Хэрри») Меррея, профессора психологии из Гарварда. В 1938 г. Меррей издал работу «Исследование личности» с описанием целого ряда тестов, которыми можно пользоваться при оценке личности человека*. «Шпионская деятельность привлекательна для душевнобольных, — утверждает Меррей. — «Работа в этой области доставляет удовольствие и психопатам». Основная задача программы, согласно Меррею, состояла в том, чтобы исключить из контингента военнослужащих душевнобольных, а также «людей раздражительных, медлительных, ленивых, плохих актеров и болтунов».

* Генри Меррей (1893-1988), американский психолог. Большой популярностью в психологии пользуется его тест тематической апперцепции (ТАТ) — одна из проективных методик, предназначенная для исследования глубинных мотивов личности. — Науч.ред.

Находясь в постоянной спешке, Донован дал Меррею и группе его коллег только 15 дней; по истечении этого срока предстояло подвергнуть оценке первых прибывших кандидатов. Под свой центр группа заняла обширное поместье вблизи Вашингтона. В течение ряда встреч была сформулирована система выработки оценок, в которой немецкие и британские методы сочетались с исследованиями, проведенными Мерреем ранее. С ее помощью проверялись способность новобранца выдерживать оказываемое на него давление, быть лидером, его

устойчивости к спирту, способность умело лгать, а также определять характер человека по его одежде.

Спустя более чем 30 лет после войны Меррей остается скромным в своих притязаниях на роль автора в создании системы оценки личности, утверждая, что система явилась только вспомогательным средством, позволившим «выполоть» самые одиозные фигуры среди кандидатов в ОСС. Тем не менее руководитель Разведывательного управления полагался на надежность ее результатов; система Меррея была принята ОСС, причем проверку проходили как американцы, так и иностранные агенты. Ряд молодых сотрудников-бихевиористов, таких, как, например, Джон Гарднер[9], продолжили свою карьеру в качестве общественных деятелей; еще важнее то, что рассматриваемая программа оценки личности была признана важной вехой в развитии американской психологии. Это было первой попыткой осуществления систематической оценки личности человека с прогнозом его дальнейшего поведения. После войны оценка личности сама стала новой областью деятельности, и некоторые сотрудники Меррея стали создавать подобные системы в крупных корпорациях, начиная с АТ&Т. Они ввели также учебные программы в университетах, начиная с Университета в Беркли[10]. Как не раз случалось с разрабатываемыми ЦРУ исследовательскими программами контроля над разумом, ОСС на многие годы опережал исследования и разработки по широкому применению поведенческой теории.

В послевоенные годы Меррея перегнал молодой психолог из Оклахомы Джон Гиттингер, который вырос в ЦРУ, опираясь на силу своих идей, направленных на то, чтобы создать надежную науку оценки личности и использовать ее для манипулирования людьми*. Гиттингер собирался создать отделение в рамках ЦРУ, где предполагалось улучшить эффективность оценок Меррея, а также проводить непрямой анализ личности зарубежных лидеров, предложенный Уолтером Лангером. Методы Гиттингера стали неотъемлемой частью повседневной работы управления, а сам он превратился в протезе Сида Готлиба.

* Разработанная им методология в дальнейшем легла в основу методики **PAS** (*Personality Assessment System*). См., в частности, статью Джона Винна и Дж.Гиттингера «An Introduction to the Personality Assessment System» // *The Journal of Clinical Psychology, Monographs Supplement*, № 30, April 1973. — Науч.ред.

Стенли Лавелл полагал, что хорошим способом убить Гитлера (названный сотрудник ОСС всегда находился в поиске удачных идей) явилась бы гипнотически внушенная немецкому заключенному ненависть к гестапо и нацистскому режиму с последующей отдачей под гипнозом приказа убить фюрера. Кандидата, выбранного ОСС, выпустили бы в Германии, где он и совершил бы желаемое действие.

Лавелл посоветовался по вопросу о том, сработает ли такая схема, с нью-йоркским психиатром Лоуренсом Кьюби и со знаменитыми братьями Меннингерами, Карлом и Уильямом. Меннингеры заявили, что имеющиеся данные позволяют считать, что гипноз не может заставить людей поступать против их желания. К этому Кьюби добавил, что если бы у немецкого заключенного была логическая причина убить Гитлера или кого-либо другого, то для мотивации ему не понадобился бы гипноз.

Лавелл и его сотрудники, как и большая часть американских психологов и психиатров, согласились, видимо, с таким скептическим отношением к гипнозу. В описываемое время гипноз не рассматривался как сколько-нибудь значимая область деятельности; его результаты считались недостоверными, а сам он — совершенно бесполезным делом, особенно при проведении секретных операций.

Однако некоторые серьезные экспериментаторы верили в его военный потенциал. Наиболее активным сторонником такого взгляда был Джордж Эстебрук («Эсти»), возглавлявший кафедру психологии Колгейтского университета. С начала 1930-х гг. он периодически выбирался из сонного университетского царства и консультировал военных по проблемам применения гипноза.

Эстебрук признавал, что гипноз действует не на всех людей; он считал, что только одного человека из пяти можно погрузить в глубокий транс или в состояние гипноза. Он полагал, что только таких людей можно против их желания заставить совершать преступления или выдавать тайны. Он видел, как уважаемые члены общества глупо вели себя, попав в руки эстрадных гипнотизеров; студентов он тоже заставлял раскрывать тайны друзей и детали своих любовных приключений, то есть поступать против своего очевидного желания.

Однако его опыт был все же ограниченным. Эстебрук понял, что единственный надежный способ узнать, способен ли человек под гипнозом совершить такое преступление, как убийство, — это заставить его убить кого-нибудь. Не желая брать на себя ответственность за такое деяние, он подумал, что полученная от государства санкция снимет личную ответственность с гипнотизера. Он писал:

Любой «несчастный случай», который может произойти при проведении экспериментов, будет просто списан на те людские потери, которые являются неотъемлемой составной частью боевых действий.

После Пёрл-Харбора Эстебрук выступил со своими предложениями перед ОСС, но они не были поддержаны в правительстве. Никто не захотел возложить на себя ответственность за доведение эксперимента до его логического завершения. Ему пришлось ограничиться сочинением книг, посвященных использованию гипноза на войне. Подобно троянской прорицательнице Кассандре, он пытался предупредить Америку об опасности управления человеком под гипнозом. В написанном им в 1945 г. романе «Смерть разума» («Death in the Mind») рассматривался ряд казавшихся предательскими действий, совершенных представителями союзников: например, капитан американской подводной лодки торпедирует свой собственный боевой корабль, а прекрасная героиня начинает совершать иррациональные поступки, приносящие выгоду противнику.

Герой романа, секретный агент Джонни Ивенс, проведя опасное расследование, узнает, что немцы гипнотизировали персонал союзников, заставляя их выполнять приказы нацистов. Ивенс и его сотрудники, потрясенные многообразием способов использования против них гипноза, переходят к разработке сложных методов противодействия, а затем не могут не прибегнуть к их реализации. Героиня, уже подвергнутая жестоким пыткам, возражает. Она говорит, что заставлять людей поступать тем или иным образом — «это отвратительный способ ведения боевых действий». Мучающие ее угрызания совести отмечает Джонни Ивенс, ее шеф и любовник. Он отправляется к немцам, «чтобы управлять их мыслями; превращать их в предателей; заставлять их работать на нас».

В послевоенный период, когда создавался аппарат национальной безопасности США, руководители ЦРУ возложили на себя миссию Джонни Ивенса, выразив ее почти теми же словами. Ричард Хелмс, Сид Готлиб, Джон Гиттингер, Джордж Уайт и многие другие предприняли далеко идущую сложную атаку против человеческого разума. Как в области гипноза, так и во многих других областях ученые, еще более активные, чем Джон Эстебрук, стремились получить согласие ЦРУ на проведение тех экспериментов, ответственность за которые они не решались взять на себя. Порой персонал ЦРУ сотрудничал с учеными, в других

случаях агенты ЦРУ проводили эксперименты самостоятельно. Они воздействовали на мозг многих людей, причем некоторым неизбежно нанося вред, скрывали и преуменьшали последствия своих действий. В итоге они дожили до того времени, когда возникли сомнения в отношении их собственного душевного здоровья.

Примечания

[1] В специфическом значении Гофманн использовал слово «trig» («странствие») в интервью 1977 г. для описания своего изменяющего сознание переживания; в 1943 г. это слово такого значения не имело и используется здесь анахронически.

[2] ЦРУ изъяло имя Дель Грацио из документов ОСС, описывавших этот случай, но его личность удалось идентифицировать по бумагам Джорджа Уайта, вдова которого передала их в колледж Футхиллс в Лос-Альтосе, штат Калифорния. Сотрудники ЦРУ изъяли фактически все имена из 16 тыс. своих страниц и нескольких десятков страниц ОСС, которые были мне переданы по Закону о свободе информации. Однако, как и в вышеупомянутом случае, многие имена могли быть восстановлены по параллельным источникам.

[3] Сотрудники морской разведки договорились о совместных действиях с главарями бандитов. В результате губернатор штата Нью-Йорк Томас Дьюи приказал в 1946 г. освободить из тюрьмы босса Дель Грацио «Лакки» Лучиано.

[4] Термин «маньчжурский кандидат» появился в 1959 г., когда писатель Ричард Кондон дал такое название своему роману-бестселлеру, по которому был поставлен популярный фильм с известными звездами кино Лоуренсом Харви и Фрэнком Синатрой в главных ролях. В нем рассказывается о том, как советско-китайские секретные службы, захватив в плен американского солдата, подвергли его такому «промыванию мозгов» в специализированном маньчжурском центре, что он превратился в дистанционно управляемого киллера, который должен был убить президента США. При работе над книгой автор консультировался со многими экспертами, и некоторые источники смогли ему сообщить о дискуссии, проходившей в 1953 г. в ЦРУ, посвященной проблемам управления поведением. Один из участников дискуссии заявил: «Военнослужащие, которые вернулись из плена из Северной Кореи через Советский Союз, пережили некоторый период потери памяти и дезориентации при проезде через определенную зону в Маньчжурии». Сотрудники ЦРУ и военные, участвовавшие в этой дискуссии, обещали сообщить более подробную информацию, однако к этому вопросу больше не возвращались, он не возникал ни в документах, опубликованных ЦРУ, ни в интервью, которые брались по поводу этой книги.

[5] Кодекс был предложен в его окончательном виде консультантом группы обвинителей д-ром Лео Александром, психиатром из Бостона.

[6] За четыре месяца до Пёрл-Харбора Донован принял на службу Уолтера Лангера с целью создания государственной сети психоаналитиков для изучения морального духа молодых американцев. Существовали опасения, что они не испытывали энтузиазма от мысли, что придется воевать в чужих странах. Казалось, Пёрл-Харбор решил эту проблему, но Лангер остался у Донована в качестве консультанта-психоаналитика.

[7] Лангер писал, что Гитлер был «явным мазохистом, поскольку получал сексуальное удовольствие от испытываемых им физических наказаний. Можно вполне обоснованно предполагать, что в раннем детстве он идентифицировал себя не с отцом, а с матерью. Это давалось ему легче, чем большинству мальчиков, ибо в его физическом облике имеется значительная женственная составляющая... Его крайнюю сентиментальность, эмоциональность, характерные для него иногда мягкость, слезы, даже после того, как он стал канцлером, можно рассматривать как проявление основного рисунка характера (паттерна), несомненно связанного с его отношением к матери».

[8] Историкам давно были известны связи сотрудников ОСС с немецкими офицерами, которые организовали в 1944 г. покушение на Гитлера. Однако тот факт, что люди из ОСС самостоятельно пытались убить его, ускользнул от внимания бдительных ученых того времени. Об этом в своей книге «Ю шпионах и стратегических замыслах» рассказал Стенли Лавелл (1963 г.). Однако он высказался столь нечетко, что исследователи, видимо, не заметили изложенные им факты. Лавелл писал: «Порой я поставлял карбамат или иной препарат, пригодный для введения в вегетарианскую пищу фюрера». Под «иным препаратом» подразумевается разновидность карбамата.

[9] Гарднер, психолог, преподававший в колледже Маунт-Холиоки, помог Меррею создать исходную программу и открыл на Западном побережье испытательный комплекс ОСС на территории перестроенного пляжного клуба в Сан-Хуан Капистрано. После войны он стал секретарем **НЭУ** (Министерства здравоохранения, образования и социального обеспечения) в администрации Джонсона и основателем «Общего дела».

[10] Меррей не испытывал восторга по поводу проводившихся экспериментов. «От некоторых из них просто воротит», — говорил он.

Глава 2

Холодная война против разума

Вскоре после создания ЦРУ его сотрудники начали проводить предварительные разработки по наркотикам и гипнозу, однако программа управления поведением человека начала работать только после того, как в 1949 г. венгерское правительство провело судебный процесс против кардинала Миндсенти. С остекленевшим взглядом Миндсенти признавался в преступлениях, которые он, очевидно, не совершал. Его признания напоминали московские процессы 1937-1938 гг., во время которых преданные партийные аппаратчики признавались в совершении невероятных преступлений. Упомянутые процессы, как и ряд послевоенных процессов в других странах Восточной Европы, казались нереальными инсценировками. Сотрудники ЦРУ почувствовали, что им необходимо понять, как коммунистам удалось зомбировать обвиняемых. В отношении процесса Миндсенти в секретном меморандуме ЦРУ заявлялось, что «некоторая неизвестная сила» управляла кардиналом; далее высказывалось предположение, что его гипнотизировали.

Летом 1949 г. глава научной разведки ЦРУ совершил специальную поездку в Западную Европу, чтобы получить более подробные сведения о происходящем в Советском Союзе и «применить специальные методы ведения допросов с целью

оценки русской практики». Иными словами, опасаясь того, что коммунисты могут испытывать наркотики и гипноз на заключенных, один из руководителей ЦРУ использовал такие методы на беженцах и пленных из Восточной Европы. Вернувшись в США, он рекомендовал следующие меры: во-первых, предпринять в рамках ЦРУ попытку освобождения Миндсенти; и, во-вторых, подготовить в ЦРУ и послать в Европу команду, обученную «специальным» методам ведения допросов того типа, которыми оно уже ранее пользовалось в Европе.

К весне 1950 г. в нескольких других отделениях ЦРУ также планировалось оперативное применение гипноза. Управление безопасности, главной задачей которого была защита персонала ЦРУ и его помещений от противника, приступило к централизации всей деятельности в этой области и в других областях, связанных с бихевиористикой. Шеф безопасности Шеффилд Эдвардс, бывший армейский полковник, которому через десять лет предстояло руководить совместными операциями ЦРУ и мафии, взял на себя инициативу, созвав совещание всех заинтересованных отделений ЦРУ и предложив, чтобы проводящие допросы команды формировались под руководством Управления безопасности. Этому управлению предстояло использовать сформированные команды для проверки агентов и выявления перебежчиков по всему ЦРУ. Предполагалось, что в состав каждой команды будут входить психиатр, эксперт по полиграфу (детектору лжи), обученный гипнозу, и техник. Эдвардс согласился не использовать команды в своих операциях без разрешения комитета высокого уровня. Разработанному проекту было дано кодовое наименование **BLUEBIRD**, которое, подобно всем наименованиям в ЦРУ, не имело смыслового значения, кроме как, быть может, для выбравшего его лица. Этой программе Эдвардс присвоил гриф «сверхсекретно» и подчеркнул крайнюю необходимость соблюдения секретности. 20 апреля 1950 г. директор ЦРУ Роско Хилленкеттер одобрил проект BLUEBIRD и использование тайных фондов для финансирования его самых секретных направлений. Теперь разработанная в ЦРУ программа по контролю поведения имела бюрократическую структуру.

Шеф научной разведки присутствовал на первом совещании по проекту BLUEBIRD в управлении Шеффилда Эдвардса и уверил присутствовавших в том, что его отделение продолжит усилия по сбору всей информации, относящейся к зарубежным — особенно русским — разработкам в области бихевиористики. Вскоре его представитель обратился к протоколам Нюрнбергского трибунала с целью обнаружить что-либо полезное для проекта BLUEBIRD. По мнению психолога ЦРУ, просматривавшего материал по немецким научным разработкам, там не содержалось ничего полезного. Он вспоминает: «Это настоящий ужас, но мы узнали, на что способны люди. Они проводили эксперименты по болевому порогу, но во всем было столько садизма, что полезные данные отсутствовали... Очень интересно, как выдерживали жертвы».

По крайней мере вначале между учеными и проводившими допросы сотрудниками ЦРУ имело место сотрудничество. Исследователи из Управления безопасности (не имевшие теоретической базы, но с опытом полицейской службы) и исследователи из научной разведки (с небольшим опытом оперативной работы, но с хорошей академической подготовкой) совместно работали над открытыми публикациями и секретными отчетами. Они быстро поняли, что единственный способ создания эффективной защиты от контроля над разумом состоял в том, чтобы осознать его наступательный потенциал. Линия раздела между атакой и обороной, при условии ее существования, стала вскоре настолько размытой, что утратила всякое значение. Почти в каждом документе ЦРУ

подчеркивались такие задачи, как «доведение управляемого человека до состояния, при котором он будет выполнять наши указания против своего желания и даже действуя против таких основных законов природы, как чувство самосохранения». Прочитав такой меморандум, один из сотрудников ЦРУ написал своему шефу: «Если предполагается выдать такие цели за исследование оборонительных возможностей, то они не скрывают истинных намерений».

Через три месяца после одобрения директором ЦРУ проекта BLUEBIRD первая команда отправилась в Японию. В ее задачи входило испытание на людях (вероятно, на подозреваемых «двойных агентах») методов контроля поведения. Группа в составе трех человек прибыла в Токио в июле 1950 г., примерно через месяц после начала корейской войны. Им было понятно значение их миссии. По приказу Управления безопасности они должны были скрывать свои действительные цели даже от военной администрации США, совместно с которой они работали в Японии, причем в качестве прикрытия следовало использовать «интенсивную работу с детектором лжи». Работая в условиях удушающей жары и высокой влажности, они испытывали на четырех подопытных субъектах комбинации депрессанта, амитала натрия, и стимулятора, бензедрина; двум испытуемым давали еще один стимулятор, пикротоксин. Предпринимались также попытки вызвать у них амнезию. Команда сочла проведенные испытания успешными, однако имеющиеся в ЦРУ документы, относящиеся к этой поездке, содержат только приблизительное описание того, что там происходило[1]. Затем в конце сентября 1950 г. команда, работавшая по проекту BLUEBIRD с использованием «прогрессивных методов», испытала их на 25 субъектах, видимо, военнопленных из Северной Кореи.

К концу 1950 г. программу BLUEBIRD возглавил 40-летний Морзе Аллен, один из оперативников Управления безопасности. На начальном этапе своей карьеры он занимался борьбой с коммунистической угрозой внутри страны. Это происходило в конце 30-х гг., когда, работая в Комиссии гражданской службы, он завел в ней первые секретные досье на коммунистов. («Он знаком с их методами», — писал один из его коллег по ЦРУ). В годы Второй мировой войны Аллен служил в военно-морской разведке, преследуя левых сначала в Нью-Йорке, а позднее в Японии, после высадки военно-морских сил на Окинаве. По окончании войны он пришел на службу в Государственный департамент, но в конце 40-х гг. покинул его. Ему показалось, что там слишком мягко относятся к некоторым коммунистическим акциям. Вскоре он поступил на службу в Управление безопасности ЦРУ. Будучи по природе человеком недоверчивым (а этому способствовала и его работа), Аллен ничего не принимал за чистую монету. Как у всех сотрудников разведки и контрразведки, его задачей было показать, почему видимость не соответствует реальной сущности вещей. Его мысль всегда опережала события и стремилась заглянуть за их фасад, пробивая в нем отверстия. У Аллена не было академической подготовки по вопросам управления поведением, хотя он и прошел краткий курс обучения гипнозу — предмету, глубоко его интересовавшему. В работе по программе BLUEBIRD он видел деятельность, требовавшую изучения новейших методов, которые коммунисты могли бы использовать против США, и изобретения методов противодействия.

В ЦРУ Аллена обучили работе, которая на первых этапах деятельности ЦРУ являлась важной составной частью тайных операций, — использованию детектора лжи (полиграфа). Возможно, в большей мере, чем какая-либо иная разведывательная служба, ЦРУ прибегало к проверке своих иностранных агентов (а порой и собственных сотрудников) на этом устройстве. Полиграф измеряет

физиологические изменения, которые могут явиться индикаторами лжи: частоту сердечных ударов, кровяное давление, потоотделение и т.п. Это устройство никогда не давало 100-процентной гарантии. В 1949 г. Управление безопасности выразило мнение, согласно которому детектор успешно срабатывает в семи случаях из восьми — довольно высокий процент, однако недостаточно высокий для тех, кому требуется особая надежность. Лжец-психопат, человек под гипнозом, специально подготовленный агент — все они способны одержать победу над машиной. Помимо того, успешный исход работы устройства зависит также от умения оператора задавать вопросы и управлять механизмом. «Хороший оператор может блестяще использовать полиграф, даже не включая его», — утверждает один из ветеранов-оперативников ЦРУ. Другие придерживались менее экстравагантной точки зрения, что основная ценность прибора состоит в удержании агентов от соблазна проявить нелояльность или выдать секреты. Возможность машины, реальная или воображаемая, заключающаяся в способности обнаруживать измену или нечестность, сама по себе может явиться устрашающим фактором[2]. Тем не менее полиграф не может заставить говорить правду. Подобно носу Пинокио, он служит только индикатором лжи. Кроме того, чтобы «усадить» человека в машину, требуется приложение значительных физических усилий. Долгие годы в ЦРУ предпринимались попытки преодолеть этот недостаток, разработав «суперполиграф», который можно было бы направлять издали или скрытно располагать в стуле. В этой области, как и во многих других, ни одна схема контроля поведения не казалась слишком невыполнимой, и ученым ЦРУ удалось добиться некоторого прогресса. В декабре 1950 г. Морзе Аллен рассказал своему шефу Полу Гейнору, бригадному генералу в отставке, который ранее долгое время работал в контрразведке и был знаком с техникой ведения допросов, что он слышал об экспериментах, проводившихся в одной из больниц г.Ричмонда, штат Виргиния. Эксперименты проводились с использованием машины «электросон». Аллену понравилось это изобретение: человек погружался в сон спокойно, без шока и судорог. Ранее, чтобы вызвать у человека состояние, близкое к гипнотическому трансу, командой, работавшей по программе BLUEBIRD, применялись лекарственные средства. Аллен надеялся, что с помощью машины оператор сможет погружать человека в сон, не прибегая к лекарствам. Теоретически оператор должен был только присоединить провода с электродами к голове испытуемого субъекта и позволить машине сделать все остальное. Машина (размером в два раза более настольного диктофона) стоила около 250 долл. Аллен писал:

Нельзя испытывать ее на наших людях, поскольку существует вероятность, пусть и минимальная, получения мозговой травмы. Однако она может применяться при допросах военнопленных или испытываться на людях, представляющих интерес для ЦРУ.

В конце 1951 г. Аллен обсуждал с известным психиатром (имя которого, как и большинство других, не приводится в публикациях ЦРУ) ужасный, но более реалистичный метод. Этот психиатр, консультант ЦРУ, сообщил, что электрошок может вызвать амнезию различной продолжительности; свою информацию он получил от пациентов, вышедших после электрошока из ступора. Он сообщил, что определенная настройка вызывающей электрошок машины Рейтера причиняла «мучительную боль», которая, не являясь лечебной, могла быть эффективным методом при допросах «третьей степени», заставляя говорить допрашиваемых. Аллен спросил у психиатра, использовал ли тот «период дурноты», следовавший за электрошоком, с целью получения гипнотического контроля над своими пациентами. Психиатр ответил отрицательно, однако сказал, что попытается сделать это в ближайшее время, а о результатах сообщит в ЦРУ. Он утверждал также, что при длительном применении электрошоковых процедур

можно довести человека до «уровня растения», причем это может быть обнаружено только с помощью особых тестов (*EEG tests*). Завершая сообщение, Аллен отметил, что на рынок уже выпущены портативные батарейные электрошоковые машины.

Вскоре после упомянутого доклада Аллена Управление научной разведки рекомендовало, чтобы этому психиатру из резервных фондов было выделено 100 тыс. долл. «на развитие электрошоковых методов и разработки в области гипноза». Аллен считал эти исследования перспективными, но у него были некоторые сомнения, связанные с последствиями применения электрошока:

Возражения связаны с тем, что после электрошокового воздействия возможно доведение человека до «растительного» уровня. Я полагаю, что применение этих способов допустимо только в исключительных случаях; более предпочтительной и безопасной следует считать нейтрализацию людей путем взятия их под арест и/или удаления их из данной зоны.

В 1952 г. Управление научной разведки предложило выделить другому частному врачу 100 тыс. долл. на разработку относящихся к проекту BLUEBIRD «нейрохирургических методов», связанных, видимо, с лоботомией[3]. Примерно в то же время Управление безопасности планировало прибегать к услугам внешних консультантов для выяснения их мнения относительно таких факторов воздействия, как ультразвук, вибрации, тряска, высокое и низкое давление, использование различных газов в герметичных камерах, изменения в диете, кофеин, усталость, облучение, жара и холод, а также изменение освещения. Наряду с перечисленными факторами руководством ЦРУ были рассмотрены и иные способы воздействия; некоторые пристально изучались, тогда как в отношении других проводились простые консультации.

Разработки по проекту BLUEBIRD начались еще при жизни Сталина, когда свежи были воспоминания о Гитлере, а ужасающие перспективы глобальной ядерной войны начинали проникать в общественное сознание. Советский Союз подчинил себе большую часть стран Восточной Европы, а коммунистическая партия одержала победу в самой многонаселенной стране мира — Китае. Началась война в Корее, а в США под предводительством сенатора Маккарти был предпринят крестовый поход против коммунизма. Как во внешней, так и во внутренней политике преобладающим настроением был страх, даже паранойя.

Американское руководство оправдывало преступления и эксцессы, имевшие место как в то время, так и в дальнейшем, атмосферой холодной войны. Нескончаемыми жалобами сопровождали разоблаченные официальные деятели Америки, работавшие в сфере обеспечения национальной безопасности, свои действия, оправдывая их истерией холодной войны. Опасения периода холодной войны не служат моральным или юридическим оправданием предпринимавшихся действий, хотя и помогают их объяснить. Недостаточная обоснованность таких опасений не делала их менее реальными для живших в ту эпоху людей.

Это было время, когда США достигли господствующего положения в мире. После Второй мировой войны у американских руководителей было то превосходство, о котором часто мечтают дипломаты. Преследуя свои цели, они организовывали новые союзы, назначали новых правителей, создавали новые государства. Всюду их замечали и относились с почтением — большим, чем когда-либо ранее. Ощущение своей новой значимости опасно сочеталось со страхами периода холодной войны. Природа человека такова, что он, чувствуя свою важность и одновременно одолеваемый страхом, становится опасным для других.

После принятия в 1947 г. Закона о национальной безопасности было создано не только ЦРУ, но и Национальный совет безопасности, иными словами, командная структура холодной войны. Такие руководители ОСС военного периода, как Уильям Донован и Аллен Даллес, усердно лоббировали новый закон. Вслед за тем руководители новой командной структуры стали распространять свои страхи и грандиозные представления об опасности в обществе. В ответ на ощущаемую угрозу они заняли жесткую, воинственную позицию в отношении любого, кого считали врагом, в первую очередь в отношении Советского Союза. Они возложили на себя задачу бороться во всем мире с коммунизмом и со всем, что ему способствует. Очень немногие граждане не соглашались с ними; представлялось, что они выражают чувства большинства американцев той поры. Тем не менее руководство Национальной безопасности предпочитало действовать втайне. В материалах секретной комиссии под руководством бывшего президента Гувера это стремление к проведению тайных операций выражено следующим образом:

Теперь ясно, что мы имеем дело с безжалостным противником, целью которого является завоевание мирового господства любыми средствами. В такой игре нет правил. Должны быть пересмотрены действовавшие ранее в Америке принципы «честной игры». Необходимо создать эффективные службы разведки и контрразведки, научиться свергать и уничтожать противника, проводить подрывную работу, пользуясь более хитроумными, сложными и эффективными способами и средствами, чем те, которые применяются против нас.

Люди обновленного ЦРУ восприняли поставленную задачу весьма серьезно. Как вспоминает Хэрри Розитке, один из бывших руководителей Советского отдела ЦРУ, «мы ощущали, что находимся на передовой линии обороны в антикоммунистическом крестовом походе. Было ясное понимание своей миссии. Мы понимали, насколько ответственна стоящая перед нами задача». С ним соглашается Майкл Бурке, руководивший тайными операциями в Германии, прежде чем возглавил нью-йоркских янки на Мэдисон-сквер: «Это захватывало... Мы были полностью поглощены тем, что в настоящее время не находит правильного понимания; холодная война в те дни была реальностью; сотни тысяч советских солдат, танков и самолетов, способных дойти до Ла-Манша за 48 часов, располагались у границ Восточной Германии». Как свидетельствует Хью Каннингем, долгое время проработавший в руководстве ЦРУ, «нас заставили почувствовать, что наша страна находится в отчаянной опасности и мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы спасти ее».

Этими опасениями были порождены разработки программы BLUEBIRD и позднее — программы контроля над разумом. ЦРУ предстояло также изучить методы, применяемые возможным противником, и узнать его намерения. Как считает Рей Клайн, один из прежних заместителей директора ЦРУ, «если бы тогдашний директор ЦРУ не пытался узнать, что русские собирались делать в начале 50-х гг. с препаратами, влияющими на умственную деятельность, то он был бы немедленно уволен».

Руководство ЦРУ понимало, что ему следует знать о намерениях русских. Однако внимательное изучение документов тех лет тремя десятилетиями позднее свидетельствует о том, что если у русских и были прорывы в области исследования проблемы управления поведением человека (первооткрывателями они здесь, несомненно, не были), то ЦРУ не смогло это доказать. Например, в одном из документов Управления безопасности от 1952 г., которое соперничало с Управлением научной разведки, отмечалась «крайняя скудость данных, собранных по советской проблематике». Автор замечает, что информация ЦРУ базируется «на слухах, не подтвержденных высказываниях и на не основанных на фактах сведениях»[4]. Очевидно, страхи и фантазии, связанные с процессом

кардинала Миндсенти, и последовавшее за этим «промывание мозгов» во время корейской войны не были в достаточной мере обоснованы реальными фактами. Превалировавшее в ЦРУ мнение о «сильном отставании в области контроля над разумом» было в такой же степени основано на мифах, как и позднейшие слова об отставании в отношении состояния американских бомбардировщиков и ракет. Как бы то ни было, разработка программы контроля над разумом получила значительный импульс к развитию.

При всей уникальности и опасности холодной войны люди взаимодействовали друг с другом и с властью почти так же, как и в другие периоды американской истории. Бюрократическая возня продолжалась на протяжении самых критических периодов реализации программы управления поведением. Какие бы тревоги ни вызывала русская угроза у администрации ЦРУ, внутреннее соперничество за право распоряжаться фондами и людскими резервами продолжалось. За период 1950-1952 гг. руководство программой контроля над разумом перешло от Управления безопасности к Управлению научной разведки и вновь вернулось к Управлению безопасности. За это время проект BLUEBIRD был переименован в **ARTICHOKE**. Бюрократические баталии обескураживали сторонних наблюдателей, однако многие существенные повороты в программе управления поведением были порождены бюрократическими соображениями соперников. Управление безопасности имело в своем составе множество прагматиков, жаждавших повсеместно искоренить коммунистов и гомосексуалистов. Как излагалось в одном из документов, они полагали, что интеллектуалы из научной разведки не смогли выдать и «одного нового пригодного документа, предложения, лекарства и т.д.». В то же время джентльменам из научной разведки представлялось, что недостаток теоретических и технических знаний у бывших полицейских, военных и следователей не позволяет им заниматься таким важным делом, как контроль над человеческим разумом.

Как отмечалось в докладе одного из сенатских комитетов в 1976 г., «в этой области не прекращались ведомственные конфликты». В 1952 г. в докладе шефа Медицинского управления (которое тоже принимало участие во внутриведомственных разборках) было сделано еще более резкое заявление: «Внутри ЦРУ имеет место вопиющее отсутствие сотрудничества между различными группировками, порожденное мелкой ревностью и личными разногласиями, приводящее к замедлению и ослаблению действий ЦРУ в целом». Когда в 1952 г. проект ARTICHOKE вернулся из Управления научной разведки в Управление безопасности, победа была одержана только на два с половиной года; затем большая часть разработок в области контроля поведения перешла в другое ведомство ЦРУ, укомплектованное учеными с опытом оперативной работы, — в Управление технических служб[5].

Бюрократические баталии велись и за пределами ЦРУ, хотя между различными службами и планировались шаги к сближению. Чтобы избежать дублирования усилий, директор ЦРУ в апреле 1951 г. одобрил заключение союза с разведками армии, флота и ВВС. В армии и на флоте проводились исследования, направленные на получение «наркотика правды», тогда как в ВВС основное внимание было направлено на разработку методов допроса, применявшихся на сбитых летчиках. Для обсуждения проблем по проекту ARTICHOKE представители разведок посещали регулярно проводившиеся встречи. ЦРУ пригласило также ФБР, но Эдгар Гувер уклонился от участия в совместной работе.

В течение короткого периода сотрудничества военные и ЦРУ обменивались информацией с британским и канадским правительствами. Выступая на первом заседании в июне 1951 г., британский представитель сразу заявил, что в методах проведения допросов не появилось ничего нового со времен инквизиции и что мало надежды на получение ценных результатов в процессе научных исследований. Он намеревался сосредоточить внимание на пропаганде и политических методах ведения операций в той области, где они связаны с угрозой коммунистического влияния на профсоюзы. Как видно из опубликованных ЦРУ протоколов, этот скептик англичанин признал важную роль исследований в сфере поведения человека, но такое быстрое обращение не внушало доверия. В протоколах зафиксирован также консенсус в отношении вопроса об отсутствии «достоверных данных» о «революционных достижениях» стран Запада или Советского Союза в этой области; советские методы описываются как «удивительно сходные... с методами вековой давности». Тем не менее представители трех стран согласились продолжить исследование методов управления поведением в связи с их значимостью для «ведения боевых действий периода холодной войны». Неизвестно, чего добились англичане и канадцы. ЦРУ продолжало свои изыскания до 1970-х гг.

Бюрократический конфликт был не единственным аспектом обычного ведомственного быта на протяжении долгих лет холодной войны. Официальные лица продолжали учитывать этические и юридические последствия своих решений. Часто ими предпринимались шаги с целью самозащиты, но в своих поступках они по крайней мере учитывали этические факторы. Было бы ошибкой утверждать, что исчезла всякая моральная ответственность. Официальные лица страдали от последствий своих действий; значительная часть исследований в области управления поведением представляет собой историю преодоления этими лицами постоянно возникающих моральных конфликтов.

Управлению безопасности с трудом удалось найти психиатра для команды, которая первой была послана в Японию; в течение долгих лет ЦРУ с трудом удавалось привлечь для участия в проекте квалифицированный медицинский персонал. Причинами таких трудностей, как указывается в документах ЦРУ, среди прочих являются сравнительно низкая оплата труда врачей и их ограниченный профессиональный диапазон в программе ARTISHOKE. Помимо того, отмечалось, что «этика кандидата может воспрепятствовать его участию на некоторых наиболее революционных этапах нашего проекта». Этот фактор наглядно проявился при наборе сотрудников ЦРУ. В меморандуме, опубликованном в процессе поиска талантов, объяснялось, по какой причине врач оказывался пригодным: «Его этика такова, что он будет сотрудничать с нами на любом этапе программы, каким бы революционным он ни был».

Еще больше затруднений вызывало получение испытуемых для экспериментов по контролю над разумом. В одном из меморандумов ЦРУ отмечается: «Самая большая наша проблема состоит в том, чтобы найти подходящих испытуемых». Руководители проекта ARTISHOKE находили самых «удобных» испытуемых среди людей бездомных, бродяг, находящихся в поле зрения разведки.

Как говорится в одном из документов ЦРУ, это были люди сомнительной лояльности, подозреваемые агенты, имевшие определенные причины для обмана, и т.д. Сотрудники ЦРУ, работавшие до проекта ARTISHOKE, рассматривали этих

людей в качестве «уникального материала», который может позволить открыть важные тайны в процессе работы.

Справедливо отметить, что оперативники ЦРУ считали жизнь таких субъектов менее ценной в сравнении с жизнью студентов колледжей, эксперименты над которыми носили предварительный, более мягкий характер. Они подбирали подопытных, руководствуясь соображениями этической чувствительности эксперимента. Один из психиатров, работавший в команде по проекту ARTISHOKE, подчеркивает тот факт, что сотрудники ЦРУ не желали наносить ущерб здоровью испытуемых. Однако он и его коллеги собирались испытывать на агентах не только профессионально неэтичные, но и явно преступные методы. Как утверждает один из психологов ЦРУ, проработавший десять лет в рамках программы управления поведением, «мы не считали особо важным делом соблюдение гражданских прав относительно лиц, изменивших своей стране или эффективно работавших на поражение нашей страны». Другой бывший психолог ЦРУ замечает, что у руководства ЦРУ не было «универсальной концепции человечества» и оно собиралось поступать с иностранцами так, как не хотело поступать с американцами. По его словам, «это была чисто патриотическая позиция».

У руководителей проекта ARTISHOKE имела место постоянная нехватка подопытных субъектов. Профессиональные оперативники, особенно традиционалисты, не желали передавать агентов людям из разведки, использовавшим сомнительные методы. Практики не хотели, чтобы посторонние, какими были участники проекта ARTISHOKE, действовали в их операциях. В области шпионажа агент — весьма ценная собственность, и оперативники склонны усиленно их защищать. Поэтому в распоряжение команд ARTISHOKE передавались, как правило, отбросы общества.

Сотрудники ЦРУ, работавшие по проекту ARTISHOKE, безжалостно пересекали четкие границы этики. Морзе Аллен считал, что бесполезно экспериментировать на добровольцах. Как бы естественно они ни старались действовать, им известно, что они участвуют в игре. Сознательно или интуитивно, но они понимают, что никто не причинит им вреда. Аллен чувствовал, что он сможет получить надежные результаты, только работая с субъектами, для которых, как он писал, «много поставлено на карту (быть может, жизнь или смерть)». В документах и разговорах Аллен называл такие реалистические испытания «окончательными экспериментами» — окончательными в том смысле, что они будут доводиться до конца. Они не завершаются в тот момент, когда субъекту захочется домой или он почувствует, что ему или его интересам может быть нанесен ущерб. Как правило, субъект даже не подозревал о своем участии в эксперименте.

При изучении проблемы управления поведением исследователи доводили работу только до определенного предела. С точки зрения Аллена, кто-то должен был затем провести окончательный эксперимент, чтобы определить, как срабатывает предложенный метод в реальных условиях: как наркотик действует на человека, не подозревающего о его применении; как мощный электрошок влияет на память; как длительное отсутствие сенсорных ощущений влияет на сознание. По определению, окончательные эксперименты выходят за юридические и этические рамки. Предельные (окончательные) эксперименты означали смертельный исход, однако, согласно источникам из проекта ARTISHOKE, такие эксперименты не были разрешены.

Для профессиональных сотрудников ЦРУ переход за установленные границы (во имя национальной безопасности) являлся частью их работы, хотя у отдельных оперативников существовали личные пределы, за которые они обычно не заходили. Большинство ученых не хотело участвовать в игре на этом этапе, в то же время и сотрудники ЦРУ не всегда стремились к присутствию посторонних лиц. Если ученых и медиков привлекали к участию в окончательном эксперименте, то они обычно выполняли работу тайно. Как объяснил известный невролог из Корнельской медицинской школы Гарольд Вольф, обращаясь с предложением о проведении исследований для ЦРУ, если ожидается, что испытания могут нанести вред испытуемым, то «мы ожидаем, что ЦРУ предоставит испытуемых, а также место, пригодное для проведения необходимых экспериментов». Любой профессионал, уличенный в попытке проведения экспериментов, спонсируемых ЦРУ (сопровождаемых насильственным удержанием испытуемых, накачиванием нежелательными наркотиками), был бы, вероятно, арестован за похищение или грубое насилие. Такой ученый утратил бы доброе имя среди своих коллег. В то же время, проводя такие эксперименты под прикрытием ЦРУ, он мог не опасаться юридических последствий. Его коллеги не могли осудить его, ибо не знали, чем он занимается. К тому же он мог гордиться тем, что помогает родине.

Те, кто лично не присутствовал при окончательном эксперименте, не могут себе представить, что при этом ощущает человек. В любом случае приятные воспоминания об этих испытаниях у испытуемых не сохраняются. Хотя исследователи имели порой сходство с Альфонсом и Гастоном, они воспринимали себя и свою работу крайне серьезно. В настоящее время они либо умерли, либо, по известным причинам, не хотят говорить об этих испытаниях. Только в приводимом далее случае я смог дать хотя бы приближенное описание окончательного эксперимента, причем эксперимента весьма умеренного в сравнении с другими, которые планировались в рамках проекта ARTICHOKE.

Примечания

[1] Более подробно случай наркотерапии и наркогипноза описывается в главе 3.

[2] Хотя регулярные проверки сотрудников ЦРУ на полиграфе, по-видимому, не позволили выявить агентов противника среди руководящего состава, они почти наверняка оказывают сдерживающее влияние на гомосексуалистов, а также на тех, кто мог бы в корыстных целях воспользоваться большими наличными суммами, раздаваемыми из вошедших в поговорку «черных сумок».

[3] Имеющиеся документы не позволяют установить, финансировало ли ЦРУ в конечном итоге эту программу или вышеупомянутую программу применения электрошока.

[4] ЦРУ отказалось сообщить дополнительные сведения о советских программах управления поведением.

[5] Это подразделение ЦРУ, ответственное за поставку технических новинок, фальшивых документов, средств тайнописи, маскировочных средств и оружия, носило несколько наименований (*Technical Services Division, Office of Technical Services*); в настоящей книге будет использоваться наименование *TSS (Technical Services Staff* — Техническая служба).

Глава 3

Профессор и обработка по типу «А»

Группа ВМС включала троих. Они ехали в Германию вместе. Поездка проходила в глубокой тайне. Душным августовским утром 1952 г. в ожидании самолета на терминале базы ВВС Эндрюс близ Вашингтона они должны были делать вид, что не знакомы друг с другом. Шла война в Корее. Даже учитывая общую настороженность, таинственность, окружавшая описываемую поездку, выходила далеко за обычные пределы. Это объяснялось тем, что во Франкфурте этой команде предстояло присоединиться к группе сотрудников ЦРУ, деятельность которого была покрыта завесой особой таинственности. Затем объединенной группе предстояло провести опасные эксперименты на людях. Как в кругах ВМС,

так и в ЦРУ полагали, что, если данные о намеченных испытаниях станут известными, это нанесет серьезный урон национальным интересам США.

После двухчасовой задержки группа ВМС вылетела наконец с базы Эндрюс на военном 4-моторном транспортном самолете. Только после приземления на американском аэродроме на Азорах представитель военно-морской разведки в группе подал условный сигнал, означавший, что слежки нет и можно говорить. Вспоминая об этом, другой участник операции, д-р Самуэл Томсон, психиатр, физиолог, фармаколог и одновременно представитель командования ВМС, считает все это играми «плаща и кинжала».

Третьим членом группы был Ричард Вендт, заведующий факультетом психологии в Рочестере, одновременно работавший по контракту с ВМС США. Это был невысокий 46-летний сидящий мужчина с заметным брюшком. Его сопровождала молодая привлекательная ассистентка, которая якобы должна была помогать ему при проведении экспериментов. Ее присутствие было встречено с неодобрением как членами морской группы, так и разведчиками ЦРУ из Франкфурта. Работы в области контроля над разумом проводились преимущественно мужчинами, исключение составляли женщины — объекты испытаний. Отношения профессора с сопровождавшей его дамой явились источником трений между ним и другими членами группы. По этому поводу был даже отправлен официальный доклад в ЦРУ.

Работая в рамках сверхсекретной программы ВМС под названием CHATTER, теоретически профессор Вендт находился в подчинении д-ра Томсона, однако своевольный психолог не желал подчиняться чьим-либо приказам. По иронии судьбы, волевым профессор стал участником программы, цель которой состояла в подавлении воли других людей. Программа ВМС, предпринятая в 1947 г., была направлена на создание «наркотика правды», который заставлял бы людей признаваться в своих самых сокровенных тайнах.

Томсон в 1951 г. получил в наследство Вендта и программу CHATTER, когда возглавил психиатрические исследования в Институте медицинских исследований ВМС. Он вспоминает, как представитель военно-морской разведки говорил ему о необходимости такого препарата на случай, «если кто-нибудь заложит атомную бомбу в одном из наших городов и у нас будет только 12 часов, чтобы узнать место ее закладки. Что мы могли бы сделать, чтобы заставить террориста заговорить?». Томсон признает, что всегда сомневался в возможности появления такого средства. Но, по его мнению, возможность появления у русских такого чудодейственного препарата была достаточным основанием для создания этой программы. Томсон и другие руководители в США не могли устоять перед искушением отправиться на поиски панацеи, которая сделала бы их могучими и всезнающими.

Профессор Вендт проводил для ВМС эксперименты с наркотиками еще до того, как был вовлечен в поиск «сыворотки правды». Ранее он занимался борьбой с морской болезнью, используя драмалин и другие средства. Перейдя к проведению более секретных исследований, ВМС скрыли их под покровом продолжающихся исследований «морской болезни». В конце 1950 г. ВМС заключили с Вендтом контракт на 300 тыс. долл. для изучения таких веществ, как барбитураты, амфетамины, алкоголь и героин. В целях обеспечения секретности, которая в области исследований по контролю над разумом часто достигала непомерной величины, эти деньги поступали к нему не по каналам ВМС, а из необычайного

фонда министра обороны. За наркотиками, которые нельзя было получить через фармацевтические компании, руководство ВМС обращалось в Федеральное бюро по наркотикам. Руководитель этого бюро лично подписывал бумаги, и специальные курьеры доставляли пакеты с незаконными наркотиками по улицам Вашингтона к профессору в Рочестер. Как свидетельствуют рецепты, из бюро, среди прочих наркотиков, было доставлено 30 г чистого героина и 11 ф. мексиканской марихуаны.

Подобно большинству серьезных исследователей, Вендт, прежде, чем испытывать наркотики на ассистентах и студентах, проверял их действие на себе. Наркотиком, которому было уделено наибольшее внимание, был героин, причем Вендт стал главным испытуемым субъектом. Он сообщил руководству, что с недельным интервалом делал себе инъекции героина, а затем записывал свои реакции на протяжении жизненного цикла: поездки на машине, покупки, развлечения, работа по дому, отношения в семье, сексуальная активность. Вендт заметил у себя «легкую эйфорию... усиление эстетических интересов... рассеянное поведение... отсутствие желания работать с полной отдачей... нежелание употреблять алкоголь... понижение сексуальных интересов... ощущение физического здоровья». В заключение доклада он замечает, что «героин может играть некоторую незначительную роль при допросах», будучи введен человеку, с которым проводилась долговременная работа»[1].

У Вендта никогда не было недостатка в студентах-волонтерах. Он просто вывешивал объявления в студенческом городке, и перед ним оказывался длинный список соискателей. Он выбирал только мужчин старше 21 года и платил всем, принятым после длительного собеседования, по 1 долл. в час. Имея в своем распоряжении большие правительственные ассигнования, он нанял более 20 штатных ассистентов и оборудовал новое помещение для проведения экспериментов на чердаке библиотеки. Со студентами Вендт был осторожен и, по-видимому, не делился с ними сильнодействующими наркотиками. Обычно испытания проводились с небольшими группами — от четырех до восьми человек. Вендт и его сотрудники наблюдали за испытуемыми через систему зеркал, записывая их реакции. Он постоянно применял как наркотики, так и плацебо (нейтральные составы): студенты никогда не знали, что именно они принимают. По мнению д-ра Томсона, предупредив их заранее, дав им время собраться и подготовиться, «не удалось бы провести чистый эксперимент».

Тем не менее испытания Вендта не проводились над ничего не подозревающими испытуемыми. Любой наркотик, достаточно мощный для того, чтобы пробить сопротивление противника, мог оказать травмирующее воздействие на принимающего его человека, в особенности если человек не подозревал о происходящем. В план исследований ВМС входили предварительные эксперименты с такими испытуемыми, как, например, студенты Вендта. Только после того, как наркотик окажется перспективным, предполагалось начать испытывать его в полевых условиях. В условиях проведения нормальных научных исследований испытания не проводились бы до завершения основной работы. Однако ВМС не могли ждать. Наркотики следовало испытать на ничего не подозревающих людях. Томсон охотно признает «неэтичность» ситуации, но говорит: «Мы чувствовали, что должны это сделать на благо страны».

Как вспоминает Томсон, летом 1952 г. профессор Вендт заявил, что нашел такой состав, который решит проблему «наркотика правды». В частности, Томсон говорит: «Я подумал, что следует сообщить в ЦРУ, так как наверное у них есть

кто-нибудь, кого надо “разговорить”». В одном вопросе Вендт был непреклонен: он не сообщит ни в ВМС, ни в ЦРУ состав своего средства. Он только продемонстрирует его действие. Команды программ CHATTER и ARTICHOKE не могли устоять перед соблазном. У ВМС не было ни источника, ни субъектов для окончательных экспериментов, но люди из ЦРУ согласились предоставить испытуемых из Германии, хотя не представляли себе, что именно Вендт приготовил для своих «подопытных кроликов». Операция получила в ЦРУ название CASTIGATE.

Остановившись в одном из отелей Франкфурта, Вендт, Томсон и сотрудник морской разведки отправились на встречу с командой ARTICHOKE в местный штаб ЦРУ. Он располагался в большом продолговатом здании, в котором до конца войны был концерн **I. G. Farben Industry**. Многолюдное военное учреждение США являлось идеальным прикрытием для базы ЦРУ. Прибытие нескольких новых американцев прошло незамеченным. Группа ВМС быстро прошла к лифту и поднялась в офис. Во внешнем офисе ЦРУ члены группы должны были предъявить свои удостоверения. Как рассказывает Томсон, их подвергли обыску. Сотрудник морской разведки должен был сдать револьвер.

Секретарь ввел группу ВМС в комнату, где они встретились с группой ARTICHOKE, которая прибыла уже из Вашингтона. В нее входили Морзе Аллен, его босс в Управлении безопасности Пол Гейнор и выдающийся психиатр из Вашингтона, который регулярно оставлял свою частную практику, выполняя специальные задания ЦРУ. Присутствовал также представитель базы ЦРУ во Франкфурте, осуществивший подготовительную работу, наиболее важная часть которой заключалась в доставке испытуемых.

Все участники встречи хотели знать, какие наркотики Вендт собирается ввести пяти выбранным для испытаний субъектам, среди которых был один заведомо двойной агент, один подозреваемый двойной агент и еще три перебежчика. Профессор хранил молчание. Д-р Томсон спросил, что произойдет, если что-то не получится и испытуемый погибнет. Он помнит, как один из группы ЦРУ ответил: «Устранение тела не составит проблемы».

После совещания Томсон отвел Вендта в сторону и объяснил ему, что, поскольку тот, в отличие от Томсона, не является ни психиатром, ни фармакологом, он действует безответственно, отказываясь от помощи квалифицированного врача на случай чего-то непредвиденного. Вендт уступил и сообщил Томсону, что собирается ввести испытуемому комбинацию средств, состоящую из депрессанта секонала, стимулятора декседрина и тетрагидроканнабиола — активного ингредиента марихуаны. Томсон был поражен. Он вспоминает, что хотел тут же пустить Вендту пулю в лоб. Упомянутые Вендтом средства давно прошли всевозможные проверки. Даже идея смешать секонал с декседрином была не нова: уже существовало известное средство, получившее название дексамил (которому предстояло получить расхожее наименование «наркоман»). Томсон тут же сообщил группе из ЦРУ о намерениях Вендта[2]. Они тоже были разочарованы[3].

Тем не менее никому не пришла мысль прекратить испытания. В случае провала Вендта команда ARTICHOKE собиралась провести свои испытания — дело приобрело собственный импульс. Поскольку это был один из ранних опытов полевых испытаний ARTICHOKE, команда продолжала работать над совершенствованием материального обеспечения экспериментов. Недалеко от

Франкфурта для ЦРУ приобретены два дома в сельской местности, и американцам поручалась их охрана. По указанию руководства ЦРУ там устанавливались микрофоны и системы зеркал, позволяющие членам команды следить за проведением допросов.

Первый конспиративный дом представлял собой прочное строение, одиноко стоящее среди живописных полей. Несколько столетий дом простоял, не имея смотровых отверстий, и оказал строителям неожиданное сопротивление. Группы SHATTER и ARTICHOKE въехали непосредственно после того, как плотники приступили к уборке помещений, с трудом просверлив толстые стены здания.

Первый подопытный субъект был доставлен в наручниках. Со связанными ногами он лежал на полу машины. Представителями ЦРУ он был обозначен как подозреваемый русский агент в возрасте около 40 лет с «комплексом донжуана». Можно только вообразить себе, как этот человек мог прореагировать на непослдовательных американцев, которые буквально вытащили его из тюрьмы, грубо связали и почти сидели на нем во время поездки по идиллической немецкой местности, а спустя несколько часов советовали ему расслабиться, вели с ним дружескую беседу и предлагали выпить пива. Он не мог знать, что это будет последний напиток без наркотиков в течение долгого времени.

Следующим утром испытания начались всерьез. Вендт ввел 20 мг секонала в завтрак подопытного. Затем с каждой из двух утренних чашек кофе тот получил по 50 мг декседрина. Потом Вендт дал ему принять в пиве вторую дозу секонала. Его поведение было не совсем обычным, хотя неизвестно, как он вел себя в обычной обстановке. Одно было совершенно очевидно — Вендт растерялся. По-видимому, сам маленький профессор осознавал это. «Я не знаю, как обращаться с этими людьми», — пожаловался он психиатру — консультанту из ЦРУ. Он категорически отказался допрашивать испытуемого, предоставив вести допрос консультанту. Последнему, в свою очередь, не удалось получить от испытуемого какую-либо новую информацию, еще не известную ЦРУ.

На третий день все повторилось: секонал с завтраком, затем декседрин и марихуана в стакане воды. Единственным отличием от распорядка предыдущего дня — это разрешение сыграть в покер в десять часов утра. Затем в двух красных капсулах он получил наркотик от Вендта; как ему сказали, это «средство от нервов». К 2 часам дня Вендт заявил, что субъект не годится для его средств. Своим возмущенным коллегам он сказал, что если человек намерен лгать, то эти средства делают из него более совершенного лжеца. Далее он заявил, что экстракт марихуаны вызывает нежелание скрывать что-либо, лучше всего срабатывая на тех, кто хочет сказать правду, но из страха не решается. Такой эффект был обнаружен ОСС десятью годами ранее.

На время Вендт отошел в сторону, однако остальные не отказались от такого испытуемого. Они решили подвергнуть его обработке по типу «А» (сокращение от ARTICHOKE). Он также не отличался особой оригинальностью. Во время войны этим методом пользовались при допросах военнопленных и лечении контуженных солдат. Эксперимент с подозреваемым русским агентом проводился следующим образом. Вначале ему в вену вводилась доза пентотала натрия, достаточная для того, чтобы тот терял сознание; через 10 минут его приводили в полубессознательное состояние с помощью укола бензедрина. В этом случае действие бензедрина не удовлетворило консультанта-психиатра, и еще через 10 минут по его указанию д-р Томсон снова ввел испытуемому 10 мг, который впал

при этом в состоянии полусна-полубоддрствования, почти коматозное, но с глазами навывкате. Пользуясь гипнотическими интонациями, без перевода на русский язык, консультант с помощью метода «регрессии» пытался убедить субъекта в том, что тот говорит со своей женой Евой в более ранний период жизни. Это было нелегко, поскольку роль Евы исполнял переводчик-мужчина. Тем не менее консультант утверждает, что с помощью наркотерапии или гипноза ему удавалось «создать любую фантазию» у 60-70 процентов своих пациентов. Примерно в течение часа русский, по-видимому, не подозревал, что говорит не со своей женой, а с оперативниками, пытающимися узнать о его отношениях с советской разведкой. Когда человек начал дремать, консультант велел ввести ему двойную дозу бензедрина. Через час тот начал сильно рыдать. Консультант принял решение завершить сеанс; самым успокаивающим тоном он стал усыплять его. После того, как человек уснул, консультант успокаивающим голосом начал внушать ему, что после пробуждения он ничего не вспомнит.

Одной из задач, поставленных ЦРУ, было умение вызывать амнезию. В одном из документов 1952 г. говорится: «С точки зрения ARTICHOKE чем продолжительнее будет вызванная амнезия, тем эффективнее результат». Понятно, что если жертва вспомнит обработку по типу «А», то она перестанет быть тщательно охраняемым секретом ARTICHOKE. Возможно, кто-то из испытуемых, действительно работавший на русских, сообщил бы им о методах, применяемых американцами. Это обстоятельство ставило в повестку дня проблему «избавления» от испытуемых в рамках программы ARTICHOKE. Убийство, видимо, исключалось, однако руководство ЦРУ предусмотрело длительные сроки пребывания в различных тюрьмах. Хотя в ряде конкретных случаев сообщалось об успешных актах внушенной амнезии, внешние консультанты программы ARTICHOKE утверждали, что «подлинную амнезию можно гарантировать, только отрубив испытуемому голову». Видимых успехов не удалось добиться и по заключенному еще в 1950 г. частному контракту на создание средства, разрушающего память[4]. В любом случае неразумно предполагать, что на протяжении многих лет хотя бы один из испытуемых по программе ARTICHOKE не избавился от амнезии и не сообщил русским о том, что с ним произошло. Как часто происходило с операциями ЦРУ, противник был порой лучше осведомлен о деятельности ЦРУ, чем сами сотрудники Управления.

Вернувшись в оборудованный для него дом, Вендт вновь приступил к экспериментам. Ему предстояло принять еще четырех подопытных субъектов. Следующим по порядку был заведомый двойной агент, имевший в ЦРУ кличку EXPLOSIVE. В документах управления он описывается как «профессиональный русский агент» и «закаленный человек, способный лгать последовательно, но не очень эффективно». Для членов команды ARTICHOKE он не был новым объектом, ибо несколькими месяцами ранее ему вводили под гипнозом смеси наркотиков под предлогом «медико-психологического» обследования. В то время группу сопровождал гипнотизер-профессионал, который передавал команды переводчику через усовершенствованную систему связи; тот, в свою очередь, мог, по-видимому, подавлять волю человека под псевдонимом EXPLOSIVE. Позднее группа сообщала директору ЦРУ, что EXPLOSIVE передал «весьма ценную информацию», а затем забыл о допросе в результате внушенной под гипнозом амнезии. С тех пор EXPLOSIVE находился в заключении. Теперь его предоставили в распоряжение профессора Вендта, который должен был ввести ему свою смесь из секонала, декседрина и марихуаны.

В этот раз Вендт дал ему все три наркотика одновременно, растворив их в стакане пива. В выпитом во время обеда пиве он принял затем секонал, а в послеобеденной кружке пива — вновь все три ингредиента. Никакие положительные результаты не были отмечены. Закончив эксперимент после полуночи, Вендт отметил: «Данный опыт продемонстрировал, что люди, с которыми мы имеем дело здесь, отличаются от американских студентов».

В течение следующей недели сотрудники ЦРУ доставили Вендту еще троих, но и здесь успех был весьма скромным. По словам Томсона, общее отношение к Вендту стало «совсем враждебным». Его компетентность ставилась под сомнение как сотрудниками ЦРУ, так и сотрудниками морской разведки. Профессор объяснил, что одному подопытному он ввел слишком сильную дозу; другому — слишком слабую. Хотя он утверждал, что его наркотики безвкусны, подопытные замечали посторонний привкус в напитках. Пока одного из подопытных допрашивали на русском языке в соседнем помещении (причем никто не потрудился заняться переводом), Вендт в течение получаса проигрывал на пианино одну и ту же мелодию. Во время допроса последнего испытуемого Вендт и его ассистентка выпили пива и слегка захмелели. Во время эксперимента он настолько отвлекся, что признался: «Мысленно я здесь не присутствую». Его ассистентка начала смеяться. Как вспоминает Томсон, ее присутствие было подобно открытой ране; это ощущение особенно обострилось, когда во Франкфурт прибыла жена Вендта, и профессор пригрозил, что бросится с церковной колокольни.

Вендта уже нет в живых, и он не может дать свою версию происшедших событий, однако источники ЦРУ и морской разведки дают совпадающие оценки его поведения. Морзе Аллен, руководитель группы ARTICHOKE, чувствовал себя жертвой «мошенника» и описывает поездку как «напрасную трату времени и денег». Человек, обычно умевший скрывать свои чувства, Аллен бледнел от ярости, когда ассистентка отмеряла наркотики кончиком ножа. В своем заключительном докладе он рекомендовал, чтобы в дальнейшем разработчики наркотиков не допускались к участию в полевых испытаниях. Далее он писал: «Это, разумеется, не означает, что команда ARTICHOKE отвергает экспериментальную работу, однако это позволит избежать споров, недоразумений и жалоб, имевших место в недавней ситуации». Согласно тому же «здравому смыслу» он предлагал в качестве абсолютного правила не допускать женщин к участию в операциях ARTICHOKE (в связи с возможной опасностью и в связи с возможными «бытовыми неудобствами, вызванными присутствием женщин»).

Морзе Аллен и его товарищи по программе ARTICHOKE вернулись в Штаты, сохранив убежденность в возможности найти способы, позволяющие контролировать поведение человека, однако у сотрудников морской разведки появились сомнения. Основной разработчик полностью разочаровал и их. Д-р Томсон заявил, что больше никогда не сможет работать с Вендтом. Руководители ВМС вскоре вызвали Вендта и объявили о том, что прекращают финансировать его исследования, что ожидают возврата неистраченных средств. Хотя они и пытались продолжить работы по программе CHATTER с другим составом исследователей, эта программа так и не смогла восстановиться после фиаско с Вендтом. К концу следующего, 1953 г. война в Корее закончилась, и ВМС полностью отказались от проекта CHATTER.

В течение следующих двух десятилетий ВМС в большом объеме продолжали финансировать специальные исследования в области управления поведением. В

это же время армия вкладывала значительные средства в работы, направленные на лишение боеспособности целых армий путем применения сильнодействующих наркотиков. Однако в области контроля над разумом ведущая роль принадлежала ЦРУ, которое последовательно продолжало проводить исследования на переднем крае науки; оно финансировало самую большую часть наиболее опасных экспериментов. Сотни ученых были привлечены к участию в проекте ARTISHOKE и в последующих программах.

Воспоминания психиатра-консультанта ЦРУ дают некоторое представление о том, что означало быть солдатом в битве за контроль над разумом. Этот психиатр, пожелавший сохранить анонимность, отмечает, что в рамках операций ЦРУ совершил от 120 до 150 перелетов в Европу за период с 1952 по 1966 г. Он пишет: «Замечательно быть психиатром и летать в Европу, вместо того чтобы из года в год наблюдать одних и тех же пациентов. Хотел бы я вернуться в те времена. Я никогда не чувствовал усталости». Далее он отмечает, что его работой была «идеальная психиатрическая практика, поскольку она исключала общение с пациентами, которое не предусматривалось». На вопрос о его отношении к введению наркотиков ничего не подозревающим иностранцам он резко отвечает: «Это зависит от того, на чьей вы стороне. Я никому не нанес вреда... Мы воевали».

В основном этот психиатр прекратил свои опыты (обработка по типу «А») во второй половине 50-х гг., но продолжал участвовать в оценке агентов и перебежчиков и работать с ними. Он должен был устанавливать, работает ли тот или иной человек на другое государство, а также давать рекомендации по способам их перевербовки. Он двигался в основном потоке деятельности ЦРУ как в проводимых операциях, так и в отношениях с собственными сотрудниками и в связях с общественностью — деятельности, направленной на манипулирование людьми. Надежные пути к решению таких задач часто сопряжены с жестокостью. Как свидетельствовал в сенате США бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс, «оперативник, участвующий в тайных операциях... приучен полагать, что нельзя рассчитывать на честность своего агента, на то, что он будет действовать в соответствии с вашими желаниями или передавать точные данные, если он не предан вам душой и телом».

Подобно всем секретным службам мира, ЦРУ стремилось оптимизировать методы владения людьми. Как мог оперативник быть уверенным в лояльности агента? Западную Европу наводняли беженцы и перебежчики, и ЦРУ стремилось их использовать. Кто из них говорил правду? Кто был агентом противника или провокатором? Тайное вторжение англо-американцев в Албанию потерпело сокрушительное поражение. Возможно, кто-то их предал[5]? Кому могло ЦРУ доверять?

Одним из путей решения данного вопроса было использование физического давления, или пыток. Однако помимо этических соображений следует учитывать, что физическая грубость просто не приносит хороших результатов. Один работник контрразведки поясняет это следующим образом: «Если вы замахнулись на человека дубинкой, он выдаст вам только тактическую информацию». Однако он не сможет или не захочет играть на том сложном уровне, который желателен для ЦРУ. В одном из документов ЦРУ обосновывается отказ от пыток: «Такое

бесчеловечное обращение не только не согласуется с традициями нашей страны; оно неэффективно в сравнении с различными методами психоанализа».

Вторым и наиболее популярным методом получения ответа является традиционный шпионаж. При наличии достаточного времени хороший разведчик может успешно выведать у человека его тайну. Он применит убеждение, искушение и всевозможные методы психологического воздействия — эмоциональные методы кнута и пряника. Успешно работающий оперативник пользуется теми же методами при вербовке агентов. В то время как большая часть населения имеет лишь слабое представление о манипуляциях такого рода, у оперативника-профессионала это способ зарабатывать себе на жизнь: обычно он действует вне системы ограничений, регулирующих личные отношения. Как цинично признается проработавший 20 лет и ушедший в отставку оперативник ЦРУ, «я никогда не задумывался о законности и морали. Я делал то, что срабатывало».

Оперативник выискивает людей, которых он может превратить в «управляемые источники», в агентов, согласных давать информацию или выполнять его задания. Он выискивает людей, имеющих возможность сделать что-то полезное для управления, или людей, которые когда-либо будут иметь такую возможность, иногда с помощью ЦРУ. Выбрав себе мишень, он старается найти в ней слабое или уязвимое место, которым можно воспользоваться. Подобно хорошему рыбаку, умелый оперативник знает, что для того, чтобы подцепить рыбку на крючок, надо выбрать соответствующую приманку, чтобы намеченный объект думал, что схватил ее по собственному желанию. Рыба должна плотно сидеть на крючке. Иногда, осознав последствия своего предательства, агент пытается ускользнуть. Хотя оперативник может попытаться убедить его в том, что он действует на благо своей страны, агент все же должен понимать, что несет на себе клеймо предателя.

Каждый ли человек имеет свою цену? Не обязательно, считает один из опытных контрразведчиков. Но, по его мнению, умелый оперативник может обычно найти подход к каждому, в частности, через семью. В развивающихся странах местная полиция проводила по указаниям ЦРУ аресты людей; медики лечили или отказывались лечить больного ребенка; давались стипендии для обучения родственника за границей. Такого рода практика не срабатывает столь же успешно в России или в Западной Европе, поскольку США не могут там оказывать давление с такой же легкостью.

Поведение разведчика столь же индивидуально, как поведение врача у постели больного или юриста в зале суда. Оперативники пользуются различными методами, причем успешные методы тщательно изучаются и копируются. В большинстве случаев оперативники ЦРУ стараются, по возможности, пользоваться идеологизированными приманками. Джон Стоквелл, покинувший ЦРУ в 1977 г. и написавший книгу об операциях в Анголе, полагает, что лучшими агентами были «люди, считавшие, что поступают правильно... которые не любили коммунистов и положительно оценивали ЦРУ». Стоквелл вспоминает, как инструкторы ЦРУ «пропагандировали положительные аспекты вербовки. Именно это позволило создать миф об оперативниках ЦРУ как о хороших парнях. Говорили, что мы не пользовались негативными методами контроля; мы всегда устанавливали такие отношения, при которых обе стороны выигрывали от сотрудничества». Более циничные оперативники, подобно упомянутому ранее, придерживаются иного мнения: «У человека нельзя создать реальные мотивации,

размахивая флагом или говоря, что все делается на благо демократии. Надо иметь более реальную основу... Взгляды могут измениться». Этот оперативник отдает предпочтение методам, основанным на мести или на содействии карьерному росту агента:

Это хорошие мотивы, поскольку они могут создаваться в самом человеке... Например, вы начинаете работать с членом коммунистической партии и помогаете ему стать членом райкома, устранив его соперника, или вы помогаете ему занять должность, находясь на которой он может отомстить кому-либо. Одновременно при движении по карьерной лестнице он дает все больший объем информации, а если вы когда-нибудь обнаружите полученную информацию, это будет означать конец его карьеры. Вы обвели его вокруг пальца. Не обязательно говорить ему об этом. Ему и так все ясно.

Независимо от применяемых методов оперативник старается ввести в отношения с перспективным агентом денежный фактор. Иногда вся вербовка сводится к финансовому вопросу. Порой связник позволяет своему агенту сохранить иллюзию, что его поступки продиктованы более высокими мотивами. Однако, чтобы сделать агента зависимым, оперативник всегда использует деньги. Ситуация может осложниться, когда, имея дело с корыстолюбивым агентом, оперативник настаивает на частичном депонировании оплаты для предотвращения нежелательного внимания к шпиону. Но даже наличные деньги не обеспечивают полной надежности агента. Как говорит уже упоминавшийся выше циничный связник, «деньги ненадежны, поскольку кто-нибудь всегда может предложить больше».

Вызывает удивление, что все опрошенные оперативники ЦРУ считают открытый шантаж ненадежной формой контроля. Один из руководителей американской контрразведки отмечал, что, в отличие от русских, сотрудники ЦРУ редко завлекали в ловушки людей, используя сексуальные и тому подобные уловки. «Немногие оперативники способны удерживать агентов, пользуясь такими средствами. Если агента таким образом принуждают к сотрудничеству, то можно быть уверенным, что он либо ищет выхода, либо стремится к мести. При малейшей возможности он нанесет удар». Шантаж может привести к неожиданным результатам. Джон Стоквелл вспоминает агента из Юго-Восточной Азии, который хотел прекратить сотрудничество. «Оперативник отказался отпустить его, сказав: “Нам нужна твоя информация, у нас есть твои расписки, которые мы можем передать в местную полицию”. Агент застрелился, сообщив в предсмертной записке, что сожалеет о своем сотрудничестве с ЦРУ, а также о том, как агент шантажировал его. В связи с этим у нас возникли проблемы с местным правительством».

Связник всегда пытается создать плотную сеть, позволяющую ему контролировать агента. Применяемые при этом методы столь личностны, что часто больше говорят о самом связнике, отражая его взгляды и личную философию, чем об агенте. Циничный оперативник следующим образом описывает свои методы, представляющие некоторую форму ложного идеализма: «Следует обращаться с агентом как с равным, убеждая его, что вы партнеры. Не следует обращаться с ним, как с ничтожеством. Общаясь с ним, вы спрашиваете его о детях, запомнив, что в последний раз он рассказывал, какие у его сына сложности с учебой. Вы создаете личностный контакт. Если вы обращаетесь с ним пренебрежительно, как с используемым предметом, то он либо ускользнет, либо будет работать против вас».

В своем подходе Джон Стоквелл использовал силу воображения в окружающем скучном мире: «Я всегда чувствовал, что действительным стимулом было нечто увлекательное — предлагаемая вами тайная жизнь: нечто, о чем знали только вы

и он, что отличало его от рядового чиновника или участника скучного партийного собрания. Приятно осознавать, что в свое свободное время вы работаете на ЦРУ».

Иногда связник хочет заставить своего агента сделать что-то для него нежелательное. Один из бывших оперативников ЦРУ описывает это с помощью следующей метафоры:

Иногда партнерша хочет отклониться от стандартных сексуальных отношений. При наличии власти над партнершей вы можете заставить ее выполнить ваши желания, однако будет значительно лучше, если вы сможете, фантазируя и обсуждая варианты, заставить ее сказать: «Давай попробуем это». Все получается гораздо лучше, если сняты ее внутренние барьеры и моральные преграды, значительно снижается риск получения ответного удара. ...То же самое справедливо применительно к агенту.

Все оперативники — особенно это относится к контрразведчикам — в глубине души опасаются предательства со стороны своих агентов. Подозрительный профессионал выискивает такие признаки, как опоздания, нервозность, непоследовательность. Он полагается на свою интуицию. По мнению опытного контрразведчика, «чем больше вы имели дела с агентами, тем вероятнее, что вы почувствуете, как что-то идет не так».

Но независимо от умения, навыков и опыта нельзя получить точный ответ на мучительный вопрос, в какой мере можно доверять агенту. Ни все шесть чувств, ни логика, ни рассуждения не могут вселить уверенность в той области, где все основано на лжи и обмане. В отличие от британцев, которые изобрели эту игру и исторически осознали необходимость терпения и выдержки, американцы стремятся получить быстрые ответы, часто используя новейшие технологии. По словам сотрудника контрразведки, мы возлагали очень большие надежды на технические новинки. Механизмы, наркотики, технические приспособления входят в состав третьего метода контроля поведения после пыток и профессиональных навыков. Подобно «медвежатникам», полагающимся при вскрытии сейфов на ловкость пальцев, значительная часть консервативных оперативников ЦРУ пренебрежительно относится к новомодным новинкам. Многие считают, что наркотики, гипноз и другие экзотические методы отвлекают от профессиональных навыков, полагают, что их применение делает оперативников ленивыми и беззаботными.

Тем не менее многие оперативники и их высокопоставленные спонсоры, такие как Аллен Даллес и Ричард Хелмс, настойчиво продвигают идею чудодейственной техники (так называемый «бог из машины»), которая сможет решить все проблемы. Запутавшись в безнадежных завалах рядовой шпионской деятельности, оперативники надеялись на чудодейственный инструмент. Имея дело с лжецами и обманщиками, они мечтали о «наркотике правды». Окруженные людьми, знающими слишком много, они искали пути к созданию амнезии. Они мечтали о средствах, заставляющих людей против их желания выполнять такие специальные задания, как кража документов, организация драк, убийства или иные противоправные действия. Секретные агенты, завербованные более традиционными способами с опорой на идеалы, жадность, честолюбие или страх, всегда выполняли такие задания, но одновременно доставляли своим хозяевам головную боль. Иногда они внезапно меняли решения. Более того, вначале требовалось их согласие на сотрудничество с ЦРУ. Лучшие специалисты редко работают против своих мотивированных целей. (Циничный оперативник вспоминает, как однажды, в 1966 г., в одном из мадридских отелей он предложил главе кубинской разведки 1 млн. долларов — и получил категорический отказ). Измученные неуверенностью, руководители ЦРУ надеялись исключить из действий агентов фактор случайности и даже свободной воли. «Проблема каждой разведывательной операции состоит в ответе на вопрос, как исключить

человеческий фактор. Оперативники приходили к нам и просили об этом». Таким образом, побудительные мотивы к проведению исследований в области контроля над разумом шли не только от научных мечтаний и соблазнов научной фантастики, но и из самого сердца шпионского бизнеса.

Примечания

[1] Стремление Вендта выяснить, могут ли неоднократные инъекции героина влиять на поведение допрашиваемого, четко заявлено в документе ЦРУ от 1952 г., где утверждается: наркотик «может принести пользу в том случае, если не давать его пристрастившемуся к нему человеку». Интерес Вендта сохранялся в течение длительного времени после прекращения экспериментов. Женщина, освобождавшая сейф после его смерти, последовавшей в 1977 г., сообщила в рочестерскую газету «Демократ и кроникл» («Democrat and Chronicle»), что обнаружила там некоторое количество белого порошка, шприцы и большое число других медикаментов.

[2] Будучи опытными конспираторами, оперативники ЦРУ так и не дали понять Вендту, что им известна его тайна, а Вендт также не собирался сообщать о ней. В конце «странствия» он сказал консультанту, что «не чувствовал бы себя патриотом, если бы ему пришлось поделиться своей тайной, ибо команда ARTIШОКЕ была «некомпетентна», то есть не обладала полномочиями, для применения наркотиков.

[3] Гомер писал, что у древних греков существовало такое вещество — *непенте* — «лекарство, усыпляющее боль и гнев, позволяющее забыть любую печаль».

[4] Сотрудники, работавшие в программе ARTIШОКЕ (в том числе и Морзе Аллен), не владели ни одним иностранным языком. Аллен полагал, что исследования по программе ARTIШОКЕ тормозились трудностями общения с «подопытными кроликами» («морскими свинками»).

[5] Ответ был утвердительным. Дело в том, что советский агент Гарольд Филби («Кит»), исполнявший роль связного между британской разведкой и ЦРУ, видимо, проинформировал своих шефов об Албании и других странах Восточной Европы. Почти наверняка русские узнали о планах ЦРУ относительно свержения коммунистического правления в странах Восточной Европы и в самом Советском Союзе. Можно предположить, что сведения о таких планах только увеличили враждебность со стороны Советского Союза.

Часть II

Разведка, или «Колдовской напиток»

Мне кажется, что на протяжении жизни следующего поколения неизбежно появятся фармакологические средства, которые заставят людей полюбить свое рабское положение, которые создадут... своего рода концентрационный лагерь для всего общества, так что фактически у людей отнимут их свободы, а они будут этому радоваться, ибо всякое желание возмущаться у них отнимут пропаганда, «промывание мозгов», или «промывание мозгов», подкрепленное фармакологическими средствами.

Олдос Хаксли, 1959

Я совершенствовал ЛСД в медицинских целях, не как оружие. Оно может свести вас с ума, даже убить вас, если применять его без надлежащего медицинского контроля. В любом случае исследования должны проводиться медиками, а не солдатами или разведывательными службами.

Альберт Гофманн, 1977

LSD — LBJ — FBI — CIA

Лирика из сборника «Волосы», 1968

Глава 4

ЛСД

Возможно, открытие ЛСД, сделанное Альбертом Гофманном в 1943 г., обозначило бы новую эру в изучении человеческого разума, однако

потребовалось целых шесть лет, чтобы известие об этом достигло Америки. Казалось, никто в Соединенных Штатах не обратил внимания на открытие ЛСД даже после того, как в 1947 г. Гофманн и его швейцарские сотрудники опубликовали о нем статью. В 1949 г. известный венский врач Отто Каудерс отправился в Соединенные Штаты в поисках ассигнований на научные исследования. В Бостонском психиатрическом госпитале[1], одном из передовых центров психического здоровья, сотрудничавших с Гарвардской медицинской школой, он организовал конференцию, где рассказал о новом препарате, названном ЛСД. Милтон Гринблат, директор госпиталя по научным исследованиям, ясно помнит рассказ Каудерса о том, как бесконечно малая доза на время принесла «безумие» д-ру Гофманну. Гринблат говорит: «Нас очень интересовали препараты, которые могли превращать людей в шизофреников». Если это средство действительно могло вызвать кратковременный психоз, рассуждали бостонские врачи, то, как они надеялись, противоядие могло бы излечивать шизофрению. Потребуется многолетние исследования, чтобы выяснить, что ЛСД не «моделирует психоз», однако бостонским врачам в 1949 г. рассматриваемое средство представлялось невероятно перспективным. Макс Ринкель, беженец из гитлеровской Германии (нейропсихиатр по профессии), был в такой мере заинтригован сообщением Каудерса, что быстро вступил в контакт с крупнейшей швейцарской фармацевтической фирмой «Сандоз», в которой работал Гофманн. По распоряжению руководства фирмы некоторое количество ЛСД было отправлено в Америку.

Последовало первое американское «странствие» (*trip* — странствие, путешествие. На сленге наркоманов последовательность галлюцинаторных образов и переживаний. — Науч.ред.). Испытатель — Роберт Гайд, родившийся в Вермонте. Он был вторым по значению психиатром в Бостонском госпитале. Смелый и решительный человек, Гайд считал, что ни одна новая программа не будет развернута, пока он не испытает препарат на себе. При эксперименте присутствовали Ринкель и главный врач госпиталя Г.Джексон Дешон; Гайд выпил стакан воды со 100 мкг ЛСД в нем — вдвое меньше, чем Гофманн, но все же это была мощная доза. Дешон описывает поведение Гайда как «не особенно странное». Всегда деятельный Гайд настоял на проведении обычного обхода в сопровождении своих коллег. Позднее Ринкель рассказал на научной конференции, что Гайд «в своем поведении уподобился параноику, обвиняя своих коллег в том, что они ему ничего не дали. Он также ругал нас и утверждал, что компания пошла на обман, прислав простую воду. Такое поведение не характерно для д-ра Гайда. Он очень любезный человек». Первый опыт Гайда не был столь драматичным, как опыт Альберта Гофманна, но тут следует учитывать, что, в отличие от Гофманна, Гайд не отправился в неизвестность. К добру или к худу, но в 1949 г. ЛСД прибыл в Америку и началось его собственное необычное «странствие». Исследователи в академических кругах приступили к его изучению в поисках знаний, которые принесли бы пользу всему человечеству. Разведывательные службы, в особенности ЦРУ, в значительной мере субсидировали и направляли эту работу, стремясь узнать, как можно использовать этот препарат, чтобы сломить волю агентов противника, выведать секреты у тренированных шпионов и иным образом манипулировать поведением человека. На протяжении 50-х гг. оба течения — оказание помощи людям и управление ими — комфортно сосуществовали. Затем, в 60-е гг., ЛСД покинул замкнутый мир ученых и шпионов и сыграл важную роль, вызвав культурный переворот, оказавший огромное влияние как на мировую политику, так и на личные

убеждения и верования людей. «Странствие» продолжалось. Используя выражение из мюзикла «Волосы», это было «странствие» «молодежи Америки на ЛСД».

Однако поколение контркультуры не вышло еще из детской, когда в «странствие» отправился Боб Гайд: в течение нескольких лет сам Гайд не хотел становиться тайным консультантом ЦРУ. В это время ЦРУ и военные разведки пытались найти препараты и разработать иные экзотические методы, которые позволили бы завладеть разумом людей. Вернулось к жизни владевшее древними людьми желание управлять противником с помощью магических заговоров и волшебных напитков; несколько отделов ЦРУ состязались за право играть в этом ведущую роль. Сотрудники программы ARTICHOKE из Управления безопасности (как перед ними это пытались сделать в ОСС) бились над созданием «наркотика правды» или метода гипноза, которые можно было бы эффективно использовать при допросах. Одновременно в Технической службе проводили широкие исследования всей области применения химического и бактериологического оружия (ХБО) в секретных операциях. TSS была прямой наследницей Отдела исследований и разработок ОСС, во главе которого стоял Стенли Лавелл. Его сотрудники во многом сохраняли энтузиазм периода Второй мировой войны, когда Лавелл пытался отыскать «плохого мальчика» в каждом американском ученом. Специалисты TSS поставляли оборудование, используемое при проведении секретных операций: фальшивые документы, подслушивающие устройства («клопы»), отводы, таблетки для самоубийства, взрывающиеся морские ракушки, передатчики, вмонтированные во вставные зубы, фотокамеры, скрытые в табачных кисетах, невидимые чернила и тому подобные вещи. В дальнейшем эти чародеи технических новинок прославились самыми нелепыми ошибками, такими, например, как плохо сидящий рыжий парик Говарда Ханта. Однако на начальном этапе деятельности ЦРУ они обещали радикально преобразить мир шпионов.

В Технической службе существовало подразделение, о функциях которого даже в самой TSS знали немногие. К осведомленным людям относились.. сотрудники, связанные с применением химических веществ (и бактерий) против определенных лиц. С 1951 по 1956 г., то есть в те годы, когда интерес ЦРУ к ЛСД достиг своего апогея, во главе этого подразделения стоял уроженец Бронкса, химик по профессии, выпускник Калифорнийского технологического института Сидни Готлиб. (И далее, вплоть до 1973 г., занимая различные должности в TSS, он продолжал курировать проводимые ею бихевиористические программы). Когда Готлиб возглавил химическое подразделение, ему было только 33 года; продвигаясь по ступенькам карьерной лестницы управления, он сумел преодолеть сильнейшее заикание и косолапость. Описанный своими знакомыми как «компенсатор», он гордился тем, что, несмотря на врожденные дефекты, мог заниматься любимым делом — народными танцами. Возвращаясь из секретных поездок за океан, он каждый раз обязательно привозил новый танец, который исполнял с удивительной грацией. Без единой ошибки он произносил команды во время исполнения сложных танцев, заражая других своим энтузиазмом. Будучи человеком неортодоксальных взглядов, Готлиб жил в перестроенном им самим домике с женой, дочерью пресвитерианского миссионера в Индии, и четырьмя детьми. Каждое утро он вставал в половине шестого, чтобы подоить коз, которых держал на своем участке в 15 акров под Вашингтоном. Готлибы пили только козье молоко и делали из него сыр. Они также выращивали рождественские елки, которые потом продавали. Готлиб отказался дать интервью для данной книги. Но бывшие коллеги, у которых он пользовался большим уважением, описывают его

как гуманиста, как человека интеллектуального, скромного и сильного, готового выполнять, по выражению одного из своих прежних сотрудников, «всю необходимую тяжелую работу». Тот же сотрудник с симпатией вспоминает: «Узнавая его, вы проникались к нему все большим уважением, ибо он был готов упорно работать, чтобы провести в жизнь свою идею. Для нас же важнее было усвоить эту идею, чем для него прекратить заикаться». Одна из его идей состояла в том, чтобы управление занялось исследованием возможности использования в качестве шпионского оружия нового неизученного наркотика ЛСД.

Среди высших кругов руководителей секретных служб, носивших официальное название Совет директоров, но широко известных под названием «отдел хитрецов», у Сида Готлиба был высоко ценивший его качества покровитель — Ричард Хелмс. В течение двух десятилетий Готлиб поднимался по ступенькам служебной лестницы вслед за Хелмсом, двигавшимся к высшей должности в ЦРУ. Хелмсу, рослому, элегантному «преподавателю», очевидно, нравилось, как еврею-химику, выпускнику нью-йоркского городского колледжа, удавалось разбираться в сложнейших технических проблемах и объяснять их неспециалистам. Готлиба отличали также лояльность и послушание; он умел выполнять приказы. Несмотря на то что обоих по субординации разделяла целая цепочка сотрудников, Хелмс предпочитал, минуя бюрократические церемонии, общаться непосредственно с Готлибом.

3 апреля 1953 г. Хелмс предложил директору ЦРУ Аллену Даллесу создать под руководством Готлиба программу «тайного использования биологических и химических материалов». Выразив мнение, что управление сможет применять разработанные при этом методы в «настоящих и будущих тайных операциях», Хелмс добавил, что «помимо наступательных возможностей разработка значительных средств в этой сфере... позволит нам получить сведения о теоретическом потенциале противника, который, возможно, будет не столь щепетильным, как мы, в использовании этих средств». Вновь, как это уже не раз происходило в истории создания бихевиористических программ, обороной оправдывали нападение: «Хелмс воображал себя высококлассным поваром. Среди людей этого круга было принято считать себя выше соображений опасности, риска, ценности человеческой жизни. Хелмс посчитал бы себя сентиментальным глупцом, если бы выступил против высказанного предложения».

13 апреля 1953 г. в тот самый день, когда Пентагон заявил, что каждый американский военнопленный, отказывающийся в Корее от репатриации, будет считаться дезертиром и расстрелян при поимке, Аллен Даллес принял вышеупомянутую программу в том виде, как ее предложил Хелмс. Учитывая «высокую секретность проведенной работы», Даллес согласился на то, чтобы проект получил название MKULTRA[2]. Он одобрил начальный бюджет в 300 тыс. долл., исключил программу из обычного финансового контроля ЦРУ и разрешил TSS начинать исследовательские проекты «без обычного подписания контрактов или иных письменных соглашений»; Он приказал бухгалтерам управления безоговорочно оплачивать счета, имевшие подписи Сида Готлиба и Уиллиса Гиббонса, возглавлявшего TSS.

Как это часто случается в правительстве, та деятельность, которую Даллес одобрил в виде проекта MKULTRA, проводилась еще до того, как он придал ей бюрократическую структуру. Годом ранее под кодовым наименованием MKDELTA секретные службы создали программу контроля над расходом продуктов ХБО. (А теперь проект MKDELTA стал оперативной составляющей

проекта MKULTRA). В 1952 г. TSS заключила соглашение со Специальным оперативным управлением (SOD — *Special Operations Division*) армейского Центра биологических исследований в Форт Детрике, штат Мэриленд, по которому SOD должно было производить бактериологическое оружие для ЦРУ (в рамках программы MKNAOMI). В дальнейшем Сид Готлиб утверждал, что целью этих программ было исследование проблемы возможности оказывать влияние на поведение человека с помощью тайных методов, а также возможности создания средств такого воздействия. Эпоха, в которой стартовала указанная программа, характеризовалась обострением холодной войны; завершалась корейская война; ЦРУ собирало ресурсы для освобождения Восточной Европы парламентскими средствами; угроза советской агрессии была реальной и ощутимой: примером мог служить «берлинский воздушный коридор» (1948 г.)

На начальном этапе разработки программы MKULTRA те шесть профессионалов, которые работали над ней, затратили много времени на анализ возможностей ЛСД[3]. По утверждению одного из сотрудников, «самым удивительным было то, что такое малое его количество оказывало столь ужасающе сильное воздействие». Альберт Гофманн перешел в мир иной, проглотив менее 1/100000 унции. Уже с XIX века ученым было известно воздействие на разум таких веществ, как мескалин, но ЛСД превосходил их по мощности в несколько тысяч раз. Гашиш был известен в течение тысячелетий, но ЛСД был в миллион раз сильнее (по весу). В одном чемодане могло содержаться достаточно этого вещества, чтобы воздействовать на каждого человека (учитывая всех мужчин, женщин и детей) в Соединенных Штатах. Как вспоминает один из сотрудников TSS, «мы подумывали о том, чтобы ввести некоторое количество ЛСД в водопроводную городскую сеть; после этого по городу бродили бы люди в более или менее счастливом состоянии, не особенно интересующиеся самозащитой». Однако выведением из строя людей в таких больших количествах занимались армейские химические подразделения, которые также испытывали ЛСД и еще более сильнодействующие галлюциногены. ЦРУ концентрировало свое внимание на отдельных личностях. В руководстве TSS понимали, что ЛСД искажает представление человека о реальности, поэтому им хотелось выяснить, может ли выбранный препарат повлиять на его лояльность. Могло ли ЦРУ превратить в шпионов отправившихся в «странствие» русских — или наоборот? В начале 1950-х гг., когда в управлении ощущалась почти отчаянная потребность в информации по ЛСД, внешняя информация по этому вопросу почти полностью отсутствовала. Компанией «Сандоз» были проведены некоторые клинические испытания. То же относится еще к нескольким местам, включая Бостонский психиатрический исследовательский центр, однако нигде не удалось получить полной ясности. У группы проекта MKULTRA существовали сотни вопросов, касающихся физиологических, психологических, химических и социальных эффектов. Существовали ли противоядия? На всех ли препарат воздействует одинаковым образом? Каковы результаты в случае удвоения дозы? И так далее.

Вначале TSS обратилась за ответом к исследователям из академических кругов, которые в основном охотно сотрудничали, предоставляя свои головы в распоряжение ЦРУ. Однако его руководство понимало, что никто не будет проводить систематические исследования препарата, если управление не осуществит финансирование и оплату по счетам. В то время практически полностью отсутствовали как правительственные, так и частные средства на так называемую «экспериментальную психиатрию». Компания «Сандоз» по собственным коммерческим соображениям стремилась, чтобы препарат был испытан, но не хотела брать на себя расходы помимо бесплатной поставки его

исследователям. Национальные институты психического здоровья (*National Institutes of Mental Health* — NIMH) интересовались связью между ЛСД и психическими заболеваниями, но ЦРУ интересовало, как ЛСД воздействует не на больных, а на здоровых людей. Только военные службы соглашались тратить деньги на ЛСД (в основном по тем же причинам), но ЦРУ не собиралось уступать им первенство. Вместо этого оно предпочло возглавить исследования, создав совершенно новую область исследований.

Внезапно в академиях возник огромный рынок новых грантов, когда Сид Готтлиб и его сотрудники стали финансировать проекты, связанные с ЛСД в престижных исследовательских организациях. К следопытам из ЦРУ, интересовавшимся этим препаратом, относятся: группа Боба Гайда из Бостонского психиатрического центра, Гарольд Абрамсон из госпиталя Маунт-Синай и Колумбийского университета в Нью-Йорке, Карл Пфейфер из Иллинойской медицинской школы, Хэррис Исбелл из Исследовательского центра по борьбе с наркоманией в Лексингтоне, штат Кентукки (финансировался NIMH), Луис Джوليон Уэст из Оклахомского университета и группа Гарольда Ходжа из Университета в Рочестере. Управление скрывало свое участие, пропуская деньги по двум каналам: через фонд Джозайа Мейси-мл. — богатую организацию, выполнявшую посреднические функции только в течение одного-двух лет, и семейный фонд медицинских исследований Гешиктера из Вашингтона, глава которого Чарльз Гешиктер выполнял для ЦРУ ряд услуг на протяжении более чем десяти лет. Руководство TSS интуитивно осознавало, что связи с ЦРУ не следует афишировать. В соответствии с исследованием, проведенным в 1955 г., они могли только «предполагать», что советские ученые тоже понимали «стратегическую важность» препарата и были в состоянии сами его изготавливать. Но они не желали подталкивать русских к созданию собственной программы по ЛСД или же к принятию мер противодействия.

Секретность, соблюдаемая ЦРУ, диктовалась также необходимостью считаться с общественным мнением в своей стране. Как отмечалось в 1963 г. в докладе Генерального инспектора, «исследования в области манипулирования поведением человека рассматриваются многими медицинскими авторитетами и авторитетами в сопряженных сферах как неэтичные с профессиональной точки зрения». Поэтому открытость могла стать угрозой для внешних исследователей. Более того, Генеральный инспектор ЦРУ заявил, что раскрытие некоторых сторон деятельности, проводимой в рамках программы MKULTRA, могло бы вызвать серьезную отрицательную реакцию среди американской публики.

В Бостонском психиатрическом центре имели место различные уровни открытости. О том, что ЦРУ финансирует программу госпиталя по ЛСД с 1952 г. в размере порядка 40 тыс. долларов в год, официально было известно только Бобу Гайду и его шефу, главному врачу. Однако, по мнению другого члена группы Гайда, д-ра Дешона, руководство центра представляло себе, каков реальный источник поступающих денег. Он сказал, что у него нет повода возражать против этого, что никому не давался препарат без согласия человека, без подробного объяснения его действия. На самом деле сотрудники госпиталя рассказывали добровольцам кое-что о природе экспериментов, но ничего не говорили о его источнике и целях. Ни одному из подопытных не было известно, что эксперименты над их разумом оплачивало ЦРУ и собиралось использовать результаты в собственных целях; в то же время у большинства сотрудников просто отсутствовала информация.

Подобно Гайду, большинство исследователей испытывало ЛСД на себе. Многие полагали, что они получают реальное представление о том, что значит быть психически больным, приобретают сведения, полезные для медиков-профессионалов. Гайд организовал многопрофильную программу, совершенно неслыханную в то время, собравшую вместе психиатров, психологов и физиологов. В качестве испытуемых они использовали друг друга, пациентов госпиталя и добровольцев — в большинстве своем студентов — из бостонского ареала. Они проделали ряд экспериментов, в процессе которых исключали одну переменную за другой. Выдавая себя за представителей фондов, сотрудники проекта MKULTRA часто посещали районы будущих исследований, проводя там свои наблюдения, выбирая одни и отвергая другие. Один из сотрудников управления, который сам несколько раз отправлялся в «странствие» под наблюдением Гаида, вспоминает, как он и его коллеги неоднократно встречали ценные блоки информации, ранее обнаруженные кем-либо из других групп, например Гарольдом Абрамсоном, и предлагали Гайду провести повторный опыт, который позволил бы найти ответ на вопрос, представляющий интерес для ЦРУ. Невзирая на такие отклонения, основная масса исследований проводилась в соответствии с составленным планом. Наблюдения показали, что, в то время как одни испытуемые становились, казалось, шизофрениками, с другими этого не происходило. К удивлению исследователей, настоящие шизофреники слабо реагировали на ЛСД; реакция имела место только при очень больших дозах. Как установила группа Гаида, характер реакций человека определялся, главным образом, структурой личности (установкой) и окружением (обстановкой), в котором происходил прием препарата. Важную роль играли также ожидания человеком того, что должно произойти. В наибольшей степени при приеме ЛСД наблюдалась тенденция к усилению свойственных человеку особенностей, часто доведению их до самого крайнего выражения: слабое подозрение могло вырасти в сильнейшую паранойю, особенно в присутствии людей, которые воспринимались в качестве угрозы.

Без ведома своих коллег энергичный д-р Гайд советовал также ЦРУ использовать ЛСД в тайных операциях. Работавший с ним сотрудник ЦРУ вспоминает по этому поводу: «Идея состояла в том, чтобы дать ему детальное описание происшедшего с принявшим препарат человеком, после чего он должен был осмыслить случившееся. Будучи проницательным врачом старой школы, он обладал такой способностью рассматривать вещи, какой лишены многие современные светила... Он умел обходиться тем, что имеется». ЦРУ платило Гайду за консультации, а TSS периодически создавала специальный проект в рамках программы MKULTRA в качестве механизма частного финансирования Гаида. Гайд являлся получателем еще одной субсидии в программе MKULTRA, которая была создана для него людьми из TSS еще в 1954 г., поэтому он мог служить посредником при приобретении управлением редких химикатов. Его первой покупкой было приобретение коринантина (*corinanthine*), предполагаемого противоядия против ЛСД, на 32 тыс. долл., причем не оформленная как покупка для ЦРУ.

Боб Гайд умер в 1976 г. в возрасте 66 лет. О нем писали как об известном лидере в борьбе за психическое здоровье. Коллеги Гаида — медики и разведчики — с уважением отзываются о его личных и профессиональных качествах. Как большинство людей его поколения, он считал содействие ЦРУ своим патриотическим долгом. По воспоминаниям одного из сотрудников управления, Гаида никогда не посещали сомнения в отношении его участия в тайных операциях. «Он не морализировал. Он очень доверял людям из ЦРУ, с которыми сотрудничал. Он считал, что если они принимали решение провести тайную

операцию, то прежде старались сделать все возможное, чтобы избежать этого, и были готовы к риску».

Большинство сотрудников ЦРУ из академических кругов публиковало статьи о своей работе в профессиональных журналах, однако в этих длинных научных отчетах порой приводилась неполная картина проведенных исследований. В результате ученые открыто сообщали, какое воздействие оказывает ЛСД на изменение частоты пульса, но о том, как следует применять этот препарат, чтобы разрушить брак или память пациента, они сообщали только в ЦРУ. Исследователи, осведомленные о спонсорстве ЦРУ, редко публиковали что-либо даже отдаленно связанное с теми конкретными и довольно неприятными вопросами, которые люди из MKULTRA предлагали им исследовать. Это относилось к Гайду и Гарольду Абрамсону, нью-йоркскому аллергологу, который стал первым распространителем ЛСД, дав его нескольким из своих коллег. Абрамсон описал всевозможные эксперименты с этим препаратом, например эксперименты, проводившиеся на бойцовых рыбках и улитках[4], однако ни слова не написал о своих первых экспериментах с ЛСД, проведенных по поручению управления. В одном из документов 1953 г. Сид Готтлиб дает перечень тем, по которым он предлагал Абрамсону провести исследования, расходуя на них те 85 тыс. долл., которые были ему предоставлены от управления. Готтлиб хотел получить «оперативные материалы, связанные со следующими темами:

- a. нарушение памяти;
- b. дискредитация за счет отклоняющегося (аберрантного) поведения;
- c. изменение сексуальных партнеров;
- d. получение информации;
- e. суггестивность;
- f. выработка зависимости».

Д-р Хэррис Ибелл, работу которого, с согласия директора Национального института здравоохранения, ЦРУ финансировало через ВМФ, публиковал свои основные открытия, однако он не упоминал, откуда брал своих подопытных. В качестве директора Исследовательского центра по борьбе с наркоманией при крупнейшем Федеральном специализированном госпитале в Лексингтоне, штат Кентукки, он имел доступ к практически находящейся в заключении популяции. Обитатели знали, что если они добровольно согласятся участвовать в программе Ибелла, то в награду получат либо наркотик по своему выбору, либо им будет сокращен срок пребывания в заключении. В большинстве случаев[5] выбирали наркотики — обычно героин или морфий такой чистоты, которую редко встретишь на улице. Люди давали согласие в письменной форме, но им не сообщали название экспериментального препарата или его возможное воздействие. Правда, большой роли это не играло, поскольку «добровольцы», вероятно, согласились бы на все, лишь бы получить жесткий наркотик.

Предоставив в распоряжение Ибелла почти неограниченное количество испытуемых, сотрудники TSS использовали лексингтонский центр как место для быстрой проверки перспективных, но непроверенных наркотиков и для специальных экспериментов, которые было бы нелегко провести в другом месте. Например, Ибелл провел одно исследование, для участия в котором было бы невозможно получить добровольное согласие студентов. В течение 77 дней он — непрерывно — продержал на ЛСД семь человек[6]. Такой эксперимент в равной мере внушает ужас и удивление как приверженцам, так и противникам ЛСД. Примерно через 20 лет после ранних работ Ибелла писавший о контркультуре

журналист Хантер С. Томсон порадовал и напугал своих читателей отчетами о длившихся несколько дней наркотических «пиршествах», в течение которых он чувствовал, как его мозг выкипает на солнце, нервы наматываются на колючую проволоку, ограждающую крепостной форт, а остальные ощущения сводятся к ощущениям наших пресмыкающихся предков. Даже Томсон содрогнулся бы при мысли о непрерывном пребывании на ЛСД в течение 77 дней, едва ли эта мысль показалась бы ему забавной. Но для д-ра Ибелла это был просто еще один очередной эксперимент. В середине эксперимента он записывал: «У меня семь пациентов, которые принимают препарат в течение более 42 дней», что, по его словам, было «наиболее поразительной толерантностью к воздействию наркотиков, с которой я когда-либо встречался». Ибелл пытался «найти предел этой выносливости», давая своим подопытным увеличенные втрое и вчетверо дозы ЛСД.

Исполненный любопытства, Ибелл испробовал на них широкий круг непроверенных наркотиков. Как только из ЦРУ или NIMH поступала новая партия скополамина, буфонтенина, он немедленно приступал к опытам. Удовольствие, испытываемое им от выполняемой работы, порой проскальзывало в скучных строках научных отчетов. Он сообщает своему контактеру из Управления: «Как только я смогу ввести присланное снабдьё одному-двум подопытным, я немедленно напишу вам письмо».

Однако он не проявляет никаких чувств в отношении своих подопытных. Среди нескольких записанных комментариев встречаются жалобы на их страх перед врачами, на отсутствие полной откровенности в описании своих переживаний, столь желательной для экспериментаторов. Попытка, предпринятая Ибеллом, «преодолеть барьеры» в общении с подопытными, которые почти все были чернокожими наркоманами, не увенчалась успехом; в итоге он приходит к заключению: «По всей вероятности, поведение такого рода следует ожидать от пациентов подобного типа». Связь с ними была утрачена; вероятно, они не связывали свое состояние с последствиями проведенных над ними экспериментов.

Один из подопытных субъектов, которого нам удалось найти, находился у д-ра Ибелла лишь недолгое время. Эдди Флауэрсу было только 19 лет, и он находился в Лексингтоне около года, когда подписал согласие на участие в программе Ибелла. Он солгал, заявив, что ему 21 год. Единственное, к чему он стремился, были наркотики. Он переместился в экспериментальное крыло госпиталя, где еда была лучше и можно было слушать музыку. Он любил героин, но ничего не знал о таких наркотиках, как ЛСД. Однажды он принял что-то с печеньем из муки грубого помола. Никто не сообщил ему название препарата, но его описание позволяет заключить, что он совершил «странствие», притом довольно тяжелое. «Это было самое отвратительное дерьмо, которое у меня когда-либо было», — говорит он. Он страдал и галлюцинировал в течение 16 или 17 часов. «Я был напуган. Больше я не хотел его принимать». Все же в этом эксперименте Флауэрс заработал достаточно «пунктов», чтобы потребовать свое вознаграждение в героине. Все, что ему требовалось сделать, — это постучать в маленькое окошечко в конце коридора. Там находился запас наркотиков. У находившегося там человека был список с обозначенным в нем количеством наркотиков, находившемся на счету каждого пациента. Флауэрсу просто следовало сказать, какое количество он желает снять, и отметить, в каком виде хочет его получить. «При желании можно было получить его в виде укола в вену», — вспоминает

Флауэрс, ныне работающий в вашингтонском реабилитационном центре для наркоманов.

Д-р Исбелл отказывается давать интервью. В 1975 г. он сообщил сенатскому подкомитету, что система оплаты наркотиками досталась ему от прежнего руководства, когда он пришел в Лексингтон, и что «таков был принятый в те дни порядок... Этический кодекс не был столь высоко развит, а также была потребность в сведениях, чтобы обеспечить защиту населения и оценить опасность применения наркотиков... Лично я полагаю, что мы провели работу отлично».

На каждого Исбелла, Гайда или Абрамсона, которые выполняли работу для TSS по контракту, приходились десятки других, служивших простыми информаторами ЦРУ, причем некоторые действовали неосознанно, иные же вполне сознательно. Несколько раз в год каждый руководитель проекта TSS проводил совещания с десятками признанных экспертов. Как говорит один из бывших руководителей ЦРУ, «это был единственный способ, позволявший немногочисленному штату, находившемуся в распоряжении Сида Готлиба, оставаться в первых рядах зарождавшихся поведенческих наук. Эту работу невозможно было осуществить путем написания диссертаций или с помощью библиотечных поисков». Сотрудники TSS всегда просили, чтобы контактеры сообщали им имена других людей, с которыми можно было поговорить, и контактеры связывали их с другими представлявшими для них интерес учеными.

В проводимых по ЛСД исследованиях сотрудники TSS пользовались данными, собираемыми для них энергичными учеными, работающими по контрактам, в частности данными, полученными Гарольдом Абрамсоном. Он регулярно общался буквально со всеми лицами, заинтересованными в этом препарате, включая первых исследователей, которые не финансировались управлением или военными, и передавал свои данные в ЦРУ. Помимо того, он выполнял функции секретаря на двух регулярно проводившихся конференциях, которые финансировались бывшим вспомогательным каналом управления — фондом Мейси. Каждая серия этих конференций проводилась в 1950-е гг. на протяжении более чем пятилетнего периода. Одна из них была посвящена рассмотрению проблем сознания, другая — проблем нейрофармакологии. Указанные конференции фонда Мейси проводились раз в год в приятной обстановке Принстон Инн. На них собирались ведущие исследователи, работавшие по контрактам на TSS (и на военных), входившие в группу, состоявшую примерно из 25 человек и опиравшуюся на столь любимый специалистами TSS многопрофильный тыл. Участники были представителями разных общественных наук. В их число входили такие знаменитости, как Маргарет Мед и Джин Пиаджет. Обсуждаемые на конференциях вопросы обычно отражали интересы TSS того периода. Здесь рождались идеи, позволявшие исследователям участвовать в дальнейшей их реализации.

В качестве еще одного источника наркотиков ТЗЗ рассматривала фармацевтические компании, которые одновременно должны были поставлять новые препараты для испытаний. Со стороны ТЗЗ на связи был Рей Трейхлер. Этот скрытый человек наладил близкие отношения с многими ключевыми фигурами в промышленности. Он обладал особым умением убедить их в том, что не раскроет их фирменные секреты. Выдавая себя иногда за представителя химического корпуса армии, а порой признаваясь в связях с ЦРУ, Трейхлер выпрашивал такие образцы наркотиков, которые либо отличались крайне высокой

ядовитостью, либо, по словам бывшего директора крупной компании, вызывали гипертензию или иные нарушения физиологической деятельности.

Работа с американскими фармацевтическими фирмами не представляла каких-либо сложностей для ТЗЗ. В большинстве случаев они сотрудничали по всем вопросам. Однако отношения с компанией «Сандоз» были более сложными. До 1953 г. эта гигантская швейцарская фирма обладала в западном мире монополией на производство ЛСД. Люди из руководства управления опасались, что каким-либо образом «Сандоз» допустит, что большие количества препарата попадут к русским. Поскольку информация о химической структуре ЛСД и его влиянии была официально доступна с 1947 г., русские могли приступить к его производству в любое время, как только посчитают это нужным. Поэтому, несмотря на возможность такой угрозы, фобия управления в отношении компании представляется лишенной смысла.

В двух случаях в самом начале холодной войны руководство ЦРУ было приведено в смятение сообщениями о том, что компания «Сандоз» может допустить попадание значительных количеств ЛСД в коммунистические страны. В 1951 г. по военным каналам прошло сообщение о приобретении русскими у «Сандоз» около 50 млн. доз. По ЦРУ циркулировали страшные вымыслы, связанные с представлениями о том, что русские могут сделать с таким огромным количеством препарата. В течение нескольких лет не удавалось установить, что сообщение оказалось ложным. В еще большее смятение руководство ЦРУ было приведено в 1953 г., когда вновь по каналам военной разведки поступили сообщения о намерении компании «Сандоз» пустить ЛСД в открытую продажу в количестве 10 кг (22 ф.), достаточном для изготовления 100 млн. доз.

Координационный комитет из представителей высшего руководства ЦРУ и Пентагона единогласно рекомендовал управлению приобрести все это количество за 240 тыс. долл. Аллен Даллес дал свое согласие, и в Швейцарию отправился представитель ЦРУ, предположительно с сумкой, заполненной наличностью. Там произошла встреча с президентом «Сандоз» и ее высшим руководством. По утверждению руководства, компанией за все время не производилось такого количества ЛСД; общее количество не превысило 40 г (около 1,5 унции)[6]. Медленное протекание процесса производства в то время объяснялось тем, что компания использовала натуральную спорынью, которую невозможно было выращивать в больших количествах. Тем не менее, будучи активными, швейцарские бизнесмены, руководители «Сандоз» предложили поставлять американскому правительству еженедельно по 100 г вещества в течение неопределенного времени, если американцы согласятся платить приличную цену. Дважды президент компании выразил свою благодарность представителям ЦРУ за выраженное ими намерение приобрести несуществующие 10 кг. Высказав сожаление о том, что компанией был изобретен ЛСД, он в то же время обещал, что «Сандоз» не позволит попасть препарату к коммунистам. Президент сообщил, что за истекшие годы со стороны различных американцев предпринимались попытки найти тайные подходы к компании и получить сведения об ЛСД. Он обещал информировать американское правительство о производстве ЛСД и его перевозках, а также согласился сообщать обо всех случаях проявления интереса к ЛСД со стороны стран Восточной Европы. Представители «Сандоз» просили только хранить в строжайшей тайне заключенные соглашения.

По всему миру ЦРУ пыталось монополизировать поставки ЛСД. Но уже в это время американская компания «Эли Лилли» из Индианаполиса работала над

процессом синтеза препарата. Руководство управления ощущало неудобство из-за того, что вынуждено было полагаться на поставки ЛСД от зарубежной фирмы. Поэтому в 1954 г. оно попросило фирму «Лилли» приготовить им партию препарата, которую компания и передала правительству. Затем в 1954 г. в компании произошел крупный прорыв: ее исследователям удалось разработать сложный 12-15-ступенчатый процесс изготовления лизергической кислоты, являющейся основным строительным блоком ЛСД, а затем изготовить сам препарат из химикатов, имеющихся в открытой продаже. При наличии достаточно сложной лаборатории компетентный химик мог теперь создавать ЛСД без поставок трудной для выращивания спорыньи. Руководство компании «Лилли» официально уведомило правительство о своем триумфе. Компания провела также разрекламированную пресс-конференцию, на которой прозвучало сообщение о синтезе лизергической кислоты; но еще в течение пяти лет не было сообщения об успешном синтезе родственного этой кислоте препарата ЛСД.

Руководство TSS вскоре послало Аллену Даллесу меморандум, объясняя важность открытия компании «Лилли» тем, что оно отныне позволяло приобретать ЛСД «тоннами», что превращало его в мощное оружие в химической войне. Однако составитель меморандума отметил, что с точки зрения проекта MKULTRA сделанное открытие не принесло ничего нового, поскольку TSS работала на применение этого препарата только в маломасштабных тайных операциях, а у управления не было проблем с приобретением тех малых количеств, которые были ему необходимы. Зато теперь армейский химический корпус и ВВС могли получить в свое распоряжение ЛСД в количестве, достаточном для применения во всемирном масштабе.

Выделяя некоторое количество препарата армии, создавая исследовательские программы, повсеместно прослеживая его производство, ЦРУ сохраняло свое господствующее положение в отношении распределения ЛСД на протяжении 1950-х гг. Нет сомнения в том, что военные службы играли при этом вполне определенную роль и финансировали свои собственные программы[7]. В несколько меньшей степени так поступал и Национальный институт здравоохранения (НИН). Однако как военные службы, так и НИН позволяли ЦРУ использовать себя в качестве финансирующих каналов и источников информации. Администрация по продовольствию и наркотикам также поставляла в ЦРУ конфиденциальную информацию об испытаниях наркотиков. Среди двух производителей ЛСД в странах Западного мира фирма «Эли Лилли» полностью передавала свою (небольшого объема) продукцию ЦРУ и военным. Другая фирма, «Сандоз», сообщала ЦРУ о каждом случае отправки наркотика. Если каким-либо образом что-то не доходило до ЦРУ, то в распоряжении управления была еще шпионская сеть ученых, одним из самых активных среди которых был Гарольд Абрамсон, передававший в ЦРУ всю информацию об ЛСД. Хотя в 1950-х гг. ЦРУ, возможно, не полностью монополизировало рынок ЛСД, ему определенно принадлежала значительная доля управления этим рынком, а значит, ему принадлежала власть и возможность управлять поведением человека.

Сид Готлиб и его коллеги из проекта MKULTRA извлекали информацию, относящуюся к ЛСД, из всех внешних источников, но себе они оставляли те исследования, которые их больше всего интересовали: оперативные испытания. Будучи подготовленными с научной точки зрения и обладая хорошей

подготовкой в области шпионажа, они полагали, что смогут преодолеть большой разрыв между лабораторными экспериментами и практическим использованием наркотиков в попытках перехитрить противника. Поэтому руководители проекта MKULTRA предприняли собственную серию испытаний наркотиков параллельно с внешними исследованиями и извлекали из них информацию. Будучи практиками, они не считали нужным ограничиваться предписаниями академических стандартов и соблюдать строгую научную последовательность испытаний. Результаты требовались сейчас — не в будущем году. Если какой-либо препарат представлялся перспективным, то, не терзаясь угрызениями совести, они решались на проведение оперативных испытаний еще до получения всех результатов исследований. Например, еще в 1953 г. Сид Готлиб отправился за океан с запасом галлюциногенного наркотика — почти наверняка это был ЛСД. Результат остался неизвестным, но препарат был введен оратору на политическом собрании предположительно с целью увидеть, как он повлияет на поведение принявшего его человека.

Это были привольные времена в ЦРУ — тогда еще молодой организации с незадавленными бюрократическими артериями. Руководители MKULTRA возлагали большие надежды на ЛСД. Он представлялся чудодейственным средством, с приходом которого, как в древности с приходом огня, в людях должны были высвободиться примитивные отклики страха и поклонения. Ничтожнейшая крошка ЛСД могла превратить волевого человека в дрожащую тень. Все принимало новый облик: время, пространство, правда, ложь, понятие о возможном. ЛСД был страшным оружием, и со стороны руководителей проекта было безрассудной смелостью начать подготовку к оперативным испытаниям. Они «странствовали» на работе, «странствовали» на явочных квартирах. Иногда они отправлялись в Бостон, чтобы «странствовать» под пристальным наблюдением Боба Гайда. Всегда руководители проекта наблюдали, опрашивали и анализировали друг друга. Казалось, ЛСД снимал запреты, и они полагали, что, применяя его, смогут установить процессы, происходящие в мозгу под видимым влиянием и кажущимися мотивами. Они рассуждали, что если смогут добраться до внутренней сущности, то смогут лучше манипулировать человеком — или не позволить манипулировать им.

Сотрудники проекта MKULTRA испытывали ЛСД в начале 1950-х, когда жив был Сталин и буйствовал Маккарти. Это было зловещее время даже для тех, кто профессионально не нес ответственности за применение страшной отравы. Не удивительно, что Сид Готлиб и его коллеги, испытывавшие ЛСД, не думали о нем как о веществе, способном увеличить творческие способности или вызвать трансцендентальные переживания. О таких возможностях не думали долгие годы. Считалось, что существует только одна преобладающая версия реальности, которая считалась «нормальной», все остальное было «безумием». «Странствие» под воздействием ЛСД делало людей временно безумными, а значит, уязвимыми для сотрудников ЦРУ (и душевнобольными для врачей). Экспериментаторы из ЦРУ отправлялись в «странствие» не ради самого переживания, не для того, чтобы забраться в заоблачные дали или пережить новые реальности: они испытывали оружие. С таким же настроением они отправлялись бы в баллистическую лабораторию.

Несмотря на преобладание в ЦРУ такой установки, один из первых участников испытаний по проекту MKULTRA вспоминает, что его первое «странствие» расширило его представление о реальности: «Вначале мне было страшно, но затем я испытал волнующее переживание, Я чувствовал, что все идет правильно.

Я был похож на паровоз, мчащийся с высочайшей скоростью. Несомненно, я испытывал стресс, но он не ослаблял мои силы. Это был стресс паровоза, который тянет самый длинный состав, какой ему когда-либо приходилось тянуть». Этот ветеран ЦРУ описывает, что видел, как все цвета радуги вырастали из трещин тротуара. Ему никогда не нравились трещины. Он считал их признаком несовершенства, но внезапно трещины превратились в естественные линии напряжений, отражавшие колебания вселенной. Он видел людей с порочными лицами, которых ранее находил отталкивающими. «Я пересмотрел свое отношение к лицам. Крючковатые носы или кривые зубы могли оказаться привлекательными для какого-то человека. Что-то во мне освободилось, и мне оставалось только изменить установку. Изменилась не реальность, изменился я. Изменилось мое отношение к безобразию, красоте и правде».

К концу дня первого «странствия» этот сотрудник ЦРУ и его коллеги устроили вечеринку с выпивкой, чтобы прийти в себя. Он вспоминает, что в горле у него стоял ком. Хотя раньше он так никогда не плакал, теперь он рыдал перед своими коллегами. «Я не хотел уходить оттуда. Я чувствовал, что возвращаюсь в такое место, где не смогу ощущать увиденную красоту. Я чувствовал себя очень несчастным. Люди, писавшие обо мне отчет, отмечали, что я пережил депрессию, но они не могли понять, почему мне было так плохо. Они думали, что у меня было плохое «странствие»».

Этот сотрудник ЦРУ рассказывает, что люди его типа испытывают удовольствие от приема ЛСД, в отличие от обычного оперативника ЦРУ (в особенности от ярко выраженного типа контрразведчика, никому и ничему не доверяющего), который, как правило, отрицательно реагирует на прием ЛСД. В данном случае наркотик просто усиливает свойства того, кто его принимает, параноические симптомы. Как отмечает сотрудник ЦРУ, такие оперативники ощущают, как «темные злые силы окружают их», и они решают, что экспериментаторы устраивают против них заговоры.

Сотрудники TSS понимали, что практически невозможно снять страхи и опасения этих людей, хотя и могли применять ЛСД для их дезориентации. Однако сотрудники TSS полагали, что возможно более эффективное использование ЛСД на более доверчивых людях. Мог ли умный противник «переучить» такого человека, умело применяя ЛСД? Размышляя над этой проблемой, сотрудник ЦРУ констатирует, что, «находясь под воздействием наркотика, человек приобретает более глобальный взгляд на вещи. Когда я находился под его воздействием, мне было крайне трудно сохранить понимание того, что я гражданин США, что моя страна всегда права... У вас появляются более высокие чувства. Вы становитесь более открытыми для чувства любви ко всему человечеству, более чувствительными к неприглядной стороне жизни вашего общества... Я думаю, что именно это произошло в 1960-е гг., хотя это и не превратило людей в коммунистов. Это просто сделало их менее склонными идентифицировать себя с США. Они заняли позицию: «Чума на оба ваши дома»».

На вопрос о том, так ли воспринимали его бывшие коллеги по TSS жизнь после приема ЛСД, он отвечал: «Я думаю, все понимали, что после хорошего «странствия» у человека менялся взгляд на реальность. Мы обнаружили, что после возвращения вы помнили о переживании, но переключение личности не происходило. У вас не было такого чувства. Вы относились к людям с меньшей подозрительностью. Вы слушали их, но и лучше понимали их. Мы решили, что это не то средство, которое может заставить человека изменить своей стране. Чем

больше мы работали с этим препаратом, тем меньше мы верили, что именно его коммунисты использовали для “промывания мозгов”».

Первые испытания ЛСД (как среди сотрудников ЦРУ» так и за пределами этого круга) прошли настолько успешно, что ученые MKULTRA перешли к следующему этапу на пути к полевым испытаниям: они приступили к неожиданному введению людям этого наркотика без их ведома. В конечном итоге таким должен быть способ, используя который оперативник будет получать (или давать) его. Вначале они решили давать наркотик друг другу без предупреждения. Договорились, что сотрудник может дать препарат в любой момент. (Наш сотрудник рассказывает апокрифическую историю о том, как один из его бывших сослуживцев всегда ходил с собственной бутылкой вина на служебные вечеринки). Прием неожиданной дозы наркотика стал профессиональной угрозой.

Обычно сотрудники MKULTRA легко выносили такие незапланированные «странствия», но порой они переносили их весьма болезненно. Как рассказывают два ветерана TSS, однажды их сослуживец принял с утренним кофе добавленную в него дозу ЛСД.

Примерно через час он понял, что принял наркотик, но никак не мог собраться с силами. Иногда, приняв его, вы начинаете себя успокаивать. Но на этот раз он потерял самообладание прежде, чем понял, что произошло.

В страхе сотрудник ЦРУ покинул здание, в котором тогда размещалась TSS, расположенное в начале аллеи у большого памятника Вашингтону. Потеряв его из виду, коллеги лихорадочно разыскивали его, но ему удалось ускользнуть. Галлюцинирующий сотрудник управления прошел по одному из мостов, перекинутому через реку Потомак, и, видимо, полностью отключился от реальности.

Позднее он рассказывал, что каждая проезжавшая мимо автомашина была преследовавшим его ужасным чудовищем с фантастическими глазами. Каждый раз, когда машина проезжала мимо, он в ужасе прижимался к парапету. Для него это «странствие» было ужасным. Агония длилась часами. Это было похоже на сновидение, которое никак не могло закончиться: как будто кто-то охотился за ним.

Часа через полтора сотрудники обнаружили дрожащего беглеца на виргинском берегу Потомака скорчившимся под одним из фонтанов. Коллеги вспоминают, как трудно было убедить его, что они — его друзья.

Он был один в целом мире, вокруг были только враги. Он был полным параноиком. Если бы это продлилось две недели, нам пришлось бы уложить его в психиатрическую больницу.

К счастью, он пришел в себя к концу дня. Это был не первый, не последний и не самый трагический случай в программе испытаний ЛСД, проводимой ЦРУ[8].

К концу 1953 г., всего через шесть месяцев после того, как Аллен Даллес официально основал программу MKULTRA, руководство TSS уже приступило к последнему этапу испытаний: к систематическому испытанию ЛСД на «аутсайдерах», не подозревавших о том, что они приняли препарат. В один прекрасный день эти несчастные жертвы вдруг ощущали, что без всякой видимой причины «срываются с якорей»; при этом никто не знал, какой будет их реакция.

Сид Готтлиб был готов к проведению оперативных экспериментов. Он считал ЛСД таким секретным веществом, что дал ему кодовое название «серуним», которое и он, и его коллеги использовали даже в тщательно охраняемом служебном помещении. Сегодня кажется более, чем странным, что руководители ЦРУ — люди, отвечавшие за разведку и боеготовность страны в эпоху, когда холодная и горячая войны против коммунистов дошли до своего апогея, — украдкой бросали

ЛСД друг другу в чашку кофе, подвергая тем самым опасности воздействия непроверенного наркотика. Однако предпринимаемые «странствия» не лишали Готлиба и руководителей ЦРУ, которые несколько раз сами принимали ЛСД, чувства реальности. Наркотик не изменял установку Готлиба — умелого шпиона и ученого, протеже Ричарда Хелмса. Он никогда не забывал в половине шестого утра доить своих коз. Руководству ЦРУ удалось добиться впечатляющих результатов по применению ЛСД, не являясь изобретателями этого наркотика, оно внедрило его в Америке. ЦРУ удалось на многие годы опередить появившиеся значительно позднее научные публикации, не говоря уже о распространении сведений среди неспециалистов и разведчиков, монополизировать поставки ЛСД и, во многом, научные разработки. Вкладывая деньги и применяя другие средства, руководители ЦРУ создали сеть ученых и врачей, работу которых они могли направлять и использовать в своих целях. Оставалось только направить наркотик в распоряжение шпионов и добиться его успешного применения в полевых условиях. Здесь, однако, пришлось столкнуться со значительными трудностями. ЛСД оказывал невероятно мощное воздействие на людей, но это воздействие ЦРУ не могло ни прогнозировать, ни контролировать.

Примечания

[1] В 1950-е гг. Бостонский психиатрический госпиталь был переименован в Массачусетский центр психического здоровья; это название он носит и до настоящего времени.

[2] Произносится как «МИК-ULTRA». Диграф МК означает, что это проект TSS. ULTRA, возможно, соотносится с наиболее секретной программой англо-американской разведки периода Второй мировой войны — программой ULTRA, которая касалась дешифровки немецких военных кодов. Хотя в настоящее время часто выдвигается требование, чтобы акронимы, присваиваемые разведывательным программам, не несли никаких смысловых нагрузок, опыт военных лет отражается в деятельности таких людей, как Аллен Даллес.

[3] TSS не пренебрегала и другими наркотиками. Рассматривались сотни вариантов — от кокаина до никотина; особое внимание обращалось на специализированные препараты. В одном из меморандумов 1952 г. говорится о крайней оперативной потребности в средстве, «вызывающем равнодушие и летаргию». В другом упоминается об открытии средства, ускоряющем действие алкоголя, получившем название «алкогольный усилитель».

[4] Подобно тому, как это произошло с Альбертом Гофманом, Абрамсон однажды нечаянно принял некоторую дозу ЛСД, вероятно глотнув воды из содержащего препарат бачка. Он почувствовал себя плохо, но с помощью жены установил причину. По рассказу Джона Лилли, специалиста по дельфинам и деятельности мозга, которому об этом случае рассказала жена Абрамсона, тот немедленно успокоенно произнес: «Ничего серьезного; это просто психоз на почве ЛСД. Лягу спать — и все пройдет».

[5] Армейские исследователи, как обычно отстававшие от ЦРУ лет на пять, заинтересовались использованием ЛСД при допросах в процессе полевых испытаний, проходивших под названием «Операция “третий шанс”». Армейские специалисты испытали наркотик в Европе на девяти иностранцах и одном американце, чернокожем солдате по имени Джеймс Торнуэлл, обвиненном в краже секретных документов. Торнуэлл испытывал сильный стресс, а допрашивающие угрожали «продлить это состояние на неопределенный срок, даже довести его до состояния безумия», как об этом сообщается в одном из армейских документов. В настоящее время Торнуэлл предъявил правительству США иск на 30 млн. долл. Как это нередко случается в Вашингтоне, где такие происшествия никого не удивляют, хотя и представляются совершенно невероятными для людей посторонних, Терри Лензнер, партнер фирмы, предъявившей правительству этот иск, является одновременно адвокатом Сиды Готлиба, просмотревшего 77-дневное «странствие» в Лексингтоне и даже еще более опасные эксперименты с ЛСД.

[6] Один из документов ЦРУ 1975 г. проясняет вопрос, как могли военные источники сделать такую грубую ошибку в оценке поставок ЛСД от фирмы «Сандоз» (и, вероятно, предыдущее неточное сообщение, согласно которому русские приобрели 50 млн. доз ЛСД). Согласно документу, американский военный атташе в Швейцарии не знал разницы между миллиграммом (одной тысячной доли грамма) и килограммом (тысячью граммами). Он ошибся в миллион раз.

[7] Военные службы безопасности поддерживали работу с ЛСД таких известных исследователей, как Амадео Мараззи из Института психиатрии Университета Миннесоты и Миссури, Генри Бичера из Гарварда и Массачусетского главного госпиталя, Чарльза Сэвиджа, когда он работал в Институте медицинских исследований ВМС, Джеймса Дилла из Вашингтонского университета, Джералда Клеи из Медицинской школы Мэрилендского университета, Нейла Берча из Бейлорского университета, который позднее проводил эксперименты для ЦРУ, и Пола Хоха и Джеймса Кэттелла из Психиатрического института штата Нью-Йорк*, который в 1953 г. насильственно произвел инъекции производных мескалина нью-йоркскому теннисисту-профессионалу Гарольду Блауэру, что явилось причиной смерти последнего. Военным, проводившим расследование этого случая, Кэттелл сказал: «Мы не знали, вводим ли мы ему собачью мочу или что-нибудь иное».

* Не путать с его известными однофамильцами психологами Джеймсом М. Кеттеллом (1860-1944) и тем более Раймондом Б. Кеттеллом (1905-1998). Здесь речь идет о психиатре Джеймсе П. Кеттелле, авторе статьи «The Influence of Mescaline on Psychodynamic Material» // *Journal of Nervous and Mental Diseases*, № 119, 1954, pp. 233-244. — Науч.ред.

[8] Сотрудникам TSS было давно известно, что ЛСД может быть весьма опасен. В 1952 г. Генри Бичер из Гарвардской медицинской школы, который регулярно информировал ЦРУ о своих беседах с европейскими коллегами, сообщил о случае, происшедшем в Швейцарии, когда после приема ЛСД женщина-врач впала в глубокую депрессию и через три недели покончила жизнь самоубийством.

Глава 5

Случай с д-ром Фрэнком Олсоном

В ноябре 1953 г. Сид Готлиб решил испытать ЛСД на группе ученых из Отдела специальных операций (*Special Operations Division* — SOD) армейского химического корпуса в Форт-Детрике, Фредерик, штат Мэриленд. Несмотря на то что по каналам секретных служб в TSS дважды передавался строгий запрет на

использование ЛСД без разрешения вышестоящего начальства, Готлибу, вероятно, представлялось, что испытание препарата на людях из SOD ничем не отличается от использования его среди коллег. В конце концов руководство TSS и SOD тесно сотрудничало; они были осведомлены об одной из самых темных тайн холодной войны: о том, что правительство США имело возможность — и порой ею пользовалось — убивать или временно выводить из строя определенных людей с помощью биологического оружия. Только весьма немногочисленная группа руководителей ЦРУ была осведомлена о том, что TSS выплачивала SOD около 200 тыс. долл. в год за создание оперативных систем, позволяющих заражать противника инфекционными заболеваниями.

Готлиб намеревался давать ЛСД группе работников SOD в течение трех дней при полном уединении. Дважды в год люди из SOD и TSS, сотрудничавшие по совместному проекту MKNAOMI, удалялись в уединенное место и «штурмовали» стоявшие перед ними проблемы. 18 ноября 1953 г. они собрались в бревенчатом строении в Дип-Крик-Лодж, в западной части штата Мэриленд. Окруженное с трех сторон горным озером и цепью Аппалачей, заросшими густыми лесами» здание было расположено достаточно уединенно даже для самого требовательного к условиям секретности шпиона. Только случайный охотник мог забрести сюда в осенние месяцы.

Группой из Форт-Детрика руководили д-р Джон Шваб, основавший SOD в 1950 г., его тогдашний глава подполковник Винсент Рувет и д-р Фрэнк Олсон, временно возглавлявший SOD в начале того года. Эти «бойцы бактериологической войны» собрались под видом писателей (охотников и лекторов), желающих провести на природе выходные дни. Перед отъездом они тщательно удалили со своих машин все наклейки о парковках в Форт-Детрике. Сид Готлиб привез с собой трех сотрудников ЦРУ, включая своего заместителя Роберта Лэшбрука.

Встретились они в гостиной здания перед огромным пылающим камином, затем разбились на мелкие группки с целью обсудить конкретные проблемы. Участники этих встреч рассказывают только о некоторых деталях, общей атмосфере, царившей на совещании, но ничего не сообщают о темах, которые там обсуждались. Однако другие источники из Форт-Детрика и правительственные документы позволяют составить представление об исследованиях, проводившихся по проекту MKNAOMI, которые обсуждались в этом роковом месте.

В рамках проекта MKNAOMI сотрудники SOD создали целый арсенал токсических веществ для ЦРУ. Для того чтобы убить кого-нибудь в течение нескольких секунд, например, с помощью таблетки, применяемой в случае самоубийства, в SOD был предложен сильнодействующий токсин моллюска[1]. В 1960 г. во время злополучного полета американского самолета U-2 над территорией Советского Союза у его пилота Пауэрса в серебряный доллар был впаян кусочек с этим ядом (но он предпочел им не воспользоваться). Будучи прекрасным средством для человека, желающего мгновенно умереть (или убить кого-нибудь), моллюсковый яд не оставляет времени для бегства, поэтому легко проследить, кто применил его. По мнению сотрудников ЦРУ и SOD, для убийства целесообразнее применять ботулин. При инкубационном периоде от 8 до 12 часов он позволяет киллеру скрыться с места происшествия. В дальнейшем сотрудники ЦРУ снабжали мафию таблетками с этим смертельным ядом для введения его в молочный коктейль Фиделя Кастро. Если ЦРУ стремилось, чтобы убийство

выглядело смертью, вызванной естественной причиной, то существовал длинный список смертельных заболеваний, типичных для той страны, которая выбрана для проведения операции. Так, в 1960 г. шеф секретных служб Ричард Бисселл попросил Сида Готлиба «выбрать болезнь», которая позволила бы убить стоявшего во главе Конго Патриса Лумумбу. На сенатском расследовании Готлиб сообщил, что он выбрал такую болезнь, которая должна была быть похожей на болезни, распространенные в Западной Африке, и которая могла завершиться смертельным исходом. Готлиб собственноручно отвез бактерии в Конго, но операция была аннулирована до того, как Лумумба мог быть инфицирован. (Конголезский лидер был вскоре убит при невыясненных обстоятельствах).

Для тех, от кого оперативники ЦРУ хотели избавиться только временно, у SOD было в запасе около дюжины болезней и токсинов различной силы. В конце списка SOD в качестве вещества, гарантировавшего относительно благополучный исход, стоял стафилококковый энтеротоксин — слабая форма отравления пищевыми продуктами (слабая в сравнении с ботулином). Эта инфекция почти никогда не завершалась летальным исходом, при ней жертва выводилась из строя примерно на срок от трех до шести часов. Под умелым руководством предшественника Сида Готлиба на его посту в военные годы Стенли Лавелла ОСС использовал именно это вещество, чтобы воспрепятствовать присутствию одного из нацистских руководителей, Ялмара Шахта, на проходившей тогда экономической конференции. Из имевшихся в запасе SOD средств большей вирулентностью отличался вирус венесуэльского конского энцефаломиелита. Обычно он парализовал человека на срок от двух до пяти дней, после чего тот оставался в ослабленном состоянии еще в течение нескольких недель. Если ЦРУ требовалось вывести человека из строя на несколько месяцев, то в распоряжении SOD было две разновидности бруцеллеза[2].

Один из бывших руководителей Форт-Детрика был настолько любезен, что перечислил все бактерии и токсины, которые SOD создал для ЦРУ, отметив их преимущества и недостатки. Предварительно он подчеркнул, что SOD пытался также разработать способы защиты американских граждан от воздействия подобных веществ: «У вас не может быть надежной защиты, если кто-то не подумал о нападении». Он отметил, что во время Второй мировой войны Япония неоднократно предпринимала бактериологические атаки на Китай, что и явилось одной из причин создания соответствующей программы США[3]. Но у него нет сведений о применении бактериологического оружия Советским Союзом или другими государствами.

Согласно утверждению указанного представителя Форт-Детрика, любой человек, замысливший использование бактериологического продукта, должен, помимо токсичности и инкубационного периода, учитывать и многие другие факторы.

Легко ли обнаружить бактериальное заражение и обезвредить его с помощью вакцины? Он отмечает, что сибирская язва, смертельное заболевание (передается через дыхательные пути), вакцину которого SOD заготовил для ЦРУ, имеет «выгодную» отличительную особенность: ее симптомы весьма сходны с симптомами пневмонии. Аналогично конский энцефаломиелит легко принять за грипп. Хотя против многих заболеваний существуют вакцины, SOD разрабатывал все более вирулентные штаммы. По мнению сотрудника Форт-Детрика, не существует организмов, чувствительных к лекарственному воздействию, стойкость которых нельзя было бы увеличить.

Обладает ли вирус способностью ко вторичному распространению? SOD предпочитал бы, чтобы он такой способностью не обладал, ибо эти люди, ведущие бактериологические войны, не желали распространять эпидемии — этой работой в Форт-Детрике занимались другие.

Был ли организм достаточно здоровым? Как влияла на него влажность? SOD, наряду со многими другими, учитывал и этот фактор.

Возможно, важнейшей проблемой для ЦРУ была проблема скрытого заражения требуемого лица. Одно из отделений SOD специализировалось на создании средств доставки; самым известным из них является метатель, изготовленный на основе револьвера 45-го калибра, который бывший директор ЦРУ Уильям Колби продемонстрировал во время одного из сенатских слушаний 1975 г. ЦРУ давно стремилось к тому, чтобы SOD создал «микрошприц», который, как указывается в документах ЦРУ, мог бы наносить людям такие смертельные поражения, которые «нельзя было бы обнаружить даже при тщательной аутопсии». SOD создал также аэрозольный спрей с дистанционным управлением, флуоресцентный стартер, активируемый при помощи света, и сигаретную зажигалку, которая превращалась в распылитель при нажатии. «Если вы собираетесь заразить человека, то легче всего это сделать через вдох: дышат все, тогда как не каждого можно заставить проглотить еду», — утверждает тот же сотрудник Форт-Детрика.

Фрэнк Олсон специализировался на заражении болезнетворными бактериями воздушным путем. В этой области он работал еще с 1943 года, когда являлся в Форт-Детрике одним из первых военнотружущих, участвовавших в американской программе биологической войны. В конце войны у него развилась язвенная болезнь, что заставило его демобилизоваться по состоянию здоровья, но он продолжал участвовать в программе в качестве гражданского лица. В 1950 г. Олсон начал сотрудничать с SOD с момента его образования. Будучи, по-видимому, хорошим профессионалом, он выполнял обязанности шефа 500 в 1952-1953 гг., но после обострения язвы, вызванного повышенной нагрузкой, попросил освободить его от этой должности. Олсон благополучно вернулся на должность заведующего отделом, где при меньших административных нагрузках мог больше времени уделять работе в лаборатории. Любитель веселых шуток, Олсон пользовался популярностью среди своих многочисленных друзей. Подобно большинству людей его поколения, внешне не любил проявлять свои чувства. Большая любовь к семье, к трем детям сделала его домоседом. Свободное время он предпочитал проводить дома. С будущей женой он познакомился, когда оба учились в Висконсинском университете.

В течение первых двух дней, проведенных в лесном лагере, Олсон присутствовал на всех совещаниях и выполнял, видимо, все, что от него ожидали. После обеда (это был четверг, 19 ноября 1953 г., в тот самый день, когда вашингтонская газета «Пост» в передовой статье осудила использование собак в химических экспериментах) Олсон, вместе со всеми присутствовавшими, выпил вина. Не пили только двое: у одного были проблемы с сердцем, а другой, как бывший алкоголик, не пил вообще. Без ведома сотрудников SOD Сид Готлиб решил добавить в вино некоторое количество ЛСД[4].

По мнению представителя SOD Уилсона, все было нормально, пока Готлиб не сказал об этом (через 20 минут после того, как все выпили). «Готлиб спросил, не замечаем ли мы что-либо необычное. После того, как он это сказал, все заметили, что происходит что-то странное». Они попытались продолжить совещание, но

после того, как наркотик подействовал, совещание перешло в сопровождаемую смехом оживленную беседу. Два представителя SOD проговорили всю ночь на философские темы, ничего общего не имеющие с биологической войной. Рувет вспоминает об этом дне как «о самом ужасном переживании, которое у него было или может произойти в будущем». Уилсон вспоминает, что «Олсон испытал психический шок. Он не мог понять, что происходит. Он думал, что над ним подшутили... Его излюбленным выражением было: “Ребята, вы скопище трагиков”».

Олсон и большинство других чувствовали себя все хуже; они не могли уснуть[5]. Когда на следующее утро группа собралась вновь, Олсон, как и часть его коллег, все еще был обеспокоен, находился в возбужденном состоянии. Совещание не было продолжено, никто не хотел говорить о делах; в течение дня все разъехались по домам.

Элис Олсон вспоминает, каким ее муж вернулся домой в тот день.

Он ничего не говорил. Он просто молча сидел. Обычно после командировки он рассказывал мне о том, о чем можно было говорить, например, что они ели. Во время обеда он сказал: «Позор, что взрослые в этой семье не общаются больше». Потом он сказал: «Пусть дети лягут спать, я поговорю с тобой».

Поздним вечером Фрэнк Олсон сказал жене, что «совершил ужасную ошибку», что коллеги насмеялись над ним и унижали его. Жена попыталась уверить его, что присутствовавшие были его друзьями, что они не стали бы над ним смеяться. Но Олсон не хотел с ней больше разговаривать. Он затаил свой страх и не говорил ей, что ему кажется, будто кто-то хочет арестовать его. Элис Олсон привыкла к тому, что он не делился с ней секретами. Она понимала, что он работает над проблемами, связанными с ведением биологической войны, но у нее было лишь слабое представление о его работе. Олсон жаловался на болезненные прививки, которые ему постоянно делали[6], почти никогда не принимал ванну дома, поскольку ежедневно мылся в душе при входе в рабочее помещение и при выходе из него. Когда один из сотрудников Форт-Детрика умер от сибирской язвы (это был один из трех несчастных случаев за 27-летнюю историю его работы), он сказал жене, что тот умер от пневмонии.

Элис Олсон никогда не видела здание, в котором работал ее муж. Форт-Детрик был построен по принципу концентрических окружностей: секрет таился в секрете. Чтобы войти во внутреннюю часть сооружения, где располагался SOD, требовался не только высший допуск секретности, но и особое удостоверение о «необходимости доступа к информации». Муж не собирался рассказывать ей, в нарушение государственных правил, о том **СВЕРХСЕКРЕТНОМ** эксперименте, который провел с ним Сид Готлиб.

Олсоны провели молчаливый уикенд. В воскресенье они сидели в гостиной на диване, держась за руки, чего давно уже не делали. Как вспоминает Элис Олсон, «это был мрачный ноябрьский день. Стоял такой густой туман, что ничего нельзя было разглядеть на улице. У Фрэнка была ужасная депрессия». Она вспоминает, что в конце концов они уложили детей и отправились в местный кинотеатр. Они посмотрели фильм «Лютер». По ее словам, «это был очень серьезный фильм; не очень-то хорошо смотреть такие фильмы при депрессии».

На следующее утро, в половине восьмого, Олсон появился в офисе своего шефа, подполковника Рувета. Он показался Рувету «взволнованным». Олсон сказал шефу, что хочет уволиться или быть уволенным. Ошеломленный Рувет стал

убеждать Олсона, что его поведение на совещании было «безупречным». Казалось, Олсон успокоился. Он согласился остаться и провел весь день за обычной работой. Вечер в доме Олсонов прошел спокойно, они планировали устроить в следующую субботу прощальную вечеринку уезжавшему коллеге.

Когда во вторник утром Рувет прибыл в офис, его ожидал там возбужденный Олсон. Он сказал, что сомневается в своей компетентности. Он сожалел о том, что демобилизовался из армии во время войны из-за язвы, говорил, что не может выполнять свою работу. После часовой беседы Рувет решил, что Олсону требуется «помощь психиатра». Рувет, по-видимому, догадывался, что причиной состояния Олсона было в первую очередь вмешательство ЦРУ, поэтому вместо того, чтобы отправить его в госпиталь, предложил заместителю Готлиба Роберту Лэшбруку организовать для Олсона консультацию психиатра.

Наскоро посоветовавшись, Лэшбрук и Готлиб решили послать Олсона в Нью-Йорк к д-ру Гарольду Абрамсону. Абрамсон не считал себя психиатром и не имел соответствующей квалификации. Он был иммунологом и аллергологом, интересующимся проблемами разума. Готлиб выбрал его по той причине, что у Абрамсона был сверхсекретный допуск ЦРУ и он в течение нескольких лет работал с ЛСД по контракту, заключенному с управлением. Очевидно, что Готлиб защищал собственную бюрократическую позицию, препятствуя тому, чтобы люди, не являвшиеся сотрудниками TSS, узнали о его поступке. Нарушив приказ, по которому для применения ЛСД требовалось разрешение вышестоящего начальства, Готлиб продолжал нарушать и другие принятые в ЦРУ правила. При возникновении опасной для ЦРУ ситуации, которая могла повлечь за собой разглашение секретных данных, следовало немедленно обратиться в Управление безопасности. При решении проблем, связанных со здоровьем, в распоряжении медицинского отдела при ЦРУ имелся длинный список врачей (в том числе и психиатров) со сверхсекретным допуском. К ним можно было обратиться за помощью.

В отношении Фрэнка Олсона у Готлиба были другие планы. И обеспокоенный биохимик из SOD отправился в Нью-Йорк в сопровождении Рувета и Лэшбрука. Олсон то чувствовал себя лучше, то все глубже погружался в состояние депрессии, ощущая нарастающее чувство вины. Его стали преследовать мысли, что по приказу ЦРУ ему вводят в кофе стимуляторы типа бензедрина, чтобы не давать ему уснуть; что именно ЦРУ собирается арестовать его. В тот день Абрамсон увидел Олсона в своем офисе. В половине одиннадцатого вечера он посетил Олсона в номере гостиницы, принес с собой бутылки с бурбоном и нембуталом — необычное сочетание при лечении больного с симптомами Олсона.

Прежде чем встретиться на следующий день с д-ром Абрамсоном, Олсон и Рувет вместе с Лэшбруком посетили известного нью-йоркского колдуна Джона Мулхолланда, который по контракту с TSS подготовил инструкцию по «применению магических средств в секретных операциях». Как «специалисту по извлечению зайцев из цилиндров» ему легко было изобрести новые способы введения наркотиков в напитки. Поэтому Готлиб поручил Мулхолланду, среди прочего, разработку «способов введения различных препаратов ничего не подозревающим об этом людям». Лэшбрук полагал, что колдун сможет позабавить Олсона, но тот стал еще «более недоверчивым». После короткого визита Лэшбрук подвез Олсона к офису Абрамсона. После часовой консультации

Абрамсон разрешил Олсону вернуться в Фредерик и провести с семьей праздник Дня благодарения.

На утро четверга у Олсона, Рувета и Лэшбрука были зарезервированы билеты на самолет, так что вечером того дня, желая улучшить настроение, они отправились посмотреть известный мюзикл Роджерса и Хэммерстейна «Я и Джульетта». Уже во время первого действия Олсон сказал Рувету, что у выхода его ожидают люди, собирающиеся его арестовать. Во время антракта Рувет и Олсон покинули шоу; друзья вернулись в свой номер отеля «Статлер». Когда Рувет уснул, Олсон вышел из отеля и бродил по городу. Воображая, что следует приказу Рувета, он изорвал бумажные деньги и бросил бумажник в канаву. В половине шестого утра Рувет и Лэшбрук застали его сидящим в пальто и шляпе в холле отеля.

Они расплатились в отеле и сели в самолет, летевший в Вашингтон. Водитель из TSS повез Олсона и Рувета из Национального аэропорта в Фредерик. Когда они ехали по Висконсин-авеню, Олсон заставил водителя заехать на стоянку автомашин. Он сказал Рувету, что ему «стыдно» появиться дома в таком состоянии, что он боится поступить жестоко с детьми. Рувет предложил вернуться к Абрамсону в Нью-Йорк, и Олсон согласился. Рувет и Олсон вернулись в квартиру Лэшбрука в Вашингтоне на Нью-Гемпшир-авеню, и тот вызвал Готлиба с праздничного обеда в Виргинии. Все согласилось, что Лэшбрук отвезет Олсона в Нью-Йорк, а Рувет поедет в Фредерик, чтобы объяснить ситуацию жене Олсона и повидаться со своей семьей. (Рувет был другом Олсона, тогда как Лэшбрук был просто знаком с ним по работе. Сын Олсона Эрик полагает, что состояние отца ухудшилось, когда Рувет оставил его в руках сотрудника ЦРУ Лэшбрука, особенно учитывая то обстоятельство, что Олсону казалось, будто ЦРУ «собирается его схватить»). Олсон и Лэшбрук прилетели в аэропорт Ла-Гардия и отправились в офис Абрамсона на Лонг-Айленде. После этого оба безрадостно пообедали в местном ресторане. В пятницу утром Абрамсон отвез их на Манхэттен. Аллерголог Абрамсон понял, наконец, что случай Олсона слишком сложен для него; он порекомендовал госпитализацию. Позднее он записал, что Олсон «был в состоянии психоза... с манией преследования».

Олсон согласился лечь в санаторий Честнат Лодж в г.Роквилл, штат Мэриленд, где в числе врачей были психиатры с допуском от ЦРУ. Они не смогли заказать билеты на самолет до следующего утра, поэтому Олсон и Лэшбрук решили провести еще одну ночь в отеле «Статлер». Они сняли номер на десятом этаже. Успокоенный Олсон впервые после прибытия в Нью-Йорк решился позвонить жене. У них состоялся разговор, от которого у нее осталось приятное впечатление. Она почувствовала себя лучше.

Когда ранним утром Лэшбрук проснулся, он только успел увидеть, как Фрэнк Олсон, пробив закрытое окно, выбросился с десятого этажа.

В течение нескольких секунд, пока толпа окружала лежащее на улице тело Олсона, начала проводиться операция прикрытия. Прежде чем оповестить полицию, Лэшбрук позвонил Готлибу и сообщил ему о случившемся. Затем Лэшбрук позвонил Абрамсону, который, по словам Лэшбрука, «хотел, чтобы его имя даже не упоминалось». Правда, вскоре Абрамсон перезвонил и предложил помощь. Когда прибыла полиция, Лэшбрук заявил им, что работает на Министерство обороны. Он сказал, что не знает о причинах самоубийства, но ему известно, что покойный «страдал язвой желудка». Полицейские, работавшие по

этому делу, впоследствии вспоминали, что получение информации от Лэшбрука «можно было сравнить с удалением зубов». Они заподозрили, что это могло быть убийством на гомосексуальной почве, но вскоре прекратили расследование, после того как Абрамсон подтвердил рассказ Лэшбрука и привел в движение связи в высоких правительственных кругах.

Вернувшись в Вашингтон, Сид Готлиб был вынужден, наконец, сообщить в Управление безопасности о случае с Олсоном. Директор Аллен Даллес лично приказал Генеральному инспектору Лайману Киркпатрику провести полное расследование, но прежде всего сотрудники ЦРУ попытались сделать все возможное, чтобы никто из посторонних не мог связать смерть Олсона с ЦРУ или ЛСД. Вскоре многочисленные группы Управления безопасности замелькали вокруг Нью-Йорка и Вашингтона, замечая все следы. Один из сотрудников управления опросил Лэшбрука, а затем отвез его на встречу с Абрамсоном. Когда Лэшбрук и Абрамсон попросили оставить их наедине, он согласился, а затем, следуя лучшим традициям своего управления, подслушал их разговор. Как следует из его доклада, Лэшбрук и Абрамсон договаривались давать одинаковые показания. Лэшбрук продиктовал Абрамсону, какие симптомы он должен был обнаружить у Олсона и какие проблемы беспокоили того. Лэшбрук даже указал, что жена Олсона предложила мужу посетить психиатра за несколько месяцев до инцидента с ЛСД[7]. Комментарии Лэшбрука появились в трех отчетах, которые Абрамсон представил в ЦРУ, однако эти отчеты отличаются крайней непоследовательностью. В одном меморандуме Абрамсон написал, что «состояние психоза у Олсона... проявилось вследствие эксперимента» (с ЛСД). В другом отчете Абрамсон назвал принятую Олсоном дозу ЛСД «терапевтической» и добавил, что полагает, что «эта доза едва ли могла сыграть сколько-нибудь значительную роль в последовавшей цепи событий»[8].

Официальная (но секретная) позиция ЦРУ состояла в том, что принятая Олсоном доза ЛСД «спровоцировала» его самоубийство. Сотрудники управления постарались сделать так, чтобы жена получила приличную государственную пенсию — две трети его основного оклада. Рувет, который грозил рассказать все, если жене Олсона не назначат такую пенсию, написал докладную, в которой говорилось, что Олсон скончался от «секретного заболевания». Готлиб и Лэшбрук пытались выйти сухими из воды, утверждая, что дали Олсону ЛСД с согласия начальства. С одной стороны, они признавали провоцирующий эффект ЛСД в его смерти, а с другой — утверждали, что принятая им доза «практически не могла» оказать такое воздействие. Администрация ЦРУ назвала такую позицию «совершенно непоследовательной». По мнению Генерального инспектора ЦРУ, «способ проведения эксперимента свидетельствовал о небрежном к нему отношении со стороны сотрудников TSS, включая и их заявление, что это один из рисков проведения научных исследований».

При проведении расследования Генеральный инспектор Киркпатрик наложил арест на все документы Готлиба, относившиеся к проведению испытаний с ЛСД, что, как вспоминал Киркпатрик, очень опечалило Готлиба. «Как я понял из его слов, он был очень обеспокоен своим будущим», — добавил Киркпатрик с кривой улыбкой. Киркпатрик порекомендовал выразить неодобрение действиям Готлиба, шефа TSS Уиллиса Гиббонса и заместителя шефа TSS Джеймса «Траппера» Драма, которому потребовалось 20 дней после смерти Олсона, чтобы признаться в том, что Готлиб согласовал с ним проведение эксперимента. Другие руководители ЦРУ возражали против рекомендации Киркпатрика. Так, адмирал Луис Дефлорес, председатель Отдела исследований ЦРУ, послал личный меморандум Аллену

Даллесу, в котором утверждал, что осуждение явится «несправедливостью» и помешает «духу инициативы и энтузиазма, столь необходимому в нашей работе». Канцелярия директора ЦРУ продолжала работать, и Киркпатрик приступил к длительной процедуре подготовки писем на подпись Даллесу, в которых говорилось бы, что Готлиб, Гиббонс и Драм были в чем-то неправы, но ошибались «не слишком» сильно. Киркпатрик написал шесть вариантов писем по одному только Готлибу, прежде чем получился приемлемый для всех текст. Он начал с заявления, что руководство TSS принимало «крайне неверные решения». Это звучало как чересчур сильное осуждение высокопоставленных сотрудников управления. Тогда Киркпатрик использовал выражение «очень неверные решения». Но и это прозвучало слишком сильно. Он остановился на «неверных решениях». Указанным руководителям сообщили, что они не должны рассматривать эти письма в качестве выговоров, письма не будут введены в их личные дела, что могло бы повредить их служебной карьере.

Семья Олсонов в Фредерике отделалась не так легко. Рувет рассказал им, что Олсон выпрыгнул или выпал из окна в Нью-Йорке, но не упомянул ЛСД, который, по мнению самого Рувета, повлек за собой гибель Олсона. Как дисциплинированный солдат, Рувет не смог заставить себя рассказать о засекреченном эксперименте — даже для того, чтобы смягчить горе Элис Олсон. Она никак не могла смириться с мыслью, что ее муж добровольно ушел из жизни. «Для меня было очень важно, почти так же, как сама жизнь, чтобы дети не думали, будто отец предал их», — вспоминает она.

В течение последующих 22 лет у Элис Олсон не было иных доказательств, кроме собственного убеждения, что муж покинул ее и семью не по собственной воле. А затем, в июне 1975 г., комиссия Рокфеллера, изучавшая незаконную деятельность ЦРУ в собственной стране, сообщила о том, как человек, похожий на Фрэнка Олсона, выбросился из окна отеля в Нью-Йорке после того, как без его ведома ЦРУ дало ему принять ЛСД. Семья Олсонов прочла об этом в вашингтонской газете «Пост». Дочь Олсона Лиза Олсон Хейвард и ее муж встретились с Руветом, жившим после своей отставки в Фредерике. Во время взволнованной беседы Рувет подтвердил, что речь идет именно об Олсоне. Он сказал, что не мог раньше сообщить об этом семье, так как не имел на это разрешения. Рувет попытался отговорить их от обращения к общественности или от требования правительственной компенсации, однако Олсоны сделали и то, и другое[9]. По национальному телевидению Элис Олсон и каждый из ее уже взрослых детей поочередно зачитали заранее заготовленное заявление, в котором говорилось следующее:

ЦРУ нанесло нашей семье много оскорблений. Во-первых, над Фрэнком Олсоном был проведен небрежный и незаконный эксперимент. Во-вторых, истинная причина его смерти скрывалась в течение 22 лет... Рассказывая нашу историю, мы хотим, чтобы к пережитой нашей семьей личной боли, а также к пережитому нами моральному и политическому произволу не отнеслись свысока. Только при этом условии смерть Фрэнка Олсона может стать составной частью памяти Америки и послужить делу политических и этических реформ, столь необходимых нашему обществу.

Далее в заявлении судьба семьи Олсонов сравнивалась с судьбами семей «третьего мира», «надежды которых на лучшую жизнь были разбиты вмешательством ЦРУ». Хотя Эрик Олсон прочел эти слова от имени всей семьи, они в большей мере отражали политические взгляды детей, чем чувства их матери, Элис Олсон. Будучи невероятно сильной женщиной, которая, казалось, примирилась с действительностью, она вернулась после гибели мужа в колледж, получила научную степень, ведя в то же время преподавательскую работу, и сохранила семью. В ее душе нет вражды к Вину Рувету — ее другу, который все эти годы скрывал столь важную для нее информацию. Он поддерживал и

успокаивал ее в самое трудное время, и она глубоко ценит это. Элис Олсон защищает Рувета, говоря, что он был в трудном положении, но затем она останавливается на полуслове и говорит: «Если бы он хотя бы намеком дал понять, что причина была связана с работой... Если бы я хоть что-нибудь могла сказать детям. Я не понимаю, как [Рувет] мог так поступить. Это было жестоко по отношению к человеку, который любил его».

«У меня нет враждебности к Вину [Рувету], — говорит Элис Олсон. — Другое дело Готлиб. Он вызывает презрение». Она рассказывает, что оба, и Готлиб, и Лэшбрук, присутствовали на похоронах в Фредерике и внесли вклад в мемориальный фонд. Она знала, что они не работали в Детрике, но не понимала, откуда они и какова их роль в происшедшем. Она вспоминает, что не хотела их видеть. «Но Вин сказал, что им будет легче. Я от них ничего не хотела. Я не думала, что это необходимо, но я согласилась. Возвращаясь мысленно к этому, я считаю, что это было ужасно... Для них я была несмышленным младенцем».

Готлиб и Лэшбрук так, по-видимому, и не вернулись к работе в TSS, занимавшийся разработкой биологического оружия. В остальном, однако, мало что изменилось. Связь ЦРУ с TSS перешла к Рею Трейхлеру и Генри Бортнеру. До 1969 г. TSS продолжал изготавливать и накапливать биологическое оружие для ЦРУ, прекратив эту деятельность только после того, как президент Ричард Никсон выступил против применения этого оружия.

И, возможно, кто-то заменил Фрэнка Олсона.

Примечания

[1] Токсины представляют собой не живые организмы, а химические вещества, образовавшиеся из биологических тканей. Они могут принести человеку болезнь или смерть, но, в отличие от бактерий, не способны к самовоспроизводству. В связи с их биологическим происхождением исследованием токсинов занимались в Форт-Детрике, а не на базе Эджвуд, где специализировались на химических аспектах американской программы создания химического и бактериологического оружия (ХБО).

[2] Вполне возможно, что именно бруцеллез был выбран Готлибом весной 1960 г., когда Комитет изменения здоровья, являвшийся одним из подразделений секретных служб, одобрил операцию по выводу из строя по меньшей мере на три месяца иракского полковника, о котором говорили, что он «проталкивает политические интересы советского блока». Готлиб сообщил Комитету Черча, что он обработал носовой платок с монограммой специальным препаратом, а затем послал его полковнику. Сотрудники ЦРУ сообщили комитету, что полковник был расстрелян группой стрелков еще до получения им платка.

[3] По некоторым причинам американское правительство не разглашало сведения о применении японцами биологического оружия. «Нам было известно, что они заражали Маньчжурию». Источник из Форт-Детрика говорит: «Мы знали о производстве и распространении [биологических веществ, включая сибирскую язву]... Я сам читал отчеты о вскрытиях. У нас были люди, которые ездили после войны в Японию».

[4] Непосредственно после смерти Олсона, пытаясь преуменьшить свою вину, Готлиб утверждал, что он обговаривал с людьми из SOD желательность испытания ЛСД без ведома испытуемого. Два человека из группы SOD категорически отрицали это в одном из интервью, а один из группы категорически опровергал это утверждение Готлиба во время слушаний в конгрессе. Как Готлиб, так и сотрудники SOD едины в утверждении, что перед приемом наркотика Готлиб не предупреждал их о своем намерении.

[5] Поскольку в большинстве случаев «странствие» после приема ЛСД продолжается около восьми часов, практически все экспериментаторы (в том числе и контрактники TSS), чтобы не проводить бессонную ночь, принимали ЛСД утром.

[6] Чтобы войти в здание SOD помимо очень жестокого допущения необходимо было иметь при себе карту со сведениями о прививках в количестве от 10 до 20. Прививки были настолько болезненными и требовали таких затрат времени, что где-то в 60-е гг. генерал, возглавлявший химические войска, принял решение прекратить инспектирование SOD и проводить совещания на местах. Один из отставников SOD объяснил это следующим образом: «Таким путем мы их изолировали. Им не обязательно было все знать. Большинство нарушений происходило сверху... Если бы он настаивал, он мог бы войти без прививок. Он мог бы это сделать, несмотря на протесты директора по безопасности».

[7] Элис Олсон утверждает, что это прямая ложь.

[8] У не имеющего психиатрической специализации Абрамсона, разрешавшего химику Лэшбруку рассказывать о комплексах пациента, было весьма странное представление о терапевтических или, как в данном случае, психотерапевтических методах. В направленном в ЦРУ в 1953 г. предложении ассигновать 85 тыс. долларов на изучение ЛСД Абрамсон писал, что «надеется» в течение следующего года «дать здоровым с психиатрической точки зрения пациентам госпиталя... без их ведома психотерапевтические дозы этого наркотика». Тут невольно вспоминается персонаж из пьесы Уильяма Берроуза, который говорит: «Ну, ребята, вы не слишком часто будете очевидцами этой операции. Причина та, что она совершенно бесполезна с медицинской точки зрения».

[9] Позднее президент Джералд Форд лично извинился перед семьей Олсонов, а в 1976 г. конгресс принял закон о выделении семье в качестве компенсации 750 тыс. долларов. Семья добровольно отказалась от предъявления иска.

Глава 6

Без ведома потерпевших — конспиративные квартиры

Смерть Фрэнка Олсона могла нанести чувствительный удар по проводимой ЦРУ программе испытаний ЛСД, однако, как и карьере Сиды Готлиба, так и этой

программе почти не был причинен ущерб. Руководство ЦРУ призвало приостановить все эксперименты на время проведения расследования случая с Олсоном и пересмотрело общую политику. На два испытательных полигона (Манила и Ацуги, Япония), имеющих запас наркотиков, телеграфом был направлен запрет на их использование. У Сида Готлиба даже отобрали его личный запас и положили в сейф начальника, причем код сейфа не был известен никому, кроме самого босса. Однако в конечном итоге Аллен Даллес согласился с мнением Ричарда Хелмса о том, что единственный реалистический способ испытания наркотиков состоит в их приеме ничего не подозревающими людьми. Хелмс заметил, что эксперименты, проводимые на заранее предупрежденных людях, будут «в лучшем случае формальными, а их результаты создадут ложное ощущение завершенности и готовности». Для Аллена Даллеса значение ЛСД вполне перевешивало риск и этические проблемы, связанные с проведением экспериментов на ничего не подозревающих людях. Они вернули Готлибу его запасы ЛСД.

После того как руководство ЦРУ приняло решение продолжить испытания без ведома испытуемых, по словам Хелмса, «остался только вопрос, как осуществить это наилучшим образом». В деле Олсона роль ЦРУ слишком близко подошла к черте, грозившей утечкой информации, поэтому руководство TSS просто должно было разработать систему испытаний с более надежным прикрытием. Это означало необходимость найти испытуемых, связь которых с ЦРУ было бы сложнее проследить.

Задолго до смерти Олсона Готлиб и группа MKULTRA задумались над тем, как наилучшим образом провести испытания без ведома испытуемых. Они рассматривали использование американской полиции в экспериментах с наркотиками над заключенными, информаторами и подозреваемыми в совершении преступлений, однако сознавали, что об этом неизбежно узнают местные политики. В ЦРУ полагали, что таким людям нельзя доверять важные тайны. Руководство TSS рассматривало в качестве места испытаний федеральные тюрьмы или больницы, но Управление по тюрьмам отказалось проводить испытания без согласия испытуемых (в отличие от добровольной, пусть и вынужденной, формы, практиковавшейся на наркоманах в штате Кентукки). Тогда был задуман перенос программы испытаний за океан, где совместно с командами ARTISHOKE уже проводились оперативные эксперименты. Но затем пришли к решению, что в случае проведения испытаний в необходимых, по их замыслам, масштабах о них будет осведомлено чрезмерно большое число иностранцев, что, в свою очередь, связано с неприемлемой угрозой соблюдению требований секретности.

Сида Готлиба вспоминают как гения мозгового штурма группы MKULTRA, обладавшего настоящим даром демонстрировать людям, не оскорбляя их чувств, почему их схемы не сработают. Так, один из его прежних сотрудников вспоминает, что «в период окончательного анализа Сид был подобен хорошему солдату: если задание следовало выполнить, он его выполнял. После принятия решения он находил наиболее эффективный способ».

В данном случае Готлиб предложил решение, прочитав старые файлы о поиске «наркотика правды», проводившемся Стенли Лавеллом. Готлиб заметил, что Лавелл использовал Джорджа Уайта, довоенного сотрудника Федерального агентства по борьбе с наркотиками, при испытаниях концентрированной марихуаны. Наряду с испытанием этого наркотика на добровольцах в проекте

«Манхэттен» и, без их ведома, на подозреваемых в связях с коммунистами, Уайт дал его принять гангстеру Дель Грацио, лейтенанту «Лакки» Лучиано. Уайт назвал эксперимент большим успехом. Готлиб считал, что если бы Дель Грацио понял, что им был применен наркотик, гангстер никогда не смог бы обратиться ни в полицию ни к прессе. Для выживания в преступном мире ему необходимо было хранить молчание о любых действиях, предпринятых против него правительственными агентами.

Люди, связанные с криминальным миром, представлялись Готлибу идеальными субъектами для испытаний. Тем не менее, согласно утверждению одного из источников в TSS, «мы не собирались связываться с мафией». Согласно тому же источнику, вместо этого был выбран мир проституток, наркоманов, членов мелких преступных группировок, которые не смогут даже попытаться отомстить, если и выяснят когда-либо, что ЦРУ нанесло вред их здоровью. Помимо малой вероятности разглашения ими приема наркотиков (обычно в виде капель снотворного), эти люди обитали в таком мире, где случайный прием наркотика относится к профессиональному риску. Поэтому с ними легче иметь дело, они легче оправятся от неожиданной дозы ЛСД по сравнению с населением в целом. По крайней мере так рассуждали руководители TSS. По словам одного из ветеранов TSS, они могут, по меньшей мере, сказать себе: «Вот, я опять “поехал”. Мне подсунули дозу». Он вспоминает, как его бывшие коллеги рассуждали, что если уж придется нарушать чьи-то гражданские права, то предпочтительнее выбрать группу маргиналов.

Сам Уайт после войны ушел из ОСС и вернулся в Агентство по борьбе с наркотиками. В 1952 г. он работал в его нью-йоркском отделении. В качестве высокопоставленного агента по борьбе с наркотиками Уайт имел вполне обоснованное оправдание для того, чтобы находиться рядом с наркотиками и употребляющими их людьми. Во время войны он доказал, что обладает большими способностями к секретной работе. Конечно, у него не было никаких угрызений совести, когда дело доходило до испытаний наркотиков на ничего не подозревающих людях, а при такой работе он имел доступ ко всем людям, которые смогли бы потребоваться ЦРУ. Если же он мог применять ЛСД или иные наркотики, чтобы больше узнать о путях их распространения, то это было только к лучшему. С точки зрения конспирации, ЦРУ легко могло отказаться от того, что делал Уайт, а он никогда не отказывался от заданий. Совершенно очевидно, что для Сида Готлиба Уайт был нужным человеком. Шеф MKULTRA решил вступить с Уайтом в прямой контакт и посмотреть, заинтересует ли того предложение о совместной работе с ЦРУ по той же теме, по которой он работал с ОСС.

Постоянно озабоченный соблюдением бюрократических формальностей, Готлиб вначале переговорил с Гэрри Анслингером, давнишним руководителем Федерального агентства по борьбе с наркотиками, и получил разрешение на использование Уайта на временной основе. Затем Готлиб отправился в Нью-Йорк и встретился с заинтересовавшим его человеком. Имея рост 1 м 70 см и вес более 80 кг, Уайт наголо брил голову и был похож на большой шар. После происшедшей ранним утром встречи Уайт сделал в своем дневнике запись за 9 июня 1952 г.: «Готлиб предложил мне стать консультантом ЦРУ — я согласен». Назвав настоящее имя Готлиба[1], Уайт, еще не приступив к работе, нарушил принятые в ЦРУ правила безопасности. Однако Уайт никогда не пользовался репутацией человека, соблюдающего правила.

Несмотря на большое значение, которое в TSS придавали испытанию наркотиков, Уайт получил допуск к секретной работе только через год. Он откровенно писал об этом своему другу в 1953 г.:

Только в прошлом месяце я получил допуск. Я узнал, что курильщики трубок из этой команды либо знали меня, либо слышали обо мне в дни моей работы в ОСС и решили, что я слишком сер для их конторы, и набросали мне «черные шары». Только после того, как мои спонсоры узнали, в чем дело, они смогли прорвать блокаду. Ведь я не кончал Принстон.

Люди либо любили Уайта, либо ненавидели его. Он сумел приобрести могущественных врагов, включая нью-йоркского губернатора Томаса Дьюи и Дж. Эдгара Гувера. Позднее Дьюи помог блокировать приход Уайта на должность в нью-йоркском отделении Агентства по борьбе с наркотиками, занять которую тот очень стремился. По ныне уже забытой причине Гуверу удалось воспрепятствовать поступлению Уайта на работу в ЦРУ на заре его существования, когда тот предпочел бы навсегда прекратить работу с наркотиками. Это было два крупнейших разочарования в его жизни. То, что Уайт не был допущен в ЦРУ, возможно, объясняет, по какой причине он столь охотно принял предложение Готлиба и одновременно столь презрительно отзывался о сотрудниках ЦРУ. Любитель выпивки, который мог в один присест выпить бутылку джина, Уайт часто насмеялся над работавшими в ЦРУ любителями коктейлей. Как вспоминает один из его давних друзей, «он презирал их. Они были слишком сложными, а трудную работу за них делали другие».

В отличие от сотрудников ЦРУ, Уайт любил быть на виду. Человек, с удовольствием говоривший о себе, культивировавший образ «крутого парня», Уайт умел извлекать из наркотиков все возможное — искусство, которое он приобрел в молодости, работая газетным репортером в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе. В поиске профессии, более надежной с финансовой точки зрения, он в 1934 г. пошел работать в Агентство по борьбе с наркотиками, продолжая дружить с журналистами, особенно с теми, кто хорошо о нем отзывался. О нем не только писали как о герое-полицейском, но он содействовал формированию образа будущего Коджекса, работая в качестве консультанта на одном из первых детективных сериалов. Чтобы обозначить начало рейда, он драматично касался шляпы, подавая сигнал агентам — и фотографам — о том, что пора приступать к съемке и начинать фотографировать. Еще один друг говорит о нем: «Он был немного тщеславен в том смысле, что если он что-то сделал, то не возражал против того, чтобы об этом узнал весь мир»[2].

Ученые из TSS с их научными степенями и отсутствием опыта работы на улице не могли не восхищаться Уайтом, обладателем имиджа столь дерзкого парня. В отличие от людей из MKULTRA, которые, несмотря на свои притязания, никогда не занимались практической шпионской деятельностью, Уайт имел опыт работы на ОСС за океаном и, по слухам, собственноручно убил японского агента. Лицо одного из бывших сотрудников TSS осветила озорная мальчишеская улыбка при воспоминании о бешеной гонке по Нью-Йорку и незаконных парковках. Другой бывший сотрудник TSS вспоминает:

Мы были членами общества Плюща, белыми, принадлежали к среднему классу. Мы были наивны, совершенно наивны, а он обладал опытом. Он знал проституток, сутенеров, поставщиков наркотиков. По слухам, он участвовал в ряде перестрелок и захватил героина на миллионы долларов... Это был дикий человек. Я боялся его. Этим парнем невозможно было управлять. Мне было трудно понять, кто кем руководит.

Уайт был крайне противоречивой личностью. Как и следовало ожидать от агента, он усиленно боролся с наркотиками. Однако он умер от того, что любимый им алкоголь разрушил его печень. Он испробовал и наркотики — от марихуаны до ЛСД. В письме к знакомому он говорит: «Временами я чувствовал, что

переживаю опыт “по расширению разума”, но это ощущение исчезало как сон немедленно после завершения действия наркотика». Он был чиновником, работавшим в сфере реализации законодательства, и одновременно нарушал закон. ЦРУ использовало его для проведения испытаний ЛСД ради искоренения наркомании, поскольку он соглашался пройтись кованым сапогом по правам других людей — во имя «национальной безопасности». Как заявил еще один из его близких сотрудников, подводя итоги отношению Уайта к работе, «он полагал, что цель оправдывает средства».

«Прагматизм» Джорджа Уайта прекрасно согласовывался с желанием Сида Готлиба испытывать наркотики. В мае 1953 г. после нескольких совместных занятий народными танцами они договорились об общих действиях. В соответствии с принятой в ЦРУ кодировкой, Уайт получил обозначение «подпроект MKULTRA № 3». В соответствии с состоявшейся договоренностью он снял в районе Нью-Йорка Гринвич-Виллидж две соседние квартиры, представившись художником и бывшим моряком Морганом Холлом. Уайт согласился заманивать «подопытных кроликов» на оборудованные с этой целью конспиративные квартиры, давать им без их ведома наркотики и сообщать о полученных результатах Готлибу и другим сотрудникам TSS. Со своей стороны, ЦРУ разрешило Агентству по борьбе с наркотиками использовать свою конспиративную квартиру в работе (а часто и для личных развлечений), если на это время не планировалась работа по заданиям ЦРУ, которое оплачивало все счета, включая расходы на прекрасно укомплектованный бар с алкогольными напитками, что было для Уайта приятной добавкой к окладу. Готлиб сам вручил ему первые 4 тыс. долл. наличными, предназначенные для меблировки квартиры в любимом Уайтом стиле дешевой роскоши.

Готлиб не ограничивал свой интерес к наркотикам. Вместе с другими сотрудниками TSS он хотел испытать предназначенное для слежки оборудование. Техники ЦРУ быстро установили сквозные зеркала и микрофоны, с помощью которых наблюдатели могли производить съемки, делать фотографии и осуществлять звукозапись. «Подслушивающие устройства и двусторонние зеркала работают неважно, поэтому установите их и определите, что работает, а что не функционирует,— дает задание источник из TSS. — Если вы собираетесь устроить человеку ловушку, то ему надо предъявить снимки (улики), звуковую запись. Научившись делать это с комфортом и безопасно, вы сможете перенести технологию за океан и пользоваться ею и там». Этот сотрудник TSS отмечает, что ЦРУ использовало в спальнях на явочных квартирах Европы некоторые устройства, проверенные в операциях с Уайтом.

В течение первых месяцев функционирования явочных квартир Уайт испытывал ЛСД (несколько типов капель) и старое средство ОСС — концентрированную марихуану. Он давал наркотики в пище, напитках и сигаретах, после чего пытался выведывать информацию у своих «гостей»; обычно вопросы касались наркотиков. Иногда из Вашингтона приезжали люди из MKULTRA, чтобы понаблюдать за проведением операций. Одна из записей за сентябрь 1953 г. в дневнике Уайта гласит: «Лэшбрук на Бедфорд Стрит, 81, Оуэн Уинкл и сюрприз с ЛСД — можно смыть». Заместитель Сида Готлиба Роберт Лэшбрук выполнял роль «контролера проекта» по нью-йоркской квартире[3].

Уайт проработал на явочной квартире всего шесть месяцев, когда умер Олсон и руководство ЦРУ приостановило операции с целью их переоценки. Вскоре ему разрешили возобновить работу, но затем Готлибу пришлось приказать Уайту вновь приостановить работу: комиссар от штата Нью-Йорк вызвал Уайта, чтобы тот рассказал о своей роли в деле, закончившемся тем, что после войны губернатор Дьюи помиловал «Лакки» Лучиано. Комиссар задавал вопросы, касавшиеся испытания марихуаны на Дель Грацио, и Готлиб опасался, что могут просочиться сведения о текущих испытаниях, которые проводило ЦРУ. Вскоре миновала и эта буря, а затем, в начале 1955 г., Агентство по борьбе с наркотиками перевело Уайта в Сан-Франциско на должность главного агента. Будучи доволен работой Уайта, Готлиб разрешил ему перенести исполнение аналогичных операций на Западное побережье. Уайт сдал квартиры в Гринвич Виллидж, оставив хозяину наличные «в уплату за возможные повреждения», как было записано в одном из документов ЦРУ[4].

Вскоре Уайт снял подходящую «площадку» (так он всегда называл эти квартиры) на Телеграф-хилл с потрясающим видом на залив, на мост через Золотые Ворота и на Алькатрас. В дополнение к привезенной из Нью-Йорка обстановке он приобрел предметы, которые придали этому дому вид борделя, которым он и должен был стать. Плакаты Тулуз-Лотрека, картина с изображением танцовщицы канкана, фотографии скованных наручниками женщин в черных чулках. Один из агентов, часто посещавший описываемый дом, пишет: «Предполагалось, что это должно было выглядеть богато, но на самом деле обстановка состояла из барахла».

Уайт разместил заказ на установку подслушивающего оборудования в фирме одного из своих друзей, а У.Хокинс, 25-летний умелец-электронщик, учившийся в Беркли, установил четыре микрофона типа DD-4 в виде штепсельных розеток и подключил их к двум магнитофонам F-301, за которыми следили агенты, находившиеся на расположенном рядом «посту прослушивания». Хокинс вспоминает, что в холодильнике Уайта была бутылка с мартини. «Он некоторое время наблюдал за мной, смотрел, как я устанавливаю микрофон, а затем ускользал». Ускользал на свой «наблюдательный пост», который представлял собой портативный туалет, расположенный за прозрачным зеркалом, откуда он мог наблюдать за происходящим с бутылкой в руках.

Конспиративная квартира в Сан-Франциско специализировалась на предоставлении ее проституткам. По воспоминаниям сотрудника TSS, «это происходило до доклада Хайта и до публикации книг “хукеров”. Поэтому нам приходилось идти на улицу и познавать мир. Вначале мы не знали, что такое “джон” или чем занимается “сутенер”». Для изучения преступного мира Сид Готлиб решил послать своего главного психолога Джона Гиттингера.

Джордж Уайт поставлял проституток, но своднические функции в основном делегировал одному из своих помощников по имени Айра («Айк») Фельдман. Это был мускулистый человек маленького роста, рядом с которым даже Уайт со своим ростом 1 м 70 см казался великаном. Фельдман старался действовать еще более жестко, чем его босс. Замшевые туфли, костюм, расклешенные брюки, шляпа с загнутыми полями, кольцо с огромным цирконием, который должен был выглядеть как бриллиант, Фельдман впервые появился в Сан-Франциско под видом деляги с Восточного побережья, желавшего приобрести крупную партию героина. Он использовал проститутку-наркоманку Жанет Джоунз (*Jones*), законный муж которой утверждал, что Фельдман оплачивал ее услуги героином,

чтобы заманивать продавцов наркотиков на «площадку», и помогал Уайту производить аресты.

В качестве главного федерального агента по борьбе с наркотиками в Сан-Франциско Уайт имел возможность вознаграждать и наказывать проституток. Он разработал систему, позволившую ему и Фельдману поставлять Гиттингеру всех «хукеров». Уайт рассчитывался с женщинами определенным числом «расписок». За каждую расписку Уайт должен был расплачиваться услугой. По словам одного из ветеранов MKULTRA, «если полицейский задерживал девушку с клиентом, она давала полицейскому телефон Уайта, которого все знали, с которым сотрудничали, не задавая лишних вопросов. Они отпускали ее, если тот просил об этом. Уайт вел точный учет расписок и знал, какое количество их было у девушки и сколько уже использовано. Деньги не фигурировали, но пять расписок стоили от 500 до 1000 долларов». Не только проститутки пользовались «великодушием» Уайта. Сходную систему он разработал для мелких распространителей наркотиков, которым прощались небольшие нарушения закона в тех случаях, когда сотрудники MKULTRA хотели поговорить «о правилах игры».

Сотрудники TSS хотели узнать все о способах использования секса в шпионаже. Проект, связанный с использованием проституток, превратился в программу для обучения и тренировки при подготовке операций ЦРУ. По утверждению одного из сотрудников TSS, «мы изучали проституток и их поведение... Вначале никто не знал, как их использовать. Как их готовить? Как с ними работать? Как заставить женщину, которая согласна использовать свое тело, чтобы получать от парня деньги, получать от него нечто значительно более важное, например государственные секреты? Ее красота не играет роли: обучение проститутки — не простая задача».

Сотрудники TSS непрерывно пытались совершенствовать свои знания. Они увидели, что часто проститутки выманивали у клиента деньги, предлагая дополнительные услуги при приближении его оргазма. Они предположили, что этот момент может быть одновременно благоприятным для получения секретной информации. Однако тот же источник утверждает, что «в это время парень озабочен исключительно своими гормональными потребностями. Он не думает ни о своей карьере, ни о чем-либо другом». Эксперты TSS обнаружили, что последующий период значительно более пригоден для решения поставленных задач. Другой источник пишет:

Большинство мужчин, посещающих проституток, готовы к тому, что [после акта] она начинает собираться, хочет уйти, снова оказаться на улице, снова начать зарабатывать... Встретить проститутку, желающую подольше остаться, — это настоящий шок для человека, знакомого с их привычками. Большим потрясением для парня, стимулирующим его это, является ее предложение остаться с ним еще несколько часов... В большинстве случаев это делает его уязвимым. О чем же ему говорить? Не о сексе же, поэтому он начинает говорить о бизнесе. Именно в это время она может нежно «повести» его. Но проститутку необходимо этому обучать. Их естественные склонности требуют прямо противоположного.

Люди из MKULTRA много узнали о различных сексуальных предпочтениях. Один из них рассказывает: «В то время мы ничего не знали о сексуальном садизме и подобных вещах. Мы многое узнали о человеческой природе в спальне, стали понимать, что, когда люди жаждали секса, это не всегда означало то, что мы под этим понимали (например, известную «позицию миссионера»)... Мы начали по крохам собирать сведения, которые могли бы пригодиться при проведении операций, однако многому так и не могли найти применения. Но мы учились. Все эти идеи пришли не сразу. Однако на протяжении трех или четырех лет, пока проводилось изучение, некоторые вещи были проверены. Мы отлично ознакомились с поведением проституток... Теперь иногда кажется, что тогда

тратились деньги налогоплательщиков на удовлетворение наших тайных потребностей. Я не утверждаю, что, наблюдая за проститутками, мы оставались совершенно равнодушными. Но я говорю, что во всем была цель»[5].

В лучших традициях Маты Хари ЦРУ использовало секретное оружие, хотя, по-видимому, не так часто, как русские. В то время как многие в ЦРУ полагали, что новый метод просто не очень хорошо срабатывал, другие, подобно оперативникам в Берлине в середине 1960-х гг., считали, что проститутки могут быть важнейшим источником информации. Сотрудники ЦРУ в этом городе использовали с большой пользой сеть «хукеров» — во всяком случае, так они уверяли посетителей из центра. Однако при большом проценте католиков и мормонов, не говоря уже о протестантской этике многих высокопоставленных руководителей, для ЦРУ явно существовала черта, за пределами которой побеждала напускная скромность. Например, один из ветеранов TSS говорит, что многие сотрудники отказывались проводить операции с участием гомосексуалистов. Далее он вспоминает случай с офицером КГБ, который часто рассказывал анекдоты, связанные с мальчиками. Источник вскоре понял, что офицер был увлечен мальчиками. Он был слишком хорошо подготовлен, чтобы попасть в ловушку или выдать секреты, но его мог бы вовлечь в компрометирующую ситуацию подросток. «Когда я об этом сказал, мне возразили, что хотя я, быть может, и прав с психологической точки зрения, но данная информация бесполезна, поскольку негде взять 12-летнего мальчика». Этот источник полагает, что если бы русскому нравились мужчины постарше, то американская разведка могла бы провести операцию. «Но идею с участием 12-летнего мальчика они не могли позволить».

После того как сотрудники TSS больше узнали о жизни низших слоев Сан-Франциско, они вышли за пределы явочной квартиры, чтобы испытать различные новинки в общественных местах: в ресторанах, барах, на пляжах. Они пытались давать ЛСД людям из полукриминальных структур, угощая их выпивкой или сигаретами, а затем наблюдали за ними после того, как начинал действовать наркотик. Поскольку ученые из MKULTRA не умели незаметно перемещаться среди своих испытуемых, они порой теряли жертву в толпе, тем самым оставляя в одиночестве человека, находящегося под воздействием наркотика.

В широком смысле терялись все жертвы испытаний. Из политических соображений по приказанию Сиды Готлиба записи испытаний не проводились. В 1973 г., когда Готлиб ушел из ЦРУ, он договорился с Ричардом Хелмсом уничтожить те документы, которые они считали единственно уцелевшими. Ни Готлиб, ни кто-либо из участников программы MKULTRA не признались в том, что давали ЛСД испытуемым без их ведома, даже в том, что наблюдали за такими экспериментами. Исключением был, конечно, случай с Фрэнком Олсоном. Смерть Олсона оставила документальный след, находившийся вне контроля Готлиба, поэтому эти документы невозможно было опровергнуть. В остальном Готлиб и его коллеги возложили всю ответственность за проведенные испытания на Джорджа Уайта, которого уже нет в живых и поэтому он не может защитить себя. Одной из причин такого упорного отрицания своей роли со стороны ветеранов MKULTRA являются опасения, что потерпевшие предъявят иски о компенсации вреда, нанесенного их здоровью.

Во время экспериментов никого не беспокоило состояние здоровья испытуемых. На явочной квартире, где в основном проводились эксперименты, врачи присутствовали редко. Время от времени туда приходил д-р Джеймс Хэмилтон,

психиатр Стэнфордской медицинской школы, коллега Уайта по ОСС. Целью посещений было изучение обстоятельств и последствий экспериментов с приемом наркотиков без ведома испытуемых, а также изучение нетрадиционного секса. Однако ни Хэмилтон, ни другие врачи не обеспечивали надлежащее медицинское наблюдение. Со своего «наместа» в туалете Уайт мог осуществлять только поверхностное наблюдение за своими одурманенными наркотиками жертвами. Даже опытному врачу было бы трудно справиться с такой ролью. Помимо ЛСД, который, как им было известно, мог вызывать серьезные, если и не всегда роковые, последствия, руководители TSS предоставляли в распоряжение Уайта для экспериментов и более экзотические наркотики, возможно, такие, которые были уже проверены на людях другими исследователями, работавшими на ЦРУ по контракту, а иногда и непроверенные препараты. Один из источников TSS вспоминает: «Если мы опасались испытывать наркотик на себе, то отправляли его в Сан-Франциско». Как говорится в докладе Генерального инспектора ЦРУ от 1963 г., «в ряде случаев испытуемые заболевали на часы или дни; по меньшей мере в одном случае имела место госпитализация. Уайт мог следить за возвращением испытуемых к нормальной жизни, только проводя осторожные опросы. Испытания наркотиков сопровождаются последующими недомоганиями и экономическими потерями».

Генеральный инспектор заметил, что вся программа могла быть скомпрометирована, если бы посторонний врач «поставил правильный диагноз». Таким образом, деятельность команды MKULTRA приводила не только к заболеванию людей. Команда была заинтересована в том, чтобы врачи не могли выяснить истинные обстоятельства событий. Если это и беспокоило Генерального инспектора, он никому не сообщал об угрызениях совести; в то же время он утверждал, что опасается причинить «серьезный вред управлению» в случае публичного разоблачения. Генерального инспектора немного успокаивало только то обстоятельство, что Уайт «поддерживал близкие рабочие отношения с руководством местной полиции, которые можно было использовать в критических ситуациях».

Если бы руководители TSS удовлетворились первоначальными планами использовать в качестве испытуемых людей, относящихся к маргинальным группам, им нечего было бы опасаться полиции. В конце концов Уайт сам принадлежал к полиции. Но, по словам Генерального инспектора, они стали со временем использовать явку для испытания наркотиков «на людях, принадлежавших ко всем слоям общества, высшим и низшим, американцам и иностранцам». Они хотели в конечном итоге получить полную отдачу от проводимых испытаний, а, как им было известно, люди реагировали на ЛСД по-разному, в зависимости от здоровья, настроения и структуры личности. Если руководство TSS планировало заставить принять ЛСД руководителей иностранных государств (например, они планировали применить его на Фиделе Кастро), то они попытались бы дать наркотик человеку, не подозревавшему об этом, но максимально похожему на предполагаемый объект. Они использовали явку для «тренировочных прогонов» в промежутках между лабораторными и реальными операциями.

Для «генеральных репетиций» Уайт и поставщик испытуемых Айк Фельдман заманивали людей в квартиру с проститутками. Ничего не подозревающий клиент мог подумать, что приобрел ночь удовольствий, и отправиться в «странную»

квартиру. Этот процесс записан в одном из избежавших уничтожения документов ЦРУ. Его автор, сам Готлиб, не смог отказаться от привычки использовать необычную описательную лексику. Для шефа проекта MKULTRA проститутки были «некоторыми личностями, которые тайно передавали этот материал другим людям согласно инструкциям [Уайта]». Уайт обычно платил женщинам 100 долл. из фондов ЦРУ за одну рабочую ночь, и проза Готлиба достигла новых бюрократических высот, когда он объяснял, по какой причине проститутки не расписывались в получении денег: «Вследствие крайне неортодоксальной природы их действий и значительного риска, сопряженного с этими личностями, невозможно требовать, чтобы они давали расписку в получении этих выплат или давали точные сведения о том, каким образом расходовались фонды». Аудиторы ЦРУ должны были улаживать вопросы с погашенными чеками, когда Уайт сам обналачивал их, записывая эти операции под условными обозначениями «Сильный ветер» или, что столь же уместно, «Тайный агент». Программу называли также «Операция “Ночная кульминация”».

Руководители TSS сочли работу конспиративной квартиры в Сан-Франциско настолько успешной, что открыли филиал (тоже под руководством Уайта) на другом берегу залива, на побережье графства Марин[6]. В отличие от квартиры в центре, о которой один из сотрудников MKULTRA говорил, что «в нее можно привести людей на короткий перекур после завтрака», филиал в пригородном графстве Мартин был более приспособлен для экспериментов, требующих относительной изоляции. Там ученые TSS испытывали такие новинки MKULTRA, как зловонные бомбы, порошки, вызывающие зуд, чиханье, средства, вызывающие диарею. Стэнфордский химик Рей Трейхлер из TSS посылал эти раздражающие вещества в Калифорнию, чтобы их испытывал Уайт. Одновременно он посылал такие средства доставки, как механическое метательное устройство, которое могло бросать зловонные предметы на расстояние 100 ярдов, стеклянные ампулы, которые могли быть раздавлены людьми в толпе, тонкую иглу, предназначенную для введения наркотиков в винную бутылку, и покрытые слоем наркотика палочки для помешивания вина.

Сотрудники TSS планировали также использовать явку в графстве Марин для неудавшегося эксперимента, который начался, когда штатный психолог Дэвид Родес и Уолтер Пастернак пригласили туда на вечеринку незнакомых людей из баров. Они собирались распылить ЛСД из аэрозольной упаковки, но погода подвела их. Из-за жары им не удалось надолго закрыть двери и окна, чтобы сохранить в помещении достаточную концентрацию ЛСД. Предвидя неудачное проведение операции, Джон Гиттингер, их коллега по программе MKULTRA (который и привез наркотик из Вашингтона), заперся в ванной комнате и распылил там аэрозоль. Но, как сообщил Родес, наркотик не подействовал на Гиттингера, и вечеринку прервали[7].

Испытания на ничего не подозревающих людях продолжались до лета 1963 г., когда в процессе проверки деятельности TSS Генеральный инспектор натолкнулся на явочные квартиры. Это произошло вскоре после того, как директор Джон Маккоун назначил на должность Генерального инспектора Джона Эрмана[8]. К большому неудовольствию Готлиба и Хелмса, Эрман поставил под сомнение деятельность конспиративных квартир; он настаивал на том, чтобы директор Маккоун получил исчерпывающие сведения об этой деятельности. Хотя президент Кеннеди назначил Маккоуна на должность директора ЦРУ годом

раньше, Хелмс, профессионал из профессионалов, и не подумал сообщить своему новому шефу о самых секретных операциях, включая операции на явочных квартирах и планы политических убийств, которые составлялись на базе совместной деятельности ЦРУ и мафии[9]. Получив распоряжение Эрмана, Хелмс — один из самых сообразительных бюрократов в истории чиновничества — решил сам рассказать Маккоуну об операциях на явочных квартирах (вместо того, чтобы дожидаться отрицательного отзыва о них со стороны Эрмана). Затем Хелмс сообщил Эрману, что Маккоун не возражает против экспериментов с наркотиками над ничего не подозревающими жертвами. Будучи смелым и решительным человеком, Эрман подал Маккоуну доклад в письменной форме с рекомендацией закрыть явки. Генеральный инспектор указывал на опасность разоблачения и отмечал, что многие как в ЦРУ, так и вне его считают «манипулирование поведением людей... неэтичным и вызывающим отвращение». В ответ Маккоун отложил принятие окончательного решения и временно приостановил эксперименты на людях без их ведома. В течение следующего года Хелмс, возглавлявший тогда секретные службы, продолжал настаивать на проведении таких экспериментов, подав по меньшей мере три меморандума. Он мотивировал это «сведениями... о советской агрессивности в области секретного применения химических препаратов, что вызывает сильную озабоченность» и заявлял, что «возможности ЦРУ использовать наркотики уменьшаются в связи с прекращением реалистических испытаний»[10]. Для Хелмса программа была важнее риска и этических соображений, хотя он и признавал: «У нас нет ответа на моральный аспект проблемы». Маккоун ничего не предпринимал в течение двух лет. И сама нерешительность директора привела к тому, что программа прекратила свое существование. В 1965 г. руководство TSS закрыло явку в Сан-Франциско, а в 1966 г. — в Нью-Йорке.

Многие годы спустя в личном письме к Готлибу Уайт написал о своей работе в ЦРУ: «Я был незначительным миссионером, даже еретиком, но я работал с увлечением, отдавал работе всю душу. Это было увлекательно! Где еще мог бы американский парень лгать, убивать, обманывать, насиловать и грабить с разрешения и благословения высшего руководства?». Десять лет испытаний с ничего не подозревающими людьми не привели сотрудников из программы MKULTRA к сколько-нибудь значительным прорывам при использовании ЛСД или иных наркотиков. Не были найдены ни «наркотик правды», ни таблетки, усиливающие боевой дух или половое чувство. ЛСД не поставил разум под контроль ЦРУ. Как говорит один из ветеранов TSS, «вначале мы думали, что нашли секретное средство, которое откроет вселенную. Мы узнали, что ресурсы человека значительно превышают предполагаемые».

Однако, несмотря на отсутствие точности и неопределенность, ЦРУ продолжало проводить полевые испытания ЛСД и других наркотиков в рамках программы MKULTRA. В отчете за 1957 г. говорится, что TSS перевела шесть наркотических препаратов из экспериментальной стадии в стадию активного использования. До этого времени оперативники ЦРУ использовали ЛСД и другие психохимические препараты против 33 человек в 6 различных операциях. Руководители управления надеялись при этом дискредитировать подозреваемых, представив их потерявшими разум, или создать у них такое ментальное или эмоциональное состояние, которое освободило бы их от ограничений и самоконтроля и побудило к добровольному сообщению желаемой информации. ЦРУ постоянно отказывалось сообщать детали этих операций, а источники из TSS, которые довольно свободно говорят о других операциях, заболевают амнезией, когда речь заходит о полевых испытаниях наркотиков. Тем не менее можно утверждать, что ЦРУ установило

тесные связи с неназванной иностранной секретной службой при проведении допросов пленных с применением наркотиков, близких к ЛСД. Оперативники ЦРУ принимали участие в этих допросах вплоть до 1966 г. Часто управление проявляло более значительную заботу об испытуемых за рубежом, чем о ничего не подозревающих жертвах в Сан-Франциско, поскольку перед приемом наркотика зарубежные испытуемые проходили медицинское обследование[11].

В процессе указанных операций сотрудники ЦРУ иногда приводили местных врачей, но это вызывалось не заботой о здоровье пациентов. Напротив, роль врача состояла в подтверждении безумия жертвы, которой без ее ведома была введена доза ЛСД или иного наркотика более длительного действия (например, **BZ**, действие которого продолжается порой более недели и сопровождается буйным поведением). Если врач предписывал госпитализацию или иное лечение, то последствия для пациента могли быть губительными. Жертва испытаний могла пострадать не только от самого переживания, включая госпитализацию в психиатрическую больницу, но и от полученного социального клейма. В большинстве стран даже предположение о наличии психиатрических проблем весьма отрицательно сказывается на профессиональной и личной репутации человека (как отмечает Томас Иглтон, применительно к которому была применена шоковая терапия). Один из ветеранов MKULTRA говорит: «Это старая методика. Вред наносится посредством внесения сомнений относительно деловых и личностных качеств жертвы». Комитет Черча подтверждает, что ЦРУ использовало этот метод по меньшей мере несколько раз с целью уничтожения репутации человека»[12]. Однако секретные службы не часто призывали TSS испытывать ЛСД или другие наркотики. У многих оперативников были практические и этические возражения. Частично с целью преодолеть такие возражения и найти более оптимальные способы использования химических и биологических веществ в процессе тайных операций Готлиб стал в 1959 г. заместителем шефа секретных служб по научным вопросам. Готлиб узнал, что TSS хранила деятельность MKULTRA в таком секрете, что многие практики не имели даже представления о существующих средствах. Он писал, что жесткий контроль за полевыми испытаниями в рамках программы MKDELTA вызвал, возможно, пораженческие настроения среди оперативников, которые опасались, что не получают разрешения или что предлагаемые методы не стоят затраченных на них усилий. Готлиб пытался устранить указанные недостатки, предоставляя оперативникам более полную информацию об арсенале наркотиков и ускоряя процесс согласования. Ему не удалось преодолеть суждение, согласно которому наркотики не срабатывают, ненадежны, а их использование сопряжено с развитием лени и понижением работоспособности. Если бы в рамках программы MKULTRA удалось когда-либо обнаружить, что ЛСД или иной наркотик действительно превращает человека в марионетку, то Готлибу с легкостью удалось бы устранить все противоречия. Правда, Готлиб и его коллеги-исследователи подошли крайне близко к отысканию надежного механизма контроля, но не смогли этого сделать. Нет сомнений в том, что ЛСД проникает в глубочайшие области мозга, способен вызвать бурю чувств — от ужаса до безумия. Но в итоге человеческая психика оказалась настолько сложной, что самый искусный манипулятор, применяя ЛСД, не мог предвидеть все варианты его действия. Он мог использовать ЛСД и другие наркотики, чтобы человек добровольно утратил связь с реальным миром, насчитать несколько временных побед, изменить настроение, восприятие, порой даже верования. У манипулятора были возможности причинить вред, но он не мог одержать окончательную победу над человеческим духом.

Примечания

[1] Все оперативники и агенты ЦРУ имели клички, под которыми они должны были фигурировать даже в секретных документах. Готлиб был «Шерманом Р. Гриффордом». Уайт получил псевдоним «Морган Холл».

[2] Уайт попал на страницы всех американских газет благодаря случаю, в результате которого им был произведен арест певицы Билли Холлидей с предъявлением ей обвинения в употреблении опиума. Чтобы доказать обоснованность обвинения, доказать, что она не употребляла наркотики, певица легла на обследование в один из калифорнийских санаториев, который ей порекомендовал приятель друга, доктор Джеймс Хэмилтон. Журни оправдало ее. Вмешательство Хэмилтона удивляет, поскольку он ранее работал с Уайтом, испытывая «лекарство правды» для ОСС, и оба были хорошими друзьями. Возможно, Уайт рассматривал свою роль в свете будущего, когда в 1970 г. поведал бравшему у него интервью журналисту, что «получал удовольствие» от преследования преступников. «Для меня это было игрой. Я немного сочувствовал некоторым людям, которых я считал необходимым посадить в тюрьму, с учетом того, что могло произойти с их семьями. Я давал им шанс не попасть в тюрьму, заботиться о своих семьях, если они соглашались снабжать меня информацией, но они упорно отказывались. По их словам, они не хотели становиться предателями».

[3] Несмотря на запись в дневнике Уайта, согласно которой Лэшбрук прибыл на явочную квартиру в Нью-Йорке и столкнулся с «сюрпризом по ЛСД», а также несмотря на наличие его подписей на документах, утверждающих вспомогательный проект, Лэшбрук категорически отрицал на сенатских слушаниях 1977 г., что знал что-либо об испытаниях Уайта. Председатель подкомитета не оказывал на Лэшбрука давления; он также не обращался в Министерство юстиции с требованием возбудить дело о лжесвидетельстве.

[4] Это была одна из многих затрат, которые приводили в ярость аудиторов из ЦРУ, когда они просматривали отчеты Дж. Уайта. Среди прочего были такие счета, как 44,04 долл. за телескоп, счета более чем на 1000 долл. за спиртное, «без указания на необходимость их употребления», а также 31,75 долл. за срочный ремонт машины соседки, которой он нанес повреждение. Последний расход объясняется следующим образом: «Ради обеспечения секретности необходимо было предотвратить расследование со стороны страховой компании».

[5] В 1984 г. Джордж Оруэлл писал о поощряемой правительством проституции: «Простое распутство не играло важной роли до тех пор, пока оно оставалось тайным и безрадостным и касалось женщин низкого социального положения».

[6] В 1961 г. в рамках программы MKULTRA была организована третья явочная квартира в Нью-Йорке, также под эгидой Бюро по наркотикам. В ней распоряжался Чарльз Сирагуза, который, подобно Уайту, был старшим агентом и ветераном ОСС.

[7] Свидетельство Родеса об этом инциденте, договоренность о котором была заранее достигнута со штабом сенатора Эдварда Кеннеди, повлекло за собой появление в вашингтонской газете «Пост» статьи под заголовком «Команда, которая не сумела распылить (наркотик) правильно». Такой подход привел к тому, что общественность восприняла смертельно серьезную программу как шутку, плохо сыгранную компанией бездельников.

[8] Лайман Киркпатрик, долгое время работавший на должности Генерального инспектора, который недавно оставил эту должность, чтобы занять более высокий пост в Разведывательном управлении, узнал об операциях на явочных квартирах непосредственно после смерти Олсона и никогда не возражал против них. В настоящее время его приводят в ужас эксперименты, проводившиеся без ведома испытуемых, но он «не обладал полномочиями, которые позволили бы провести расследование... Я пытался установить допустимые пределы моей деятельности, при которых я мог оставаться на своей должности».

[9] Пытаясь объяснить причины, по которым он решил не информировать директора ЦРУ о связях Разведывательного управления с мелкими преступниками, Хелмс заявил комитету Черча: «М-р Маккоун недавно стал работать в этой системе, и я подумал, что это может ему показаться странным... Это была не слишком благообразная операция». Вероятно, по тем же причинам Хелмс не докладывал Маккоуну о применении на явочных квартирах наркотиков без ведома лиц, на которых они испытывались.

[10] Преследуя свои личные цели, Хелмс умел по-разному рассказывать различным людям об одних и тех же событиях. Мотивируя свои предложения советской угрозой, он побуждал Маккоуна дать разрешение на продолжение испытаний наркотиков без ведома испытуемых. В это же время он писал в комиссию Уоррена, что советские исследования поведения человека не только на пять лет отстают от западного уровня, но и «отсутствуют данные, которые свидетельствовали бы о том, что у советской стороны имеются новые перспективные препараты... которые могли бы оказывать влияние на поведение человека».

[11] Руководство TSS во главе с Сидом Готлибом, отвечавшее за оперативное использование ЛСД за границей, заняло позицию, согласно которой испытание наркотиков без ведома испытуемых не сопряжено с «угрозой здоровью». В 1957 г. Генеральный инспектор Л. Киркпатрик заметил, что «нереалистично» предоставлять Медицинскому управлению право вето на проведение тайных операций, разрешать врачам Разведывательного управления определять угрозу для состояния здоровья испытуемых.

[12] Во время проводившихся мной исследований при написании этой книги многие люди сообщали мне, что были жертвами проводившихся ЦРУ испытаний наркотиков. Я их выслушивал и пришел к выводу, что некоторые из них действительно могли быть жертвами. Трудность принятия правильного решения состоит в том, что любому человеку, объясняющему странности своего поведения воздействием наркотиков или происками ЦРУ, приклеивают ярлык параноика и его история болезни сдается в архив. Нет лучшего прикрытия, чем действия против человека, находящегося на грани безумия. Некий профессор одного из латиноамериканских университетов, придерживавшийся левых взглядов и разоблачавший действия ЦРУ, рассказал, как однажды днем (это было в 1974 г.), когда он один работал в своем кабинете, к нему вошла странного вида женщина и нанесла ему в запястье укол булавкой с маленькой круглой головкой. Почти немедленно он утратил контроль над своим поведением, начал бить стаканы и выплескивать из них воду в лица своих коллег. Далее он сообщает, что его студенты обнаружили ожидавшую у входа в здание машину «скорой помощи». Тогда они тайком вывели профессора через другой ход, отвезли домой, и там он пролежал более недели, переживая эпизоды наркотического «странствия». Он называет это переживание смесью «рая и ада» и содрогается при мысли, что мог бы провести это время в больнице «с санитарями и в смиренной рубашке». Хотя он в конечном итоге вернулся к работе в университете, ему потребовалось несколько лет, чтобы вернуть к себе доверие, утраченное им в тот день, когда он «сошел с ума в своем кабинете». Если в этом принимало участие ЦРУ, то ему удалось нейтрализовать противника.

Глава 7

Грибы для контркультуры

Ученым, работавшим в рамках программы MKULTRA, их усилия по использованию ЛСД в качестве чудодейственного инструмента в борьбе против разума противника принесли в основном сплошные неудачи и разочарования. Однако неумное стремление использовать все возможности заставило их исследовать сотни других соединений, включая вещества, получившие в дальнейшем наименование психоделиков. Как известно, такие соединения оказывали мощное воздействие на организм человека. Они изготавливались из натуральных продуктов растительного происхождения, и сотрудники MKULTRA изначально полагали, что редкие органические вещества могут каким-то образом воздействовать на человеческий разум. Самые удивительные психоделики были обнаружены в разных уголках земли. Альберт Гофманн создал ЛСД из спорыньи — гриба, произрастающего на ржи; мескалин есть не что иное, как вещество,

извлеченное из кактуса пейоти. Псилобицин, вещество, которому Тимоти Лири отдавал предпочтение перед ЛСД в своих гарвардских экспериментах, было синтезировано из экзотических мексиканских грибов, занимающих особое место в истории ЦРУ.

Когда группа MKULTRA только приступала к реализации программы контроля над разумом, в истории западного мира о «волшебных» грибах ходили всего лишь слухи и легенды. Учитывая возможность того, что в основе легенды лежат реальные факты, ученые ЦРУ обследовали в поисках чудодейственных грибов самые отдаленные районы Мексики, а затем приступили к испытанию и разработке их свойств, воздействующих на разум. Как и в случае с ЛСД, были получены совершенно неожиданные результаты. Среди растений, к которым человечество всегда обращалось в поисках возбуждающих веществ, первое место занимают грибы. Существует нечто завораживающее и странное в этих влажных пуговичках, которые могут очаровать гурмана и убить человека — и все зависит от почти незаметных различий в их бесчисленных разновидностях. Издавна грибы использовались при нетрадиционных методах ведения боевых действий. За 2000 лет до того, как ЦРУ задумало использовать грибы в тайных операциях, римская императрица Агриппина отравила своего супруга Клавдия блюдом, приготовленным из ядовитых грибов. Как гласит история, Агриппина желала умертвить мужа, чтобы на престол мог взойти ее сын Нерон. Она решила воспользоваться пристрастием Клавдия к деликатесным грибам *Amanita caesarea*, имевшим крайне ядовитые подобию. Как писали Гордон и Валентина Уэссон в своем монументальном труде «Грибы, Россия и история»*, яд не должен был действовать «мгновенно и немедленно, чтобы не был установлен источник отравления». Императрица остановилась на летальной разновидности грибов *Amanita phalloides*, которую Уэссоны считали пригодной для совершения задуманного преступления. «У жертвы не появятся симптомы отравления во время еды, но первые же симптомы будут столь сильными, что человек не сможет ничего предпринять». Агриппина знала толк в грибах, и Нерон стал императором.

* **Gordon & Valentina Wason. Mushrooms, Russia and History. NY: Panteon Books, 1957.** В этой книге, в частности, высказывается гипотеза об обусловленности своеобразия русского менталитета неизвестной Западу культурой массового потребления грибов, что удивительным образом совпадает с озарением Сергея Курёхина. — Науч. ред.

Специалисты ЦРУ, стремившиеся к установлению контроля над разумом, хотели создать средство, которое обладало бы непревзойденными свойствами. Их внимание случайно привлекли «волшебные» грибы. Это произошло после встречи между Морзе Алленом, возглавлявшим программу ЦРУ ARTICHOKE, и специалистами по наркотикам, состоявшейся в октябре 1952 г. Один из участников встречи рассказал Аллену о кустарнике пиули, семена которого издавна использовались мексиканскими индейцами в качестве опьяняющего средства во время религиозных церемоний. Аллен, желавший получить сведения о всех средствах, влияющих на человека с целью исказить его представление о реальности, незамедлительно организовал поездку молодого ученого, работавшего на ЦРУ, в Мексику с целью сбора семян пиули, а также других растений, обладающих «наркотическими и опьяняющими свойствами, представляющими интерес для программы ARTICHOKE».

Ученый прибыл в Мехико в начале 1953 г. Он не мог разглашать истинную цель поездки в связи с высокой степенью секретности программы, поэтому выступал как исследователь, заинтересованный в обнаружении растений, обладающих болеутоляющими свойствами. Знающий испанский язык и знакомый с Мексикой, Аллен свободно ездил по стране, встречаясь с ведущими специалистами-ботаниками. Затем он отправился со своим экспериментальным оборудованием в

горы к югу от столицы, где собирал образцы и на месте подвергал их первичной проверке. К февралю Аллен собрал целые мешки образцов, в том числе 10 ф. пиули. До своего отъезда из Мексики в другие страны Карибского бассейна молодой ученый услышал удивительные рассказы об особых грибах, растущих только в жаркие дождливые месяцы. Такие рассказы европейцы слышали в Мексике с момента завоевания страны Кортесом в XIV в. По сообщениям испанских монахов, ацтеки использовали в своих религиозных церемониях странные грибы. Монахи называли такие церемонии «священными демоническими сборищами». Ацтекские жрецы называли эти грибы «теонанактль» — «плоть божества». Однако впоследствии грабители Кортеса потеряли след этого ритуала. Следовавшим за ними торговцам и антропологам тоже не удалось напасть на его следы. Осталась только легенда.

В Вашингтоне образцы, собранные ученым, незамедлительно отправили в лаборатории, а исторические хроники были тщательно изучены сотрудниками ЦРУ на предмет обнаружения сведений о странных грибах. Сам Аллен, который отвечал в программе ARTICHOKE за все, начиная от детектора лжи до гипноза, лично проанализировал сказания индейцев: «Ранние описания религиозных церемоний некоторых индейских племен свидетельствуют о том, что грибы используются с целью вызывать галлюцинации и опьянение во время религиозных празднеств. Помимо того, в литературе сообщается, что знахари или «прорицатели» пользовались некоторыми видами грибов, чтобы добиваться признаний, обнаруживать украденные предметы или для предсказаний». Возможно это и был искомый «наркотик правды», предположил Морзе Аллен. Он заявил, что, «поскольку было решено не оставить без внимания ни одну область, связанную с проблемами, рассматриваемыми в программе ARTICHOKE, руководство сочло необходимым исследовать особенности легендарных грибов». И в заключение добавил: «Необходимо послать сотрудника ЦРУ в Мексику в летнее время». ЦРУ начало охоту за «плотью божества».

Характерно, что Аллен, планируя на перспективу, решил, что если в результате поиска будут выявлены грибы, обладающие желательными свойствами, то надо будет достать их в большом количестве. Ему было известно, что поставки из тропиков зависят от времени года, к тому же нецелесообразно снаряжать экспедицию в Мексику каждый раз, когда возникнет оперативная надобность в продукте. Поэтому Аллен решил проверить возможность выращивать грибы в своей стране — в грунте или в теплицах. 24 июня 1953 г. он отправился вместе с одним сотрудником из Вашингтона в Тугкенамон, штат Пенсильвания, в сердце «самого крупного в мире центра по выращиванию грибов». Во время трехчасового совещания с руководителями грибной отрасли промышленности Аллен сообщил им о заинтересованности правительства в выращивании ядовитых и наркотических грибов. Он сказал, что целью встречи была попытка «договориться о том, что в случае необходимости профессионалы возьмутся за выращивание требуемых грибов». Руководители грибной промышленности выразили нежелание выращивать ядовитую продукцию, объясняя свою позицию тем, что разглашение такого факта вызовет неудовольствие потребителей. Однако в итоге победил патриотизм и было получено согласие на выращивание любых грибов, которые потребуются правительству. По мнению Аллена, поездка увенчалась полным успехом.

Какими бы полезными ни были договоренности, все же элемент случайности сохранялся до тех пор, пока ЦРУ должно было полагаться на природные процессы. Вот если бы управление смогло найти синтетические эквиваленты

активных составляющих, оно могло бы не выращивать, а изготавливать потребное количество необходимого материала. Стремясь к достижению этой цели, Морзе Аллен вынужден был прибегнуть к помощи человека, который в будущем году отнимет у него значительную часть программы ARTICHOKE, — Сиды Готлиба. На Готлиба, доктора химических наук, работали ученые, имеющие представление о том, как надо действовать на уровне лабораторных исследований. Аллен вывел программу ARTICHOKE из подчинения Управлению безопасности, не имевшего оборудования для работы на передовых рубежах науки.

Готлиб и его коллеги быстро продвигались в сторону раскрытия тайн мексиканских галлюциногенов. Они приступили к химической структуре пиули и других растений, привезенных посланцем Аллена, но не сообщали о своих достижениях Аллену, которого обошли с помощью бюрократических уловок. Готлиб и команда MKULTRA полностью погрузились в поиск волшебных грибов. В связи с ограниченными возможностями лабораторных установок, находившихся в распоряжении TSS, команда зависела от ученых, работавших по секретным контрактам в области исследований и разработок. По договоренности с доктором химических наук Генри Бортнером Готлиб передал тропические растения группе исследователей из промышленных и академических кругов. Одному из них, доктору Джеймсу Муру, 20-летнему химику из компании «Парке, Дейвис и Ко» Детройта, было суждено стать первым сотрудником ЦРУ, попробовавшим волшебный гриб. Карьера Мура типична для специалистов, работающих по контрактам на ЦРУ. Его путь к грибу пролегал через ряд должностей и назначений, всегда финансировавшихся из фондов ЦРУ, которое направляло всю деятельность. Человек твердых научных убеждений и привычек, он был мало пригоден для роли охотника за наркотиками-психоделиками. Однако такая работа началась для него в марте 1953 г., когда он вернулся в лабораторию компании «Парке и Дейвис», после года научных исследований в Университете Базеля. Его пригласил к себе шеф и спросил, не хочет ли он сотрудничать с этой же компанией, но по контракту с ЦРУ. Вспоминая об этом через 25 лет, Мур отмечает: «Это не было временем бурного процветания, и в компании были рады, что кто-то согласен платить мне мой оклад (8 тыс. долл. в год). Если бы я знал, что принимаю участие в аванюре, проводимой бандой безумцев, я бы не согласился».

Он принял предложение.

ЦРУ заключило контракт с компанией «Парке и Дейвис», как и с многочисленными другими компаниями, университетами и правительственными структурами, на разработку препаратов, влияющих на поведение, и ядов растительного происхождения. Финансируемые ЦРУ химики получали смертоносные вещества, например яд кураре, которым смазывали стрелы; другие исследователи работали над такими средствами доставки, как «невидимый» микрошприц (или метательное устройство), изобретенный армейским химическим корпусом. Связанные с ЦРУ ботаники собирали в тропиках всевозможные растения, которые затем анализировали химики: листья, убивающие скот, несколько растений, смертельных для рыб, другой вид листьев, вызывающих выпадение волос, сок, вызывающий временную слепоту, а также ряд других природных продуктов, которые могли менять настроение, притуплять нервы или стимулировать их, а также полностью дезориентировать людей. Среди растений, которые анализировал Мур, был кизил с Ямайки: карибские туземцы использовали его для глушения рыбы, чтобы затем легко вылавливать ее и

использовать в пищу. Проведенная работа привела к выявлению нескольких новых веществ, одно из которых Мур назвал в честь своей дочери «лизетин».

Муру легко было приспособиться к требованиям секретности, предъявляемыми его спонсорами из ЦРУ, поскольку он во время учебы работал по проекту «Манхэттен». Он держал связь только со своим оперативным связником Генри Бортнером и еще двумя-тремя сотрудниками ЦРУ в TSS. После завершения работы с каким-либо веществом он передавал результаты Бортнеру и никогда ничего не узнавал о дальнейшем. Мур работал в маленьком изолированном отсеке и скоро понял, что управление предпочитает сотрудников-контрактников, не задающих вопросов о том, что происходит в соседнем боксе.

В 1955 г. Мур перешел работать из промышленности в академическую сферу и переехал из Детройта в относительно спокойный Делаварский университет в Ньюарке. В университете его приняли на работу в качестве замещающего профессора в лабораторию, расположенную в красном кирпичном здании, в котором находился химический факультет. С собой он привез семью и контракт с ЦРУ на 16 тыс. долл. в год; из этой суммы он получал 650 долл. в месяц, а остальная часть уходила на оплату ассистентов и накладные расходы. Хотя управление разрешило Муру сообщить нескольким руководителям университета о его секретных связях, он казался коллегам и студентам обычным профессором, получающим грант на медицинские исследования от фонда Гешиктера в Вашингтоне.

В мире натуральных продуктов, особенно грибов, ЦРУ вскоре сделало Мура своим представителем. При некотором содействии со стороны друзей в ЦРУ он завязывал контакты с ведущими микологами, присутствовал на профессиональных встречах и поставил дело так, что ему посылали образцы. С точки зрения ЦРУ о лучшем прикрытии нельзя было и мечтать. Как писал Сид Готлиб, «Мур поддерживает легенду, согласно которой он собирает эти образцы для себя, поскольку интересуется химией натуральных продуктов». Под таким предлогом Мур мог приобретать для ЦРУ любые химические препараты, интерес к которым управление не хотело бы разглашать. В течение долгих лет Мур предъявил ЦРУ сотни счетов, в том числе, например, 50 центов за неизвестную брошюру, 433,13 долл. за большую партию грибов, 12 тыс. долл. за четверть тонны флуотана (респираторное анестезирующее вещество). Он пересылал свои покупки по указаниям Бортнера.

Со временем Мур стал своего рода срочным поставщиком материалов, которые в документах ЦРУ называются «веществами для химического и бактериологического оружия», приобретаемыми «по низким ценам и весьма быстро». При возникновении оперативной надобности Бортнеру требовалось только подать заявку, и Мур немедленно поставлял партию «депиляторов» или галлюциногенов, подобных DMT или невероятно эффективному VZ. В одном случае в 1963 г. Мур приготовил небольшую дозу смертельного карбамата — того же яда, которым за два десятилетия до того ОСС пытался убить Гитлера. За эту услугу Мур выставил управлению обычный счет в 100 долл.

«Думал ли я над тем, что случилось бы, если бы эти препараты дали принять ничего не подозревающим людям? — переспрашивает Мур, вспоминая дни работы в ЦРУ. — Нет, совершенно определенно нет. Если бы мне была предоставлена такая информация, я думаю, я был бы подготовлен принять ее. Если бы меня проверили на способность проводить испытания с ничего не

подозревающими людьми, то меня отвергли бы: я не отношусь к людям, способным на это. Из того, чем я занимался, ничто не давало мне возможность подозревать существование такой угрозы... Я занимался исследованиями».

Джеймс Мур был всего лишь одним из многих специалистов ЦРУ, отправленных на поиск магических грибов. В течение трех лет после возвращения из Мексики посланца Аллена, рассказавшего о чудодейственных растениях, Мур и другие сотрудники ЦРУ беседовали с путешественниками, дошедшими до столь отдаленных мексиканских деревень, что там даже не говорили по-испански. Но магические грибы не были обнаружены. Удивительно, что добиться успеха удалось не шпиону, а банкиру. Таким человеком был Р.Гордон Уэссон, вице-президент банка Дж. П. Моргана, любитель-миколог и соавтор книги «Грибы, Россия и история», написанной им совместно с женой Валентиной. Примерно за 30 лет до того Уэссон и его русская по происхождению жена заинтересовались существующими в различных обществах способами использования грибов. Супруги следовали своему увлечению, изучая грибы по всему земному шару[1]. Они установили, что целые нации, такие как русские и каталаны, были любителями грибов, а к противникам грибов относятся испанцы и англосаксы. Они узнали, что в Древней Греции и Риме существовало предание, согласно которому некоторые виды грибов зарождались от удара молнии. Более того, они узнали, что столь далеко расположенные друг от друга народы, как арабы, сибиряки, китайцы и маори из Новой Зеландии, разделяют представления о сверхъестественных связях грибов. Сначала их книга вышла малым тиражом. Новое издание в 1957 г. продавалось по 125 долл. за экземпляр. В книге содержатся факты и легенды, рассказанные с любовью, а также прекрасные фотографии почти всех известных разновидностей грибов.

Несомненно, Уэссоны слышали легенду о «плоти божества», и в 1953 г. они приступили к поискам, тратя на это все свои отпуска. Свою первую безуспешную поездку в Мексику они предприняли примерно в то же время, как Джеймс Мур стал работать на ЦРУ, а Морзе Аллен встретился с представителями грибной индустрии в Пенсильвании. Уэссонам повезло только во время третьей экспедиции, когда Г. Уэссон со своим спутником Алланом Ричардсоном нашел «священный грааль» высоко в горах над Оаксакой. 29 июня 1955 г. они вошли в дом в деревне Хуаутла де Хименес. Там они встретились с молодым индейцем лет 35, сидящим за круглым столом в комнате на втором этаже. В отличие от большинства жителей деревни, он говорил по-испански. Далее Уэссон следующим образом описывает происходившее: «Это был приветливый человек, и я воспользовался случаем. Перегнувшись через стол, я спросил его серьезно, тихим голосом, можно ли мне поговорить с ним доверительно. Он охотно согласился продолжить разговор. Тогда я спросил, не поможет ли он мне узнать тайну священных грибов. Я воспользовался их индейским названием “нтишито”, правильно произнеся это сложное слово. Оправившись от удивления, он сказал, что это легко осуществить».

Вскоре индеец отвел Уэссона и Ричардсона в глубокий овраг, где в изобилии произрастали эти грибы. Гости делали снимок за снимком, фотографируя грибы, и набрали их полную картонную коробку. Затем, в жаркое дневное время, при высокой влажности, индеец повел их в горы к женщине, исполнившей древний грибной ритуал. Имя женщины было Мария Сабина. Уэссон записал, что она была не только шаманом высочайшего ранга, но и безупречной женщиной.

Уэссон описал ее как невысокую женщину среднего возраста. «Мы показали ей и ее дочери собранные нами грибы. Они восхищенно вскрикнули при виде такого изобилия свежих грибов. Мы спросили, совершит ли она грибной ритуал. Она согласилась».

Ночью Уэссон, Ричардсон и около 20 индейцев собрались в одной из деревенских глинобитных хижин. Индейцы были одеты в праздничные одежды и приветливо обращались с белыми гостями. Хозяйка угостила всех шоколадным напитком, напомнившим Уэссону напитки, описанные первыми испанскими писателями, посетившими Мексику. Мария Сабина сидела на циновке перед простым алтарным столиком, украшенным изображениями младенца Иисуса и Крещения в Иордане. Почистив грибы, она раздала их всем присутствовавшим взрослым, оставив 26 грибов себе и дав Уэссону и Ричардсону по 12 штук каждому.

Мария Сабина погасила последнюю свечу около полуночи и стала напевать размеренные тягучие мелодии. Индейцы прочувствованно вторили ей. Как Уэссон, так и Ричардсон начали галлюцинировать, причем сильные галлюцинации продолжались до четырех часов утра. «Мы бодрствовали, и видения приходили независимо от того, были ли наши глаза открыты или закрыты», — писал Уэссон.

Они выступали из центра поля зрения, раскрываясь по мере прихода, то быстро, то медленно, по нашему выбору. Краски были живыми, гармоничными. Они начинались с мотивов, напоминающих узоры на коврах, тканях, или обоях, или чертежных досках архитекторов. Затем они превращались в дворцы с дворами, аркадами, садами — роскошные дворцы, украшенные полудрагоценными камнями... Могли ли подвижные образы, которыми я восхищался, объяснить наличие образов летающих волшебниц, игравших такую важную роль в фольклоре и сказках Северной Европы? Эти мысли приходили мне в голову, когда я наблюдал за видениями, ибо грибы вызывают раскол сознания и расщепление личности, своего рода шизофрению, когда рациональная часть сознания продолжает рассуждать и наблюдать за чувствами, испытываемыми другой стороной личности. Разум привязан упругой нитью к блуждающим ощущениям».

Такими словами Гордон Уэссон описал первое в истории грибное «странствие», совершенное людьми со стороны («аутсайдерами»). Люди из ЦРУ пропустили это событие, но они быстро узнали о нем, несмотря даже на то, что поездка Уэссона в нецивилизованную страну была частной поездкой в область. Такая скорость была обусловлена широкой сетью, раскинутой ЦРУ, которая включала в себя формальные договоренности о связях с такими организациями, как Управление сельского хозяйства, и неформальные контакты во всем мире. Один из ботаников в Мехико послал сообщение, которое дошло как до ЦРУ, так и до Джеймса Мура. В описании видений Уэссона, составленном ЦРУ в лучшей бюрократической форме, сообщается, что нью-йоркскому банкиру казалось, будто он видит «множество архитектурных форм». Как бы там ни было, «плоть божества» была обнаружена, и руководители MKULTRA получили информацию о намерении Уэссона вернуться следующим летом, чтобы привезти грибы.

В течение зимы Джеймс Мур написал Уэссону («совершенно неожиданно», как вспоминает последний) и выразил желание проанализировать химические свойства мексиканских грибов. Мур предложил сопровождать Уэссона в его поездке. Чтобы сделать это предложение более приятным, он упомянул, что знает фонд, который согласен поддержать экспедицию. И действительно, канал финансирования ЦРУ, фонд Гешиктера, предоставил в распоряжение исследователей 2 тыс. долл. Внутри программы MKULTRA поиск божественного гриба стал называться подпроектом № 58.

В поездке 1956 г. к Муру и Уэссону присоединились известный французский миколог Роже Гейм и его коллега из Сорбонны. Последний отрезок пути ученые совершали в маленьком самолете «Цессне». Пилот неожиданно совершил резкий

поворот вправо в узком каньоне и произошла непредвиденная посадка на склоне холма. После приземления к самолету подбежала молодая индианка и стала подкладывать под колеса самолета обломки скальных пород, что позволило ему не сорваться в ущелье. Чтобы уменьшить вес, пилот на время оставил Мура среди местных индейцев, которые не говорили ни по-английски, ни по-испански. Позднее самолет вернулся и забрал Мура.

Прибыв в Хуаутлу, все наслаждались примитивными условиями, спали на полу, ели местную пищу. Все, кроме Мура, который от всего этого жестоко страдал. Он вспоминает, что, кроме поноса, «страдал от сильной простуды, почти умер от голода, чесался». Помимо физических страданий, Мур испытывал и моральные страдания, чувствовал себя чужаком среди своих спутников, которые хорошо ладили друг с другом. Если верить Уэссону, Мур был «нытиком». «Он был подобен новичку, впервые попавшему на корабль. У него болел желудок, все ему не нравилось». Мур подтверждает: «За время экспедиции наши отношения ухудшились».

Уэссон вернулся к той же Марии Сабине, которая привела его в заоблачные выси годом раньше. Вновь ритуал начался после наступления темноты, и для всех, кроме Мура, это было восхитительное переживание. По словам Уэссона, у него было «потрясающее ощущение — ощущение экстаза. Вас подняли ввысь, туда, где вы никогда еще не были». По описанию Мура «все пели на своем наречии. Затем стали по кругу передавать грибы, и мы их сжевали. Я ощутил эффект галлюцинации, хотя мое ощущение было ближе к “дезориентации”».

Вскоре Мур вернулся к себе в университет с мешком, наполненным грибами. Он успел отвезти свою беременную жену в больницу и передать ее в руки акушерки; и сразу обратился к врачу с жалобой на желудочное недомогание. Будучи и без того худощавым человеком, Мур потерял еще 15 *ф.* веса. В течение последующей недели он постепенно пришел в себя. Он сообщил о своем прибытии Бортнеру и приступил к предварительной работе в лаборатории по выделению активных ингредиентов грибов. Бортнер поторапливал его; сотрудников MKULTRA волновала перспектива возможности создания «совершенно нового химического агента». Они хотели получить в свое распоряжение запас «плоти божества». Сид Готлиб писал, что если Мур добьется успеха, то «вполне возможно, что новые наркотики смогут остаться тайной ЦРУ».

Мечта Готлиба о монополии ЦРУ на божественные грибы быстро испарилась под воздействием нежелательной конкуренции. Действительно, вскоре перед ЦРУ во весь рост встала проблема контроля над распространением нового наркотика. Пока Мур трудился в своей лаборатории, Роже Гейм в Париже неожиданно совершил примечательное открытие — обнаружил возможность выращивать грибы в искусственной культуре из отпечатков спор, которые он сделал в Мексике. После этого Гейм послал образцы Альберту Гофманну, открывателю ЛСД, который быстро извлек и химически воспроизвел активный химический ингредиент. Он назвал его псилоцибином.

Почтенный швейцарский химик опередил ЦРУ[2], и люди из MKULTRA оказались сами перед необходимостью получать формулы и запасы из-за океана. Вместо того чтобы скрыть мировой запас наркотика в каком-либо сейфе, они были вынуждены платить компании «Сандоз», как и во времена проведения

исследований, связанных с ЛСД. Победенный старым мастером, Мур отложил свою работу и послал заказ в компанию «Сандоз» за запасом псилоцибина.

Неудача с установлением контроля не уничтожила надежды руководителей ЦРУ на то, что грибы могут оказаться мощным оружием в тайных операциях. Ученые ввели исследования в стадию эксперимента. По прошествии трех летних сезонов после первой экспедиции Джеймса Мура, слабого здоровьем американского профессора, работавшего на ЦРУ, гриб проделал путь по лабораториям двух континентов, а его химический эквивалент вернулся по каналам ЦРУ к работающему по контракту специалисту для проверки. В штате Кентукки доктор Хэррис Исбелл распорядился ввести псилоцибин девяти темнокожим обитателям тюрьмы для наркоманов. Его сотрудники уложили подопытных на кровати и, по мере того как наркотик начал действовать, они каждый час измеряли физические параметры: кровяное давление, коленные рефлексы, температуру, точный диаметр зрачка и т.д. Помимо того, они описали различные субъективные ощущения подопытных.

Через 30 минут совершенно явно стало проявляться беспокойство. Это было сложное ощущение, состоявшее из страха и ощущения надвигающегося зла, ужаса перед безумием или перед смертью... Временами пациентам казалось, что они могут видеть кровь и кости своего собственного тела или тел других людей. Они сообщали о фантазиях или подобных сну состояниях, когда им казалось, что они находятся в иных местах. Сообщалось о фантастических переживаниях, таких как путешествия на Луну, проживание в роскошных дворцах... Двум из девяти пациентов казалось, что их переживания вызваны экспериментаторами, контролирующими их разум.

Экспериментальные данные накапливались; за ними должны были следовать оперативные испытания.

Однако магические грибы не стали хорошим шпионским оружием. Они заставляли людей вести себя странно, но никто не мог предсказать, куда приведет «странствие». Руководителям ЦРУ требовалась уверенность.

В то же время Гордон Уэссон обрел откровение. Проведя всю жизнь в поисках обожаемых грибов, он нашел величайшее чудо в удаленной индейской деревушке. Пережитое вдохновило его на написание отчета о путешествии для серии «Великие приключения» в журнале «Лайф». Рассказ, занявший 17 страниц текста и цветных фотографий, назывался «В поисках “волшебных” грибов. Нью-Йоркский банкир едет в мексиканские горы, чтобы принять участие в древнем ритуале индейцев, жующих странные растения, вызывающие видения». В 1957 г., перед тем как русский спутник потряс Америку, журнал «Лайф» познакомил миллионы своих читателей с чудесами галлюциногенов, описав их красочно, но в то же время уважительно. Уэссон прочувствованно рассказал о долгих поисках вслед за легендами и сказаниями, связанными с грибами, но особенно патетический характер носил рассказ о мексиканском «странствии»:

В прошлом человечества, когда оно ощупью двигалось во тьме веков, должен был наступить такой момент, когда человек открыл тайну вызывающего галлюцинации гриба. Влияние этих грибов было весьма глубоким, это был детонатор новых представлений. Ибо грибы открыли человеку миры за пределами известного ему горизонта, как во времени, так и в пространстве, даже миры в ином измерении, небеса и, возможно, ад. Для доверчивого примитивного разума грибы мощно укрепили представление о чудесном. Человек разделяет с животными многие чувства, но благоговение, почтение и страх перед Богом свойственны только человеку. Ощущая блаженное состояние благоговения и экстаза, порожденное божественными грибами, человек хочет спросить, не грибы ли вселили в него саму идею Бога.

Эта статья вызвала сенсацию в Соединенных Штатах, где люди были подготовлены к восприятию подобных идей книгой Олдоса Хаксли «Двери восприятия». Под ее влиянием толпы респектабельных людей — предшественников грядущих хиппи — устремились в Мексику в поисках собственных «курандер» (шаманок). (Реакция на его статью вызвала у Уэссона смешанные чувства после того, как несколько мексиканских деревушек были буквально снесены с лица земли американскими туристами, устремившимися в

погоню за «божественным»). Среди людей, любопытство которых было возбуждено статьей, находился и молодой профессор психологии Тимоти Лири. Находясь в 1959 г. в Мексике в отпуске, он съел свои первые грибы. Вспоминая, он говорит, что «даже не представлял себе, насколько это изменит его жизнь». Непосредственно перед поездкой ему была обещана должность в Гарварде, но престижная жизнь потеряла для него всю свою привлекательность в течение пятичасовой грибной трапезы: «Пришло откровение. Занавес поднялся... Прозвучал пророческий зов. Слова, произнесенные Богом».

Отреагировав на статью в журнале «Лайф» об экспедиции, которую частично субсидировало ЦРУ, Лири вернулся в Гарвардский университет, где студенты и профессора долгие годы являлись объектами финансируемых ЦРУ и военными экспериментов с ЛСД. Перед ним лежала карьера пророка наркотиков. Вскоре ему предстояло цитировать в своей «Камасутре» слова Гарольда Абрамсона и других ученых, работавших по контракту с ЦРУ, созываемых на конференции по наркотикам бывшим каналом финансирования ЦРУ — фондом Мейси.

Как в случае с ЛСД, так и в случае с грибами сотрудники проекта MKULTRA забывали о возмущающем влиянии, которое оказала культура наркотиков в Соединенных Штатах на все аспекты жизни. Один из сотрудников TSS вспоминает: «Я считаю, что мы об этом не задумывались». Ученые из ЦРУ смотрели на наркотики с иной точки зрения, они продолжали формировать свой шпионский арсенал. На протяжении 60-х и вплоть до 70-х гг. ЦРУ вело в Латинской Америке планомерный поиск ядовитых и наркотических растений[3]. Ранее сотрудники TSS действительно участвовали в распространении наркотиков среди молодых университетских ученых с целью навсегда привлечь их к участию в этой области деятельности. Макс Ринкель из Бостонского психиатрического центра заинтересовал Гарольда Ходжа из Рочестера, подсказав ему способ получения гранта одного из фондов ЦРУ — Фонда Гешиктера. Группа Ходжа нашла способ введения радиоактивного индикатора в ЛСД, и команда MKULTRA позаботилась о том, чтобы специально обработанное вещество дошло до большего числа ученых. Когда такой ученый, как Гарольд Абрамсон, одобрительно отзывался о наркотике на вновь созванной конференции или семинаре, десятки и сотни ученых, работников здравоохранения и потенциальных объектов экспериментов, обычно студентов, стремились к употреблению ЛСД.

Однажды в 1954 г. Ральф Блум, студент Гарвардского университета, услышал от своего друга, что врачи в Бостонском центре заплатят 25 долл. любому, кто согласится провести один день в качестве счастливого шизофреника. Блум не смог устоять против соблазна. Он предложил свои услуги, прошел полный набор психологических тестов Векслера и получил допуск к испытаниям. В назначенный день его ввели в комнату, где уже находились пятеро других гарвардских студентов. К ним присоединился директор проекта Боб Гайд, который произвел на Блума впечатление заслуживающей доверия фигуры отца. Кто-то внес в комнату шесть стаканов с водой и ЛСД. Студенты выпили предложенный напиток. Наркотик не действовал на Блума в течение полутора часов — несколько дольше среднего времени. Пока Гайд опрашивал его, Блум ощутил, как что-то сместилось у него в голове. «Я посмотрел на настенные часы и подумал о том, что они ведут себя замечательно. Они не обращают внимания на себя. Они просто висят на стене и показывают время». Блум ощутил, что смотрит на все окружающее с иной перспективы. «Отличие было очень тонким. Фильтры моего эго были убраны. Я оказался в доступном состоянии — доступном для

меня. Я понимал, когда мне лгут, а богатство переживаний настолько переполняло меня, что мне не хотелось терпеть присутствие дураков рядом». Через 24 года Блум подводит итоги: «Это было, безусловно, важным переживанием. Жизнь изменилась. Была снята плотина с моего старого сознания. Это невозможно сделать одним рывком. Я начал понимать, что стоит опять любить. Я получил новые очки, хотя начал ими пользоваться значительно позже. Они позволили мне увидеть, что впереди что-то есть»[4].

Многие студенты думали, подобно Блуму, что ЛСД изменило качество их жизни. У других отсутствовали положительные ощущения, а некоторые использовали в дальнейшем отрицательные впечатления из своих «путешествий», чтобы отрицать всю культуру, основанную на наркотиках, и процесс мышления 60-х гг. В таком университетском городе, как Бостон, где в больницах, связанных с Гарвардом, широкие исследовательские программы проводились как ЦРУ, так и армией, добровольное экспериментирование с ЛСД приобрело в академических кругах большую популярность. Аналогичная реакция, хотя, быть может, не столь ярко выраженная, наблюдалась и в других интеллектуальных центрах. Разведки использовали для экспериментов с ЛСД лучшие университеты и больницы, а это означало, что объектами испытаний становились сливки студенчества и молодых исследователей. В 1969 г. Агентство по борьбе с наркотиками и опасными медицинскими препаратами опубликовало интересное исследование, направленное на ограничение нелегального употребления ЛСД. Авторы писали, что «начало распространению наркотика среди небольших групп интеллектуалов положили крупные университеты, расположенные на Восточном и Западном побережье. Далее к ним пристрастились студенты старших курсов; увлечение распространилось на менее крупные университеты. Часто к приему наркотиков побуждали люди более высокого статуса. Преподаватели влияли на студентов; старшекурсники влияли на студентов младших курсов». Назвав это явление «процессом расползания», авторы, по-видимому, правильно показали путь распространения ЛСД по стране. Они опустили только один важный факт, о котором не могли знать: тот факт, что кто-то должен был влиять на преподавателей и что у вершины системы распространения можно было обнаружить людей из программы MKULTRA. Гарольд Абрамсон испытывал, по-видимому, большое удовольствие, приучая своих ученых друзей к ЛСД. Вначале он обратился к Фрэнку Фремонту-Смиту, возглавлявшему фонд Мейси, из которого деньги поступали к Абрамсону. В том маленьком мирке, где каждый знал каждого, Фремонту-Смит организовывал конференции, распространявшие сведения об ЛСД в академических кругах. Абрамсон дал также первую дозу ЛСД Грегори Бейтсону, первому мужу Маргарет Мед. В 1959 г. Бейтсон, в свою очередь, устроил так, что его друг, поэт Аллен Гинсберг, принял этот наркотик во время проведения программы исследований недалеко от Стэнфордского университета. Хотя он был знаком с галлюциногенным эффектом пейоти, Гинсберг плохо отреагировал на то, что он описал как «тесный кабинетик врача, набитый инструментами», где он принял наркотик. Хотя ему разрешили слушать записи по собственному выбору (он выбрал чтение Гертруды Стайн, тибетскую мандалу и Вагнера), Гинсбергу казалось, что «его подключили к мозгу Большого Брата». Он говорит, что в результате эксперимента заболел «паранойей в легкой форме, которая продолжалась в течение всех кислотных переживаний середины 60-х гг., пока я не научился избавляться от этого состояния посредством медитации». В то время антрополог и философ Грегори Бейтсон работал в административном госпитале для ветеранов в Поло Альто. Начиная с 1959 г. испытанием ЛСД в этом госпитале занимался д-р Лео Холлистер. Холлистер

отмечает, что он неохотно вступил в сферу изучения галлюциногенов, что было обусловлено «ненаучной» работой первых исследователей ЛСД. В этой связи он конкретно говорит о большей части людей, посещавших конференции фонда Мейси. Таким образом, надеясь улучшить работу, финансируемую ЦРУ и военными, Холлистер испытывал наркотики на студентах-добровольцах, включая некоего Кена Кизи (в 1960 г.). Кизи говорил, что он был пьян только однажды, но три вторника подряд принимал различные психоделики. В дальнейшем Кизи писал: «Шестью неделями позднее я приобрел первую унцию травки. А через шесть месяцев я работал в этом же госпитале санитаром в психиатрическом отделении». Основываясь на собственном опыте и принимая наркотики, он написал повесть «Полет над гнездом кукушки» и стал вторым по известности человеком эпохи контркультуры, распространяя по стране веру в наркотики, а Том Вулф зафиксировал это в хронике. Руководство ЦРУ не считало желательным вовлечение в употребление наркотиков таких людей, как Лири, Кизи и Гинсберг. Однако это произошло, как произошло и со многими менее известными людьми, такими как гарвардский студент Ральф Блум. И все вместе они создавали климат, при котором ЛСД выводился из-под правительственного контроля и был доступен на черном рынке. По-видимому, никто в Америке не предвидел, что молодые американцы станут добровольно употреблять наркотики для расщепления сознания или отдыха. Эксперты MKULTRA были увлечены проблемой управления разумом и не смогли предвидеть на основании собственного опыта употребления ЛСД, что другие люди, менее озабоченные проблемой, как заставить других выполнять их волю, будут реагировать на наркотик. Было бы преувеличением возложить всю ответственность за распространение ЛСД на ЦРУ. Не следует забывать, какое это было время: война во Вьетнаме, падение авторитетов, широкое распространение других наркотиков, особенно марихуаны. Однако остается фактом, что ЛСД был одним из катализаторов бурных волнений 60-х гг. Никто не мог вступить в мир психоделиков, не пройдя сначала (бессознательно) через двери, открытые Разведывательным управлением. Совершенно поразительным итогом явилось то, что поиск оружия среди наркотиков, подогреваемый надеждой на то, что шпионы, подобно д-ру Франкенштейну, смогут управлять жизнью с помощью гения и машин, будет способствовать распространению наркотиков и появлению бродячих неконтролируемых умов людей контркультуры.

Примечания

[1] Во время свадебного путешествия летом 1927 г. Уэссоны шли по горной тропинке, как вдруг Валентина скрылась в лесу. Как пишет Уэссон, «она увидела растущие там дикие грибы и восхищенно рассматривала скопления этих растений, восторженно называя их ласкательными русскими именами. Подобно всем добрым англосаксам, я был мало знаком с миром грибов и считал, что чем меньше я знаю об этих отвратительных извращениях растительного мира, тем лучше. Для нее же они были вещь бесконечно привлекательной, очаровывающей ее восприимчивый разум». Несмотря на его протесты, Валентина собрала грибы, принесла их домой и приготовила на обед. Она съела все — одна. Уэссон не захотел их даже попробовать. Она подшучивала над его ужасом, а он говорил, что на следующее утро проснется вдовцом. После того как Валентина осталась жива, они решили найти объяснение «странному расхождению культур», которое обусловило такую странную реакцию на грибы. С этого момента они были «на крючке», а мир для них стал богаче.

[2] Через два года Альберт Гофманн с помощью Гордона Уэссона вновь опередил ЦРУ. В 1960 г. Гофманн определил и получил химическим путем активный ингредиент вызывающих галлюцинации семян (*Oloiqui seeds*), присланных ему Уэссоном до того, как это удалось сделать Уильяму Бойду Куку из Университета штата Монтана, который работал по контракту на ЦРУ. Профессиональное сотрудничество Гофманна и Уэссона вскоре переросло в дружбу, и в 1962 г. они вместе отправились на лошадях в мексиканскую деревушку Хулаутла де Хименес в гости к Марии Сабине. Гофманн презентовал «курандере» псилоцибин производства компании «Сандоз». Уэссон вспоминает: «Разумеется, Альберт Гофманн был, как всегда, осторожен, дал ей слишком малую дозу, и препарат не подействовал». Разочарованный Гофманн, полагавший, что создал эквивалент «плоти божества», удвоил дозу. После этого у Марии Сабинны появились обычные видения, и, как говорит Уэссон, она сказала, что это «то же самое», что и грибы. Уэссон, который, несомненно, предпочитал химикатам настоящие грибы, говорит, что «она сказала это без особого энтузиазма».

[3] См. главу 12.

[4] Линкольн Кларк, психиатр, который проводил эксперименты с ЛСД для армии в Массачусетском госпитале, выражает мнение, распространенное среди исследователей ЛСД, когда недооценивает значение вызванных наркотиками размышлений того типа, который описан Блумом. «Каждый, кто принимает ЛСД, испытывает невероятное переживание, которое можно считать положительным. Я рассматриваю его как псевдоинсайт. Это составная часть обычной реакции интеллектуально претенциозных людей». С другой стороны, психиатр Сидни Козн, написавший интересную книгу по ЛСД, отметил, что, для того чтобы испытать переживание «наркотического странствия», человек должен верить в другое состояние или по меньшей мере быть открытым для него... Он должен расслабиться, не оказывать чрезмерно сильного сопротивления потере идентификации своей личности. Способность сдаться является, вероятно, наиболее важной составной частью переживания».

Чары — электроды и гипноз

Возможно, что иногда травма головного мозга будет играть исцеляющую роль.

Д-р Пол Хох, 1948

Для всей истории научного прогресса характерно наличие большого числа ученых, исследующих такие проблемы, о существовании которых общественность даже не подозревала.

Маргарет Мед, 1969

Глава 8

«Промывание мозгов»

6 сентября 1950 г. в газете «Майами ньюс» была опубликована статья Эдварда Хантера под заголовком «Тактика “промывания мозгов” заставляет китайцев вступать в ряды коммунистической партии». Это был первый случай использования в печати термина «промывание мозгов», который получил широкое распространение в газетных заголовках эпохи холодной войны. Хантер, оперативник ЦРУ в области пропаганды, прикрытием которой служила журналистская деятельность, опубликовал целую серию книг и статей на эту тему. Он образовал свой термин из китайского выражения «си-нао» («чистить разум»), не имевшего в Китае никакого политического оттенка.

Американское общественное мнение бурно прореагировало на идеи Хантера, что было обусловлено господствовавшей в нем враждебностью к коммунистическому противнику, деятельность которого воспринималась как таинственная и чуждая. Большинство американцев что-то слышали об известном процессе над венгерским кардиналом Миндсенти, на котором кардинал казался зомбированным, находящимся под воздействием наркотиков или гипноза. Другие обвиняемые на известных советских «показательных процессах» проявляли сходные симптомы, где признавались в невероятных преступлениях, произнося признания одинаково монотонными голосами. Американцам была знакома идея о том, что коммунисты обладали возможностями управлять несчастными людьми, и высказывания Хантера способствовали тому, что беспокоящие представления перешли в сильный страх. Опасения, связанные с «промыванием мозгов», усилились в процессе тяжелых боевых действий во время корейской войны в 1952 г., когда китайское правительство развернуло пропагандистскую кампанию, в которой приводились задокументированные «признания» американских летчиков в различных военных преступлениях, включая применение бактериологического оружия.

Официальная американская позиция в отношении признаний военнопленных заключалась в том, что они были вынужденными и ложными. Как говорится в одном из документов штаба американских ВВС, «в признаниях могут содержаться правдивые детали... Но для целей нашего рода войск признания рассматриваются в качестве вынужденного сообщения ложных сведений». Хотя у

военных были понятные причины считать сделанные признания лживыми или правдивыми, это не опровергает того факта, что признания были сделаны. Это также не снимало страха таких людей, как Эдвард Хантер, который считал признания доказательством наличия у коммунистов средств, «позволяющих так затуманить рассудок человека, что он перепутает правду с ложью и поверит в реальность событий, которых на самом деле не было, и в конечном счете, станет марионеткой в руках коммунистического кукловода».

К концу корейской войны 70 % американских военнопленных, число которых в Китае достигало 7190 человек, либо признались в совершении преступлений, либо поставили свои подписи под призывами прекратить войну в Азии. 15 % полностью сотрудничали с китайцами, и только 5 % стойко сопротивлялись нажиму. Поведение американцев контрастировало не в их пользу по сравнению с поведением англичан, австралийцев, турок и других военнопленных ООН, среди которых коллаборационизм встречался редко, хотя, как показали исследования, с ними обращались примерно так же плохо, как с американцами. Что еще хуже, большое число военнопленных не отказались от своих признаний и после возвращения в Соединенные Штаты. Вопреки ожиданиям, они этого не сделали после возвращения на родину. Удивленные и разочарованные таким упадком морали среди военнопленных, законодатели американского общественного мнения согласились с объяснением Эдварда Хантера: «Каким-то образом китайцы “промыли мозги” нашим парням».

Но как это им удалось? В разгаре ужаса перед «промытием мозгов» консервативные ораторы привносили религиозный оттенок в политические дебаты. По определению, всех коммунистов обработали с помощью сатанинских сил, утверждали они, что позволяло представлять врагов в виде роботов, полностью лишенных человеческих чувств и мотиваций. Либералы придерживались более научных взглядов на проблему. Перед лицом неопровержимых свидетельств того, что как русские, так и китайцы могли за очень короткий период, часто в крайне тяжелых условиях, изменить основные убеждения и схемы поведения военнопленных, либералы считали, что должен существовать особый метод, тайну которого позволят обнаружить объективные исследования.

Директор ЦРУ был сторонником научного подхода, хотя, естественно, поощрял своих экспертов в области пропаганды к эксплуатации более эмоционально выигрышной гипотезы о «промытии мозгов». Даллес и руководители других разведывательных служб направили лихорадочные усилия на то, чтобы как можно больше узнать об успехах советских и китайских ученых в области контроля над разумом. Стремясь получить ответ, Даллес обратился к содействию со стороны д-ра Гарольда Вольфа, невролога с мировым именем, с которым он наладил тесные личные связи. В то время Вольф лечил сына Даллеса, который был ранен в голову во время корейской войны. Вместе они переживали приступы и рецидивы у младшего Даллеса, вызванные его ранением. Худощавый, небольшого роста, но обладавший сильным характером, д-р Вольф быстро подружился с высоким, представительным директором ЦРУ. Возможно, Даллес рассматривал «промытие мозгов» как некое повреждение мозга или привнесение душевного заболевания. Во всяком случае, в конце 1953 г. он попросил Вольфа провести для ЦРУ официальное расследование методов, применяемых коммунистами при «промытии мозгов». Вольф, увлеченный рассказами директора о мире секретных операций, охотно принял сделанное ему предложение.

Гарольд Вольф был в основном известен как специалист по лечению мигрени и головной боли иного рода, однако он многократно консультировал разведчиков и военных, поэтому он знал, как следует приняться за выполнение порученного ему дела. Он договорился о сотрудничестве с Лоуренсом Хинклем, своим коллегой по медицинскому колледжу Корнельского университета в Нью-Йорке. Хинкль участвовал в исследовании и выполнял административные функции. Прежде чем приступить к работе, оба доктора удостоверились в том, что администрация университета и его президент Дин У. Мэлот одобряют эту работу, что они связались со службами в Вашингтоне, которые подтвердили, что разрабатываемый проект имеет то большое значение, которое ему придает Аллен Даллес. Хинкль вспоминает, как советник из Белого дома побуждал к совместной работе сотрудников Корнельского университета. Администрация университета дала свое согласие, и вскоре Вольф и Хинкль приступили к работе над секретными файлами, посвященными «промыванию мозгов». Сотрудники ЦРУ помогли также организовать интервью с бывшими коммунистами — следователями и заключенными. Как вспоминает Хинкль, «все осуществлялось с соблюдением правил секретности. Нам пришлось много поработать и подписать соглашения о соблюдении секретности, к которым все относились очень серьезно».

Команда Вольфа и Хинкля стала основной группой исследователей, занимавшейся изучением проблемы «промывания мозгов» по поручению правительства США, хотя ВВС и армия параллельно осуществляли и собственные программы[1]. Их секретные доклады Аллену Даллесу, опубликованные позднее в рассекреченном варианте, рассматривались как изложение позиции американского правительства по этому вопросу. Если сделать определенные скидки на риторику эпохи холодной войны 50-х гг., то доклад Хинкля-Вольфа остается одним из лучших отчетов о массированных программах политического переобучения в Советском Союзе и Китае. В нем прямо заявлялось, что ни в Советском Союзе, ни в Китае не было магического оружия — ни наркотиков, ни экзотических лучевых пушек или иных фантастических механизмов. Вместо этого в докладе описывались методы допросов, которые практиковались коммунистами: они базировались на умелом, хотя и жестоком применении полицейских методов. Описание советской системы предвосхищает в схематическом виде роман писателя Александра Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». Хинкль и Вольф показали, что советские методы основаны на кумулятивном эффекте интенсивного психологического давления и человеческой слабости; один лишь этот тезис принес обоим ученым вражду более правых сотрудников ЦРУ, типичным представителем которых был Эдвард Хантер. Некоторые из знавших его вспоминают, как Хантер любил повторять, что советские идеологи «промывали мозги» людям точно так же, как Павлов делал это с собаками.

Вопреки некоторым несогласным, таким как Хантер, модель Вольфа-Хинкля (с последующими усовершенствованиями) наилучшим образом описывает крайние формы политического переобучения. Согласно общепринятому мнению, в Советском Союзе была предпринята попытка влиять на поведение пленного, помещая его в одиночное заключение. Меняющиеся охранники постоянно держали его под наблюдением, унижая и оскорбляя, давая понять, что он полностью лишен поддержки извне. Охранники заставляли заключенного долгое время стоять, сидеть можно было, только получив разрешение, лежать он мог

исключительно в определенной позе, а при малейшем движении во сне его тотчас же будили. Он полностью изолирован от внешних впечатлений, от всех новостей извне, запреты распространялись на разговоры и чтение.

Через четыре-шесть недель такой убийственной рутины заключенный обычно «ломался» под воздействием стресса. «Он плачет, бормочет, громко молится в своей камере», — пишут Хинкль и Вольф. Допрос начинался, когда заключенный доходил до этой стадии. Ночь за ночью охранники приводили его в специальное помещение, где проходил допрос. Не обвиняя заключенного в совершении каких-либо конкретных преступлений, следователь внушал ему, что тот прекрасно знает сам обо всем, что он совершил. Самым мучительным для себя образом, в духе Кафки, заключенный пытался отрицать неизвестно какую вину. Совместно с заключенным следователь детально прослеживал его жизнь. Он улавливал любую непоследовательность, какой бы малой она ни была, считая ее дальнейшим доказательством вины; он высмеивал попытки оправдаться, которые предпринимал заключенный. Правда, последний получал какой-то отклик. Долгие недели изоляции и неопределенности приводили к тому, что пленник был благодарен за любой человеческий контакт — даже за то, что его дело двигалось к своему завершению. Правда, двигалось только до тех пор, пока он соглашался признавать свою вину, но... Постепенно заключенный приходил к выводу, что он и его следователь вместе движутся к единой цели — к завершению его дела. Вместе они «обыскивали» его душу. Периодически следователь ослаблял натиск. Он предлагал сигарету, непринужденно беседовал, объяснял, что это его работа... Тем сильнее в следующий раз на заключенного действовали слова о том, что его признания недостаточны.

По мере того как обвинения против заключенного начинали приобретать форму, он осознавал, что его бедствия завершатся только полным признанием. В противном случае мучительные допросы будут продолжаться вечно. Как писал Хинкль Вольфу, «режим давления создал почти невыносимые переживания. Заключенный чувствует: что-то необходимо предпринять, чтобы закончить это. Он должен найти выход». Бывший сотрудник КГБ, один из многих следователей и заключенных, опрошенный в ЦРУ в процессе проведения специального исследования, рассказал, что более 99 % всех заключенных подписывали на этом этапе признание.

В Советском Союзе при Сталине эти признания являлись конечным этапом допросов. После этого заключенных обычно расстреливали или ссылали в трудовые лагеря по приговору суда. В настоящее время российские руководители с меньшей настойчивостью добиваются признаний перед заключением своих противников в тюрьмы. Однако для их изолирования по-прежнему используется система тюрем и система здравоохранения.

В Китае была принята более обширная система переобучения заключенных. У них признание было только началом. Далее заключенного помещали в общую камеру, где начиналось переобучение. С утра до позднего вечера совместно с другими заключенными он изучал труды Маркса и Мао, слушал лекции, занимался самокритикой. Поскольку прогресс каждого заключенного зависел от успехов его сокамерников, вся группа осуждала любое отклонение в поведении как отступление. Заключенные демонстрировали свое рвение, яростно нападали на «уклонистов». Тесное общение с людьми, бранящими и оскорбляющими его, приводило заключенного на грань эмоционального срыва. Хинкль и Вольф считали, что «рано или поздно заключенному придется согласиться с

требованиями группы». При изменении позиции заключенного оказываемое на него давление ослабевало. Сокамерники начинали относиться к нему с возрастающим миролюбием и уважением. Это, в свою очередь, усиливало его преданность партии, ибо он начинал понимать, что только такая преданность позволит ему успешно существовать в камере. Во многих случаях этот процесс приводил к возникновению у заключенного восторженного ощущения миссии — появлялось чувство, что он вышел, наконец, на прямой путь и увидел правду. Хотя, конечно, такое ощущение, сходное с религиозным обращением, наступало не всегда и не во всех случаях сохранялось, когда он возвращался в другую социальную группу.

Начиная с предварительных исследований Вольфа-Хинкля, секретные службы неизменно приходили к заключению, что ни китайцы, ни русские не использовали в сколько-нибудь значительной мере наркотики или гипноз, а также не обладают (вопреки существовавшим опасениям) средствами для «промывания мозгов», сопоставимыми с атомной бомбой. В большинстве случаев применялись методы многовековой давности. Такие исследователи ЦРУ, как психолог Гиттингер, обратились к изучению документов испанской инквизиции. В то же время коммунисты при разработке системы проведения допросов не пользовались услугами психиатров или иных специалистов, изучающих поведение человека. Различия между советской и китайской системами были, по-видимому, обусловлены различиями их национальных культур. Советская система «промывания мозгов» напоминала могучего полицейского, в обязанности которого входило изолировать, а затем и усмирить всех недовольных. Китайская система больше походила на работу тысяч искусных акупунктуристов, воздействующих друг на друга и полагающихся на групповое давление, идеологию и повторение. Чтобы основательнее постичь советскую или китайскую систему управления, следовало глубоко изучить тайны национального и индивидуального характера.

В то время как исследователи ЦРУ рассматривали такие вопросы, Разведывательное управление направило основное внимание в другую сторону. Логика переключения интереса понятна разведчикам. Ход их рассуждений был таков: несмотря на отсутствие у Советского Союза и Китая механизма «промывания мозгов», нет никаких оснований считать такую задачу невыполнимой. А если существует даже отдаленная вероятность ее решения, то и коммунисты смогут это сделать. В таком случае интересы национальной безопасности требовали, чтобы США изобрели механизм первыми. Поэтому ЦРУ разработало свою собственную программу «промывания мозгов», которая, подобно советской и китайской версиям, основывалась на особенностях американского национального характера. Это была уменьшенная копия проекта «Манхэттен», основанная на убеждении, что «промывание мозгов» возможно с опорой на психологию. Администрация ЦРУ возлагала надежды на то, что ранее сделанные в Америке открытия будут способствовать научным прорывам. Вместо обращения за помощью к могучим полицейским, методы которых не вызывали у американцев сочувствия, или к гуру для создания массовой мотивации, что также не было свойственно американской идеологии, специалисты ЦРУ, работавшие в области «промывания мозгов», обратились к людям типа блестящего — и иногда безумного — ученого, увлеченного разгадыванием чудес мозговой деятельности.

В 1953 г. директор ЦРУ Аллен Даллес сделал редкое заявление по поводу коммунистического «промывания мозгов»: «Нам, людям Запада, трудно понять все детали. Немногие выжили, и в нашем распоряжении нет людей, которых

можно было бы использовать в качестве “подопытных кроликов”, проверяя на них необычные методы». Но в то самое время, как Даллес произносил эти слова, в ЦРУ по его распоряжению приступили к поиску и ученых и «кроликов». Некоторые эксперименты так далеко зашли за черту этических норм экспериментальной психиатрии (которые и без того крайне зыбки), что руководители ЦРУ посчитали благоразумным проводить большую часть работы за пределами Соединенных Штатов.

Назовем ее Лорен Г. В течение долгого времени она ничего не помнила о происшедшем с ней. Она помнила только, как муж подвез ее к старому серому каменному зданию госпиталя, Алланскому мемориальному институту, и сдал ее под опеку директора института доктора Юена Камерона. Следующее воспоминание относится к тому, что произошло через три недели:

Они дали мне халат, который для меня был слишком велик, и я спотыкалась в нем. Я была безумна, спрашивала, почему я должна ходить в такой неуклюжей одежде. Я едва двигалась, так как была очень слаба. Помню, как пыталась идти по коридору со скошенными стенами. Именно тогда я сказала: «Святые угодники, как отвратительно». Помню, как выбежала из здания и стала подниматься в гору в моем длинном халате.

Гора, носившая имя Мон Рояль, возвышалась над Монреалем. Лорен шаталась и спотыкалась, поднимаясь все выше и выше. Персоналу госпиталя без особого труда удалось настигнуть ее и привести обратно в институт. Ей ввели успокоительное средство, прикрепили к вискам электроды и подвергли электрошоку. Вскоре она спала как младенец.

Постепенно самочувствие Лорен Г. стало нормализоваться. Она занялась плетением корзин, стала играть с другими пациентами в бридж. Ее выписали из госпиталя, и она вернулась к мужу, который жил в Канаде в другом городе.

Казалось, что до психического срыва, происшедшего в 1959 г., жизнь улыбалась Лорен Г. Ухоженная, благополучная 30-летняя женщина, она много занималась конным спортом. Многие находили в ней сходство с Элизабет Тейлор. В 20 лет вышла замуж за богатого юношу, жившего по соседству. Правда, мужа она не любила, просто позволила своей властной матери бросить себя в его объятия. Муж много пил. Вспоминая, она отмечает: «Я была очень несчастна. У меня был ужасный брак, и в конце концов у меня произошел нервный срыв. Я пыталась сбросить вес, страдала бессонницей, нервничала».

Семейный врач порекомендовал мужу послать ее к доктору Камерону, что представлялось вполне логичным, учитывая его широкую известность как врача-психиатра. Он возглавлял Алланский мемориальный институт с 1943 г., когда Рокфеллеровский фонд выделил средства на открытие психиатрического отделения при Макджилловском университете (*McGill University*). Получая помощь от Рокфеллеров, Макджилл построил госпиталь, получивший широкую известность далеко за пределами Канады в качестве новаторского лечебного учреждения. В 1953 г. Камерон был избран президентом Американской психиатрической ассоциации. Его друзья шутя говорили, что они отказались от всех причитающихся им почестей в его пользу.

Камерон был приверженцем более «объективных» форм терапии, которые позволяли достигать улучшения легче и быстрее, чем при применении медленно действующих методов Фрейда. Будучи нетерпеливым человеком, он мечтал о способах излечения шизофрении. Никто не мог сказать ему, что он идет по неверному пути. Роберт Моррисон, единомышленник Камерона в Рокфеллеровском фонде, отмечал в своих дневниковых записях, что Камерон был

человеком неуступчивым и беспокойным. Моррисон объяснял этим «отсутствие у него интереса к психотерапии и ее недостаточную эффективность, а также неспособность устанавливать теплые личные отношения с сотрудниками, о чем мне неоднократно сообщали во время моих посещений Монреаля». Другой наблюдатель из Рокфеллеровского фонда отмечал, что Камерон «страдает, по-видимому, от глубокой неуверенности и ему свойственна тяга к власти, что подчеркивается его крайней отчужденностью от сотрудников».

Когда муж Лорен Г. доставил ее к Камерону, тот сказал ему, что подвергнет ее воздействию электрошока, что было в то время стандартным методом. Муж замечает: «Камерон не отличался многословием, но я не думал, что он предпримет что-то необычное». Муж не мог знать, что Камерон испытает на его жене новую экспериментальную методику, еще менее он мог подозревать, что тот намеревался «изменить ее паттерн». Не знал он и о том, что эта деятельность финансировалась из секретных фондов ЦРУ в размере 19 тыс. долл. в год[2].

Камерон определял «изменение паттерна» как изменение схемы поведения личности (паттерна) нормальных людей и шизофреников с помощью интенсивного электрошокового воздействия, которое обычно сочеталось с длительным сном под воздействием снотворных препаратов. Таким образом, это был психиатр, согласный (причем крайне охотно) полностью стереть человеческий разум. Ранее, в 1951 г., Морзе Аллен в рамках программы ARTISHOKE назвал это процессом «создания растения». Камерон оправдывал этот метод создания «чистой доски» (*tabula rasa*) своей теорией «дифференцированной амнезии», хотя он и не подтвердил ее какими-либо статистическими данными. Он просто утверждал, что после «полной амнезии» к человеку постепенно вернется память о нормальном поведении без его шизофренической составляющей. Камерон бездоказательно постулировал возможность «дифференцированной амнезии». Такая возможность применительно к человеку, который знает слишком много и которого можно заставить забыть то, что он знает, издавна была мечтой и целью программ ARTISHOKE и MKULTRA.

Разумеется, у Лорен Г. ничего не сохранилось в памяти о тех неделях, в течение которых Камерон менял ее паттерн. В дальнейшем, в отличие от большинства пациентов этого психиатра, паттерн которых был изменен, к Лорен Г. полностью вернулась память о жизни, предшествовавшей лечению, но вернулась и память о психических проблемах[3]. Ее муж говорит, что она вышла из больницы со значительным улучшением. Она же утверждала, что лечение не повлияло на ее душевное состояние, что, по ее мнению, было прямо обусловлено неудачным замужеством. Она прекратила посещать Камерона через месяц после завершения амбулаторного лечения с применением электрошока, к которому она относилась крайне отрицательно. Ее отношения с мужем ухудшились, а еще через два года она с ним рассталась. По ее словам, она «просто поднялась на ноги. Я послала все к черту и решила, что следует самой отвечать за свою жизнь. Я начала жить заново». Разведясь и вступив в новый брак, она чувствовала себя с тех пор вполне счастливой.

Изменение паттерна, которому Камерон подверг Лорен Г. в сравнительно мягкой форме, началось с 15-30 дней «сонной терапии». Как явствует из названия лечебного курса, пациентка спала почти сутками. По рассказам одного из больничных докторов, который давал пациентам то, что он называл «сонным коктейлем», один из врачей будил пациента трижды в день, чтобы вновь дать ему

лекарство, состоявшее из 100 мг торазина, 100 мг нембутала, 100 мг секонала, 150 мг веронала и 10 мг фенергана. Другой врач будил того же пациента два или три раза в день для лечения электрошоком[4]. Этот доктор со своим помощником вкатывал в палату портативную машину, с помощью которой они производили местную анестезию и вводили мышечный релаксант, что позволяло предотвратить возникновение травм во время предстоящих судорог. Приложив электроды, погруженные в солевой раствор, помощник удерживал пациента, а врач включал электрический ток. При стандартной электрошоковой терапии пациент получал электрическую дозу напряжением 110 В на протяжении доли секунды один раз в день или через день. В отличие от этого, Камерон подвергал пациента воздействию током в течение периода в 20-40 раз большей длительности 2 и 3 раза в день под напряжением до 150 В. Метод, названный по имени своих английских изобретателей методом Пейджа-Рассела, состоял из начального шока, продолжительностью в 1 секунду, который вызывал основную судорогу, и 5-9 дополнительных шоков в середине первой и последующих судорог. Даже изобретатели метода, врачи Пейдж и Рассел, ограничивались одним ежедневным сеансом, причем они всегда прекращали его, как только пациент начинал проявлять «явное неприятие» или после того, как наступало «изменение поведения». Но Камерон приветствовал такие симптомы в качестве признака успешного лечения и полностью проводил всю программу.

Частые вопли пациентов, раздававшиеся в госпитале, не удерживали Камерона и большинство его единомышленников от полного «изменения паттерна» пациентов. Другие пациенты сообщают, как они застывали перед «спальными палатами», где проходило лечение; обычно они перемещались вдоль противоположной стороны коридора.

По словам Камерона, это была комбинированная терапия, при которой электрошок и сон применялись от 15 до 30 дней, а у некоторых пациентов — до 65 дней (причем в последнем случае их будили в течение трех дней в середине процесса лечения). Иногда, как в случае с Лорен Г., пациенты пытались бежать, как только прекращали действовать применявшиеся препараты; в этом случае персоналу приходилось их ловить. Как вспоминает один из врачей, хорошо знакомый с методами Камерона, «особенно сложно было добиться того, чтобы во время лечения люди ходили». Этот врач рисует картину, когда оглушенные пациенты, неспособные заботиться о себе, бродили по госпиталю, мочась прямо на пол.

Камерон писал, что подвергающийся изменению паттерна типичный пациент — обычно женщина — проходил три этапа. На первом этапе пациентка утрачивала значительную часть памяти. Однако она все еще понимала, где она находится, почему и за что люди мучили ее. На втором этапе она утрачивала «временное и пространственное представление», но все еще хотела вернуть себе память. Неспособность ответить на такие вопросы, как «Где я?» и «Как я сюда попала?», вызывала у нее сильное беспокойство. На третьем этапе все беспокойство пропадало. Камерон описывал это состояние как крайне интересное сужение диапазона воспоминаний, к которым человек обращается для обоснования своих заявлений. То, о чем говорит пациент, это только его сиюмоментные ощущения, он говорит о них почти исключительно в совершенно конкретных терминах. На его замечания не влияют предшествующие воспоминания, ни в коей мере не воздействуют на них и ожидания, относящиеся к будущему. Он живет в настоящем. Исчезли все шизофренические симптомы. Амнезия распространяется на все события его жизни. Лорен Г. и еще 52 пациента в Алланском мемориале

достигли этого уровня изменения в 1958-1959 гг. Камерон разработал весь метод, когда началось финансирование со стороны ЦРУ. Разведывательное управление отправило ему деньги на проведение исследований, чтобы продолжить лечение далее. Представители ЦРУ хотели узнать, сможет ли Камерон, создав лишенный памяти разум, запрограммировать новую схему поведения, как он заявлял ранее. Уже в 1953 г., когда он стоял во главе Американской психиатрической ассоциации, Камерон разработал методику, названную им «психическим стимулированием», по которой он предполагал бомбардировать пациента словесными посланиями. Из магнитофонных записей бесед с пациентом он выбирал эмоционально заряженные «ключевые заявления»; вначале отрицательные, чтобы избавиться от нежелательного поведения, затем позитивные, чтобы отрегулировать личностные черты. Лежа в ступоре, пациент слышал, например, такие отрицательные послания:

Мадлен, ты разрешала отцу и матери обращаться с тобой, как с ребенком, пока ты не вышла замуж. Ты позволяла матери осуществлять над тобой сексуальный контроль после каждого свидания с парнем. У тебя не хватало решимости заставить ее прекратить это. Ты никогда не восставала против матери или отца, ты убегала от неприятностей... Они называли тебя «плаксивая Мадлен». Теперь, когда у тебя двое детей, ты не справляешься с ними, не можешь наладить хорошие отношения с мужем. Вы не ладите. Вы никуда не ходите вместе. Ты не сумела остаться для него сексуально привлекательной.

Леонард Рубенштейн, главный помощник Камерона, деятельность которого полностью финансировалась из фондов ЦРУ, составил послание и проигрывал его на магнитофоне в течение нескольких недель по 16 часов ежедневно. Будучи техником-электронщиком без медицинского или психологического образования, Рубенштейн сам изготовил огромный магнитофон, который мог одновременно проигрывать 8 контуров для 8 пациентов. Камерон помещал микрофоны буквально под подушки в «спальных палатах». «Мы добивались того, чтобы пациенты слышали все», — говорит один из врачей, работавших с Камероном. На некоторых пациентов Камерон усиливал отрицательное воздействие, подводя провода к ногам и подвергая пациента в конце послания воздействию тока.

Когда Камерон приходил к заключению, что отрицательное «психическое стимулирование» зашло достаточно далеко, он переводил пациента на 2-5-недельное прослушивание позитивного послания:

Ты хочешь поправиться. Для этого ты должна позволить своим чувствам выйти на поверхность. Ты можешь выражать свой гнев... Ты хочешь, чтобы мать перестала тобой командовать. Начни утверждать себя сначала в малых вещах и вскоре ты будешь в состоянии противостоять ей на равных. Тогда ты сможешь быть женой и матерью, как и всякая другая женщина.

Камерон писал, что психическое стимулирование позволяло осуществлять «прямые контролируемые изменения личности» без обязательного разрешения конфликтов пациентки и без необходимости заставлять ее заново повторить ранее пережитое. Насколько нам известно, никто из современных психологов и психиатров не разделяет взгляды Камерона. Доктор Дональд Хебб, возглавлявший макджилловскую психологическую кафедру в то время, как Камерон возглавлял психиатрическое отделение, не смягчает слова, отвечая на вопросы о психическом стимулировании: «Камерон работал над ужасными идеями. Они не вызывали уважения. При знакомстве с его делами и тем, что было им написано, хотелось смеяться. Если бы у меня был такой аспирант, я бы немедленно выгнал его». Разгорячившись, Хебб продолжает: «Видите ли, Камерон был неважным исследователем... Славу ему принесла политика». Однако в то время об этом не говорили. Камерон был могущественным человеком.

Шотландец по рождению, так и не утративший акцент в своей речи, Камерон продолжал исследовать усовершенствование способов изменения паттернов и психического стимулирования. Он наладил связь с ЦРУ — с Обществом по

изучению экологии человека — с целью отыскать более быстрые и менее вредные способы изменения поведения. Он предложил этому обществу использовать метод, в котором сочетались оба применявшиеся им метода: ограничение сенсорного восприятия и применение сильнодействующих препаратов. Его подход, основанный на принципе шведского стола, свел воедино практически все возможные методы контроля над разумом, которые он исследовал как отдельно, так и вместе. По получении в 1957 г. гранта от ЦРУ Камерон начал работать над ограничением сенсорного восприятия.

В течение нескольких лет руководство ЦРУ проявляло интерес к возможностям использования этого метода, который Хебб применял и изучал в Университете Макджилла на деньги Министерства обороны Канады и Рокфеллеровского фонда. В процессе исследований человека помещали в замкнутое пространство — небольшую комнату или даже большой «ящик» (бокс) — и лишали его всех сенсорных ощущений. На глаза надевали черные очки, уши закрывали, а иногда его подвергали воздействию постоянного монотонного шума, для предотвращения поступления сигналов от осязательных ощущений человека обкладывали подушками, не было никаких запахов, перерывы в этом режиме допускались только на прием пищи и ванны. В 1955 г. Морзе Аллен, работавший по программе ARTISNOKE, заключил контракт с доктором Мейтландом Болдуином из Национального института здравоохранения, который провел ужасный эксперимент, когда доброволец оставался в «боксе» в течение 40 часов, пока самостоятельно не выбрался оттуда после того, как, по словам Болдуина, он в течение часа громко кричал и рыдал самым душераздирающим образом. Этот эксперимент убедил Болдуина в том, что методом изоляции можно сломить любого человека, вне зависимости от его интеллигентности и силы воли, Хебб, который, в отличие от Болдуина, выпускал своих подопытных по их желанию, никого не оставлял в боксе дольше шести дней. Болдуин говорил Аллену, что перекрытие сенсорных ощущений на более длительный срок почти наверное приведет к непоправимым травмам. Тем не менее Болдуин заявил, что если ЦРУ обеспечит прикрытие и предоставит подопытных, то (по словам Аллена) он согласен проводить «предельные» испытания. После многочисленных встреч в ЦРУ, посвященных вопросу, где и как финансировать исследования Болдуина, один из медиков Разведывательного управления окончательно отверг проект как «аморальный и негуманный», предложив тем, кто проталкивал проект, «предоставить себя для использования в “благородном” проекте д-ра Болдуина».

С Камероном руководство ЦРУ получало не только врача, согласившегося проводить предельные эксперименты с лишением сенсорных ощущений, но и человека, имевшего в своем распоряжении собственный источник получения испытуемых. В рамках исследований, финансировавшихся ЦРУ, в находившейся за зданием госпиталя перестроенной конюшне, в которой располагался Леонард Рубенштейн и его лаборатория, был сооружен «бокс». Не придерживаясь ограничений, установленных Хеббом, Камерон продержал одну женщину в замкнутом пространстве в течение 35 дней; он настолько злоупотреблял своими методами воздействия на ее разум, что, как и предсказывал Болдуин, трудно сказать, оказало ли длительное лишение сенсорных впечатлений дополнительное травмирующее воздействие. Имя пациентки было Мэри К. Как Камерон ни пытался, ему не удалось «достучаться» до нее. Позднее он равнодушно записал: «Несмотря на то что пациентку готовили с помощью длительной сенсорной изоляции (35 дней) при неоднократном изменении паттерна, несмотря на то, что ее подвергли позитивному стимулированию в течение 101 дня положительные результаты не были получены»[5]. Диагноз, который Камерон поставил 52-летней

Мэри К., звучал следующим образом: «Конверсионная реакция женщины инволюционного возраста, сопровождаемая душевным беспокойством; ипохондрия». Иными словами, Мэри переживала менопаузу.

В предложении, которое он сделал ЦРУ, Камерон заявил, что он будет испытывать кураре, южноамериканский яд для стрел, который при использовании в большом количестве убивает, парализуя внутренние органы. В нелетальных дозах кураре вызывает частичный паралич, который блокирует эти органы, но не прекращает их функционирования. Согласно сделанным Камероном записям, сохранившимся в Американской психиатрической ассоциации, он вводил пациентам кураре при одновременном ограничении сенсорных восприятий; возможно, это делалось с целью еще больше их обездвижить.

Камерон тоже испытывал ЛСД в сочетании с психическим стимулированием, а также использовал другие методы. В конце 1956 г. и начале 1957 г. одной из его пациенток была Вэл Орликов, муж которой Дэвид стал членом канадского парламента. Страдая от того, что она назвала «неврозом, который начался с депрессии», она поступила в Алланский мемориал в качестве личной пациентки Камерона. Вскоре он подверг ее лечению с помощью ЛСД по своему методу. От одного до четырех раз в неделю он или другой врач входил к ней в палату и делал ей инъекцию ЛСД в сочетании со стимулятором или депрессантом, а затем уходил, оставляя ее наедине с магнитофоном, на котором проигрывались отрывки из ее последней встречи с ним. Насколько нам известно, ни один из исследователей, работавших с ЛСД, никогда не подвергал своих пациентов опасности совершить наркотическое «странствие» без надзора специалиста — и уж, конечно, не в продолжение двух месяцев, когда, как вытекает из записей в истории болезни, ей вводили ЛСД 14 раз. Пациентка вспоминает: «Это было ужасно. Вам страшно. Кажется, что вы ушли куда-то и не можете вернуться». Предполагалось, что она будет записывать все, что ей придет в голову во время прослушивания магнитофонной ленты, но часто ей становилось так страшно, что она не могла писать. Когда она пытается вспомнить свои страхи, она начинает говорить быстрее. «Становишься совсем маленькой. Готова упасть с лестницы — и вот летишь в бездну, и это так далеко, а ты такая маленькая. Как Алиса. Где же таблетка, которая сделает тебя большой, и ты белка, и ты не можешь выбраться из клетки, и кто-то собирается убить тебя». Затем, внезапно, пациентка переключается и внятно произносит: «Произошли весьма странные события».

Пациентка ненавидела лечение с использованием ЛСД. Несколько раз она говорила Камерону о своем желании прекратить лечение; а психиатр, полюбив ее, говорил: «Девочка (так он называл всех пациенток), разве ты не хочешь выздороветь, вернуться домой, увидеть мужа?». Она помнит чувство вины, которое испытывала, когда не выполняла указания врача; мысль огорчить Камерона, которого она обожествляла, буквально сокрушала ее. После того как Камерон несколько раз отговаривал ее от прекращения лечения, она все же вынуждена была это сделать. Покинув госпиталь, она оставалась его частной пациенткой. В 1963 г. он вновь положил ее в госпиталь для более интенсивного психического стимулирования. Она говорит: «Я думала, что он Бог. Не знаю, как я могла быть такой глупой... Многие из нас были наивными. Мы думали, что психиатры имеют ответы на все вопросы. И что с нами был величайший психиатр в мире, со всеми возможными званиями».

Выступая в защиту Камерона, один из его бывших коллег говорит, что этот человек действительно заботился о своих пациентах. Он хотел вылечить их. Один работавший у него в штате психолог писал:

Его ужасала утрата человеческого потенциала, ярко выраженная в молодых людях, разум которых был искажен тем, что тогда называли шизофренией. Такие же чувства он испытывал в отношении утраты мудрости пожилыми людьми в связи с ухудшением памяти. Для него цель оправдывала средства. Когда имеешь дело со снижением человеческого потенциала, легко принять такую точку зрения.

Камерон уволился внезапно в 1964 г. без объяснения причин. Сменивший его доктор Роберт Клегхорн сделал шаг, беспрецедентный в академическом мире, для которого характерно взаимное славословие. Он поручил психиатру и психологу, не связанным с Камероном, изучить его метод электросудорожной терапии. Они установили, что 60 % пациентов Камерона, у которых был изменен паттерн, жаловались на амнезию, которая была у них в течение периода от 6 месяцев до 10 лет до применения его терапии[6]. Им не удалось найти клинического подтверждения того, что лечение было более или менее эффективным по сравнению с другими методами. Они пришли к выводу, что частые физические осложнения и беспокойство, создаваемые у пациента реальными или воображаемыми трудностями, связанными с памятью, вызывают возражения против дальнейшего применения этого метода.

Члены группы высказали свое мнение, пользуясь академической терминологией, однако теперь один из них объяснился более внятно. Он с горечью говорит об одной из бывших пациенток Камерона, которой требуется последовательно записывать операции при выполнении простейших работ по дому. Затем он несколько раз повторяет, каким сильным человеком был Камерон, утверждая, что это был «бог канадской психиатрии». И далее продолжает:

Возможно, мне не следовало бы говорить об этом, но Камерон — что бы он ни сделал — сам страдал шизофренией; он полностью дистанцировался в своей работе от человеческого фактора... Бог мой, мы говорим о концентрационных лагерях. Я не хотел бы сравнивать, но, Боже, вы утверждаете, что «не знали о происходящем», а ведь это происходило в нашем дворе.

Камерон умер в 1967 г. в возрасте 66 лет, поднимаясь в горы. Американский психиатрический журнал напечатал длинный, полный похвал некролог и дал его большой портрет.

Доктору Камерону не требовалось, чтобы ЦРУ подкупало его. Он задумал проведение неортодоксальных исследований задолго до того, как ЦРУ стало его финансировать. Имея в своем распоряжении госпиталь и людей для проведения испытаний, он мог найти источники финансирования и помимо денег от Разведывательного управления, поступления от которого не превышали 20 тыс. долл. в год. Однако руководство ЦРУ точно знало, за что оно платит. Его представители регулярно посещали Монреаль, наблюдая за работой Камерона, и его предложения были совершенно недвусмысленными. В Камероне американцы обрели врача, не живущего в США, согласного проводить предельные эксперименты с использованием электросудорожной терапии, с ограничением сенсорных ощущений, с применением наркотиков, а также согласного сочетать все вышеперечисленные средства. Буквально начисто стирая разум подопытного, изменяя паттерн его поведения и пытаясь затем это поведение запрограммировать заново, Камерон доводил до своего логического конца процесс, известный под названием «промывание мозгов».

Невозможно сказать, были ли какие-либо иные проекты ЦРУ, связанные с «промыванием мозгов», доведены до экстремальных пределов, до которых дошел Камерон. Известны немногие подробности, ибо многих свидетелей уже нет в

живых, а другие не хотят говорить об этом или лгут. Неизвестно, каким образом в ЦРУ использовали результаты, подобные полученным Камероном. Однако известно, что секретные службы (в том числе и ЦРУ) изменили лицо научного сообщества в 1950 — начале 1960-х гг., проявив интерес к таким экспериментам. Почти каждый ученый, работавший на передовых рубежах исследований деятельности мозга, оглянувшись, обнаруживал за своей спиной человека, связанного с секретной службой, интересующегося его работой. Опыт доктора Джона Лилли показывает, как происходило такое вторжение.

В 1953 г. Лилли работал в Национальном институте здравоохранения под Вашингтоном. Он пытался составить «карту» точек в мозгу, из которых осуществляется управление различными функциями тела. Лилли создал метод, при котором устанавливал (внедряя под кожу) до 600 крошечных трубочек на черепе обезьяны, через которые можно было вводить электроды «в мозг до желаемой глубины, начиная от коры головного мозга и до основания черепа», как он писал об этом позднее. Используя электрическое стимулирование, Лилли обнаружил центры в мозгу обезьяны, из которых вызываются боль, страх, беспокойство и гнев. Он обнаружил также участки мозга, управляющие эрекцией, эякуляцией и оргазмом у обезьяны-самца. Лилли обнаружил, что если дать обезьяне доступ к переключателю, управляющему правильно установленным электродом, то она вознаграждала себя практически непрерывным оргазмом — не реже одного раза в три минуты в течение 16 часов в день.

После того как Лилли уточнил свои «карты» мозга, руководители ЦРУ и других служб обратились к нему с просьбой провести с ними брифинг. Неприязненно относясь к засекречиванию, Лилли согласился на брифинг только при условии, что как сам брифинг, так и его работа не будут засекречены, останутся открытыми для аутсайдеров. Руководители крайне неохотно согласились на эти условия, ибо знали, что открытость Лилли не только уничтожит шпионскую ценность всех новых сведений, но и привлечет к ним интерес руководителей разведок противника. Они сочли Лилли человеком, вызывающим раздражение, не склонным к сотрудничеству, возможно даже подозрительным.

Вскоре у Лилли появились трудности в связи с его участием на встречах и конференциях. В качестве платы за сотрудничество с секретными службами большинство коллег соглашалось на признание своих работ секретными; это означало получение ими допуска, чтобы иметь к информации доступ[7]. Допуск Лилли к секретной информации был пересмотрен, затем задержан и утерян. Все это он посчитал давлением, оказываемым на него ЦРУ, с целью получения от него согласия на сотрудничество. Воображение Лилли не нуждалось в стимулировании, чтобы представить себе агентов ЦРУ, выполняющих опасные задания с имплантированными в их мозгу дистанционно управляемыми электродами. Поэтому он решил покинуть данную область исследований, так как физическое вторжение электродов слишком сильно травмирует, чтобы он мог согласиться на это.

В 1954 г. Лилли попытался изолировать функции мозга без внешнего стимулирования, посредством лишения его сенсорных впечатлений. Он работал в офисе по соседству с доктором Болдуином, который в следующем году согласился проводить предельные эксперименты по лишению людей сенсорных впечатлений для Морзе Аллена из проекта ARTISNOKE, но не признался Лилли, что работает в этой области. В то время как Болдуин экспериментировал со своим «боксом», предназначенным для ограничения сенсорных ощущений, Лилли

изобрел специальный «баллон» (бассейн). Тела плавали в этом бассейне, наполненном водой, имеющей температуру человеческого тела. На лицо подопытного надевали маску, позволяющую дышать, но не позволяющую видеть и слышать. Разумеется, руководители разведок вновь накинлись на Лилли, поскольку заинтересовались применением его бассейна в качестве инструмента для проведения допросов. Существовала ли возможность помещать людей в эти бассейны против их желания, чтобы сломать их волю до такой степени, после которой можно было изменить систему их верований или личность?

Основным в этическом подходе Лилли было его убеждение в том, что он сам должен быть первым испытуемым в любом эксперименте, а в случае с работой в замкнутом бассейне, направленной на исследование сознания, он и еще один сотрудник были единственными испытуемыми. Лилли понимал, что разведывательные службы интересовались ограничением сенсорных ощущений не с целью получения положительных результатов. В конце концов он пришел к выводу, что не может работать в Национальном институте здравоохранения (НИИ), не компрометируя свои принципы, и ушел в 1958 г.

В отличие от переживаний большинства людей, лично для Лилли ограничение сенсорных ощущений являлось захватывающим переживанием. Он причислял себя к ученым, которые субъективно исследуют дальние «странствия» разума. В серии личных экспериментов он пошел в направлении неведомого, сделав себе укол чистого ЛСД, прежде чем заключить себя в замкнутый бассейн[8]. Когда наступила пора контркультуры, Лилли стал культовой фигурой — с уникальным подходом к научным исследованиям, хотя многие члены научного сообщества считали его в каком-то смысле изгоем.

Известность во внешнем мире Лилли получил после выхода популярного фильма «День дельфина». В основе фильма — работа с дельфинами, которой Лилли занимался после ухода из НИИ. Актер Джордж Скотт сыграл ученого, который, подобно Лилли, любил дельфинов, проводил новаторские эксперименты, используя интеллект этих животных и пытаясь найти новые способы общения с ними. В фильме Скотт приходит в смятение, когда правительство использует его открытие (умение говорить с дельфинами) и обращает его на службу войне. В реальной жизни так же был приведен в смятение сам Лилли, когда ученые из ВМС США и ЦРУ стали обучать дельфинов для проведения специальных военных операций у берегов Вьетнама[9].

* * *

Некоторые ученые, как и Лилли, приняли решение не преступать определенные этические границы в экспериментальной работе, тогда как другие были готовы идти даже дальше, чем предлагали их спонсоры из проектов ARTICHOKE и MKULTRA. В самом ЦРУ ставился только один вопрос: будет ли данный метод работать? Руководство внимательно рассматривало каждый вариант, не щадя затрат на проверку любой возможности.

Ко времени завершения программы MKULTRA в 1963 г. исследователям из ЦРУ удалось обнаружить надежный путь «промывания мозгов»[10]. По словам одного из ветеранов MKULTRA, «все эксперименты завершались неудачей по той причине, что испытуемый по какой-либо причине отступал, или терял память, или становился кататоником». На основании таких работ, как исследования Камерона, руководители ЦРУ установили, что они могут превращать людей в «растения», но таких людей невозможно использовать в оперативных целях. Посредством пыток

их можно было заставить говорить все, что угодно, но никакая наука не могла гарантировать, что они будут говорить правду.

Несостоятельность методов «промывания мозгов» поставила ЦРУ в трудное положение, когда в феврале 1964 г. к американцам перебежал Юрий Носенко, занимавший высокий пост в КГБ Советского Союза. Он принес с собой удивившую многих информацию. Так, он сообщил, что русские «начинили» подслушивающими устройствами американское посольство в Москве. Это оказалось правдой. Кроме того, он назвал некоторых русских агентов на Западе и он заявил также, что лично просматривал файл Ли Харви Освальда, который несколькими месяцами ранее был убит, прежде чем смог предстать перед судом за убийство президента Кеннеди. Носенко сообщил, что, по его сведениям, КГБ не интересовалось Освальдом.

Говорил ли Носенко правду или он был «подсадной уткой» КГБ, посланной, чтобы отвести внимание американцев от Освальда? Была ли его информация правдивой или он сам был подосланным агентом? Действовал ли он, веря в свои сообщения? Верили ли люди из ЦРУ в его искренность? Эти и тысячи других вопросов составляли классическую колоду карт для шпионов, в которой у каждой карты с одной стороны имеется надпись «правда», а с другой — «ложь».

Высшее руководство ЦРУ настойчиво стремилось выяснить вопрос о правдивости Носенко. Поскольку в состоянии неопределенности оставались многие контрразведывательные операции, Ричард Хелмс, вначале в качестве заместителя директора, а затем директора ЦРУ, разрешил оперативникам подвергнуть Носенко допросу с использованием метода, которому он сам очень доверял. Этот метод не был разработан в рамках программы по «промыванию мозгов» («сыворотка правдивости», программа электросудорожной терапии при изменении паттерна). Хелмс провел Носенко через проверенный советский метод, заключающийся в изоляции заключенного с последующим сенсорным ограничением; после этого заключенный бывает, как правило, сломлен. Более трех лет, точнее говоря, 1277 дней, оперативники ЦРУ держали Носенко в одиночном заключении. Все выглядело так, будто они использовали в качестве руководства к действию исследование Хинкля-Вольфа, а в качестве образца опирались на случай с кардиналом Миндсенти. Оперативники наблюдали за Носенко днем и ночью, не оставляя его без наблюдения ни на одно мгновение. В его камере постоянно горела лампа. Ему не разрешали читать даже этикетки на тюбиках от зубной пасты. Когда он попытался отвлечься и изготовить комплект шахмат из хлопкового волокна, имевшегося в камере, охранники обнаружили это и вывели все волокна. В камере Носенко не было окна; в конечном итоге он был помещен в стальную камеру размером 12 × 12 м.

Носенко сломался. Он галлюцинировал. Он разговаривал со своими тюремщиками, которые допрашивали его в течение 292 дней, причем часто в то время, когда он был привязан к детектору лжи. Если он говорил правду, ему не верили. В то время как советская и китайская стороны показали, что они могут заставить человека сделать любое признание, сотрудники ЦРУ, проводя допросы, не имели, по-видимому, ясного представления, какого признания они бы хотели добиться от Носенко. Когда все было позади и по истечении трех с половиной лет незаконного задержания Хелмс отдал приказ об освобождении Носенко, некоторые руководители ЦРУ по-прежнему полагали, что он оставался агентом КГБ. И нерешенным остался большой вопрос: кем же был Носенко в

действительности? По этой проблеме среди сотрудников ЦРУ нет единого мнения.

Со случаем Носенко программа «промывания мозгов» совершила полный оборот. Встревоженные тактикой коммунистов, руководители ЦРУ исследовали всю проблему, приступили к реализации своего проекта и воспользовались новейшими технологиями, чтобы внести улучшения. Получив по истечении десяти лет исследований ужасающие результаты, руководители ЦРУ не создали сколько-нибудь надежных методов. И когда наступил критический момент, они обратились к грубым методам разведки советской системы.

Примечания

[1] Среди лидеров проекта от ВВС и Сухопутных сил были доктор Фред Уильямс из отдела психологических военных операций ВВС, Роберт Джей Лифтон, Эдгар Шейн, Альберт Бидерман и подполковник Джеймс Монро (офицер ВВС, который позднее перешел на работу в поведенческие программы ЦРУ).

[2] Возможно, что сам Камерон и не знал, что ЦРУ было конечным источником этих фондов, которые поступали по каналу, носившему название «Общество по исследованию экологии человека». В одном из документов ЦРУ утверждается, что Камерон не был осведомлен об этом, когда в 1957 г. начали действовать гранты; неизвестно также, узнал ли он когда-либо об этом.

[3] Камерон писал, что когда пациент вспоминал свои шизофренические симптомы, то шизофреническое поведение обычно возвращалось. Если амнезия на эти симптомы сохранялась, как это происходило согласно утверждению Камерона, то у подопытных обычно не отмечались рецидивы. Даже у своих «вылеченных» пациентов Камерон обнаружил, что тесты Роршаха* по-прежнему выявляют признаки шизофренического мышления, несмотря на улучшение поведения. Для непрофессионала это, возможно, означает, что метод Камерона относился только к симптомам, а не к причинам психических проблем. Не смущаясь, Камерон отмахнулся от этого противоречия как от «нерешенной загадки».

* **Герман Роршах** (1884-1984) — шведский психиатр. Изобрел тест, названный его именем, который заключается в интерпретации испытуемым набора чернильных пятен различной конфигурации и цвета. Тест Роршаха считается одной из наиболее точных методик для выявления психопатологических черт личности. — Науч. ред.

[4] Камерон написал в профессиональном журнале, что он давал пациентам не более двух сеансов электросудорожной терапии в день, но один из докторов, который проводил лечение по его назначению, говорит, что в начале лечения часто применялись три сеанса.

[5] В своем предложении, представленном группе экологии человека, Камерон писал, что его пациенты будут проводить «только» 16 часов в день с ограничением сенсорных ощущений при одновременном прослушивании стимулирующих лент (что означает предоставление некоторых внешних стимулов). Тем не менее один из коллег Камерона говорит, что некоторые пациенты, включая Мэри К., находились под постоянным воздействием стимуляторов. Находясь в постоянном поиске лучших путей, Камерон несомненно пытался применить оба варианта.

[6] Команда Клегхорна обнаружила незначительную потерю памяти при объективных проверках, таких как векслеровская шкала памяти, но они полагали, что эти тесты измеряли другую функцию памяти — краткосрочную, а не ту, которую подопытные объявляли пропавшей.

[7] Лилли и другие ветераны научных исследований, поддерживаемых правительством, отмечают, что существуют практические преимущества для ученого, согласного признать свои исследования секретными: это дает ему дополнительные права на правительственные фонды. Он находится тогда в положении, позволяющем утверждать, что, если его работа достаточно значима, чтобы быть секретной, она заслуживает получения денег.

[8] Как и в случае с работой над ЛСД, исследования по ограничению сенсорных ощущений имеют две стороны: контроль над разумом и трансцендентную сторону. Олдос Хаксли следующим образом писал о двух исследователях в этой области:

То, что люди, подобные Хеббу и Лилли, осуществляют в экспериментальных исследованиях, делали отшельники-христиане по всему миру, индийские и тибетские отшельники в удаленных твердых Гималаев. Моя собственная вера состоит в том, что эти переживания действительно говорят нам что-то о природе Вселенной, что они сами по себе обладают ценностью. Будучи воплощенными в нашу картину мироздания, эти переживания существуют в обычной жизни.

[9] В программе, названной «уничтожение пловца», связанные с правительством ученые обучали дельфинов, вооруженных прикрепленными к их мордам иглами, нападать на вражеских водолазов*. Дельфины несли баллоны со сжатым воздухом, которые выбрасывали подводника на поверхность. Ученый, который работал в рамках этой совместной программы ЦРУ и ВМС, рассказывает, что некоторые дельфины, посланные во Вьетнам в конце 60-х гг., покинули свои камеры и исчезли, что было неслыханным поведением для обученных дельфинов. Джон Лилли подтверждает, что группа морских млекопитающих исчезла из залива Кам Ран (**Cam Ranh Bay**). Он добавляет, что слышал, будто некоторые из них позднее вернулись со следами травм на теле и плавниках, нанесенных другими дельфинами.

* Использование дельфинов было только частью обширной программы военного использования морских млекопитающих **Navy's Marine Mammal Program**, которая, помимо указанных выше, преследовала еще следующие цели: обнаружение подводных объектов, осуществление коммуникации между надводными и подводными объектами (сообщения грузы), вывод подводников на поверхность и др. — Науч. ред.

[10] После 1963 г. Директорат ЦРУ по науке и технике продолжал проводить исследования мозга, результаты которых неизвестны (см. главу 12).

Глава 9

Экология человека

Задолго до того, как Гарольд Вольф и Лоренс Хинкль завершили в 1956 г. свои исследования по «промыванию мозгов» для Аллена Даллеса, Вольф попытался расширить свою роль в исследованиях и операциях ЦРУ. Он предложил руководству ЦРУ сотрудничество своих коллег по Корнельскому университету, где он преподавал неврологию и психиатрию в медицинском колледже. В своих предложениях Вольф разъяснял руководству, что для понимания поведения человека (а также возможностей манипулирования его поведением со стороны

правления) необходимо изучать человека в связи с окружающими его условиями. Введя термин «экология человека», он вовлек в сферу ее изучения такие дисциплины, как психология, медицина, социология, антропология. В академическом мире начала 50-х гг. такой комплексный подход представлял собой новшество, новым было и слово «экология», но он нашел понимание у руководства ЦРУ. Подобно Вольфу, оно значительно опережало тенденции, существовавшие в бихевиористике.

Вольф наметил некоторые проблемы по исследованию экологии человека и предложил партнерские отношения с ЦРУ по применению этих знаний в практической деятельности. В то время изучение данных вопросов представлялось перспективным, и Вольф был полон энтузиазма, предпринимая всевозможные усилия по овладению новыми знаниями и их практической реализации. Поняв характер функционирования разума, он собирался, по его словам, «объяснить ЦРУ способы, с помощью которых можно было бы заставить человека думать, чувствовать и вести себя в соответствии с желаниями других людей, и, наоборот, способы, позволяющие человеку избежать такого влияния».

Понятия, которые могут в настоящее время показаться наивными и безнадежными, не казались столь бесперспективными в разгар холодной войны. А профессиональная подготовка Вольфа придавала вес его идеям. Как и доктор Камерон, он был не только теоретиком. Он занимал пост президента Нью-Йоркской неврологической ассоциации, а в 1960 г. стал президентом Американской неврологической ассоциации. В течение нескольких лет он был главным редактором журнала «Архивы неврологии и психиатрии» Американской медицинской ассоциации. Как по служебному положению, так и в силу своей личности Вольф производил большое впечатление. Руководители ЦРУ почтительно прислушивались к его суждениям о том, как врачи и шпионы могли бы совместно трудиться, чтобы помочь миру, если уж не удастся спасти его. Руководители ЦРУ также никогда не забывали о том, что Вольф сблизился с директором Алленом Даллесом в то время, когда он лечил травму головы, полученную сыном Даллеса. Специальная неврологическая практика Вольфа привела его к мысли, что заболевания мозга, как и мигрень, вызываются отсутствием гармонии между человеком и окружающими его условиями. По этому поводу он писал в ЦРУ: «Проблема, перед которой стоит врач, сходна с проблемой, перед которой оказывается следователь-коммунист». Оба стремятся вновь привести своего подопечного к гармонии с окружающими его условиями, будь то проблема головной боли или идеологических расхождений. Вольф полагал, что целебное воздействие любого нового метода допроса естественно перейдет в излечение пациента, и наоборот. Ему представлялось, что, согласно советской модели, он сможет помочь своим пациентам, переведя их в состояние изоляции, лишения ориентации, при котором у человека легче создать новые поведенческие паттерны. Хотя изоляционные камеры русского типа не нашли практического применения в Корнеле, Вольф надеялся быстрее добиться того же эффекта путем ограничения сенсорных ощущений. Он сообщил ЦРУ, что камеры с ограничением сенсорных ощущений вполне обоснованно могут считаться составной частью курса излечения симптомов мигрени; они могут сделать пациента более восприимчивым к психотерапевтическим внушениям». Он предлагал содержать своих пациентов в условиях сенсорного ограничения до тех пор, пока они не «начнут проявлять возрастающее стремление говорить и завершить процедуру испытаний». Тогда, предположил он, врачи смогут «использовать материал из собственного опыта, чтобы создать психологические реакции внутри себя». Эта процедура имеет большое сходство со сталинскими

методами. Нельзя сказать, удалось ли Вольфу использовать ее сколько-нибудь успешно в интересах пациентов Корнеля. Вольф предложил разработать методы использования распространенных культурных и социальных процессов в экологии человека при тайных операциях. Он понимал, что у каждой страны существуют собственные обычаи воспитания детей, военной подготовки и почти во всех областях взаимодействия людей. С точки зрения ЦРУ, заметил он, социологическую информацию такого рода можно применять главным образом для обучения людей. Он отличал методы мотивации от «специальных методов», которые, как он полагал, «были в большей степени сопряжены с разрушением, совращением, допросами». Он предлагал исследовать эти методы и просил у ЦРУ дать ему доступ ко всем материалам, имеющим отношение «к угрозам, принуждению, тюремному заключению, изоляции, утратам, унижению, пыткам, “промыванию мозгов”, “черной психиатрии”, гипнозу и сочетанию этих компонентов с химическими препаратами». Помимо простого исследования Вольф предложил использовать пациентов Корнельского университета в экспериментах по «промыванию мозгов» до тех пор, пока будет даваться гарантия, что никто не будет травмирован. К этому он добавил, что рекомендовал бы ЦРУ проводить эксперименты с возможным нанесением травм подопытным при условии их проведения в других местах. Очевидно, он понимал, что только большой объем данных, перемещающихся между ученым и шпионом, может способствовать появлению оптимальных методов исследований.

В 1955 г. Вольф назвал свою исследовательскую группу, которую финансировало ЦРУ, Обществом по исследованию экологии человека, а себя назвал его президентом[1]. Через это общество Вольф развил деятельность в пользу ЦРУ, и его организация превратилась в контролируемый ЦРУ механизм финансирования исследований и экспериментов, связанных с бихевиористикой.

На начальных этапах существования общества руководство ЦРУ доверяло Вольфу и его непроверенным идеям, связанным с секретами шпионажа. В результате новая дисциплина — экология человека — должна была ввести все стадии исследований и их применения в единый непрерывный процесс. Поскольку сотрудники ЦРУ оказались перед проблемой, настоятельно требующей своего решения, необходимо было ускорить разработку традиционных академических методов. Как объясняет Л.Хинкль, «их беспокоило то, что китайцы разоблачили их агентов в Китае... Реально они хотели найти китайцев (в Америке), направить их к нам и превратить в агентов». Вольф принял этот вызов и предложил, чтобы корнельская группа скрыла свои истинные цели под покровом исследований «экологических аспектов заболеваний» среди китайских беженцев. ЦРУ предоставило этому проекту 84 175 долл. (около 30 % той суммы, которую оно ассигновало на Корнельский университет в 1955 г.) и предоставило в распоряжение исследовательской группы 100 китайских беженцев для проведения с ними экспериментов. Почти все подопытные учились в США, когда коммунисты пришли к власти в материковом Китае в 1949 г., поэтому в возрасте 30 лет они стали перемещенными лицами.

ЦРУ больше всего беспокоила, по выражению одного из сотрудников проекта ARTISHOKE, «угроза безопасности», связанная со сведением в одно место такого количества агентов. Тем не менее руководство ЦРУ решило идти вперед. Вольф обещал рассказать им об особенностях китайского характера, и они признали преимущества, которые могли получить благодаря пониманию паттерна

поведения китайца. Помимо того, Вольф обещал выбрать потенциально наиболее полезных агентов. Общество экологии человека предполагало предложить выбранным кандидатам членство и подвергнуть их более интенсивным допросам, поставить в более стрессовые ситуации. Идея состояла в том, чтобы выяснить проблемы, связанные с их личностью, прошлым и мотивациями, определить их действия в затруднительных условиях, например в случае возвращения в Китай в качестве американских агентов. В процессе исследований Вольф надеялся сформировать из этих китайцев таких людей, которые согласятся работать на ЦРУ. Беспокоясь о сохранении Корнельского университета в качестве прикрытия, он настаивал на том, чтобы вербовку желательных для ЦРУ агентов осуществляли оперативники, не связанные с рассматриваемым проектом.

Наконец, Вольф планировал ознакомить каждого агента с методами, позволяющими противостоять определенным формам жесткого допроса, который может ожидать его при возвращении в Китай. Руководители ЦРУ хотели «заранее подготовить» агентов, создав долгосрочную мотивацию, «на которую не повлияют ни время, ни прямая психологическая атака противника». Иными словами, сотрудники ЦРУ планировали произвести «промывание мозгов» своих агентов, чтобы защитить их от «промывания мозгов», которое могут осуществить китайцы.

Все было покрыто завесой секретности, по меньшей мере в теории. Вольф собирался взять группу из 100 беженцев, превратив максимальное число людей этой группы в агентов, работающих в Китае, которых нельзя будет раскрыть. Он планировал быстро осуществить это с использованием Общества экологии человека. Это было работой, за которую корнельский профессор взялся в дополнение к преподавательской деятельности.

Вольф принял на работу над проектом коллектив, состоящий из психологов, психиатров и антропологов. Он преодолевал сомнения коллег и правительственные запреты. Приняв на работу сотрудницу без допуска ЦРУ к секретной работе, он просто солгал ей, скрыв от нее источник финансирования. Его партнер Хинкль объяснял его поведение «властной натурой Вольфа. Если бы собака во время его лекции нагадила в аудитории, он не прервал бы лекцию, продолжил бы ее чтение». Даже люди из ЦРУ скоро поняли, что с Гарольдом Вольфом шутки плохи. Один из сотрудников ЦРУ, вспоминая Вольфа, говорит: «Я не знаю ни одного человека в ЦРУ, который не робел бы перед ним. Это был властный человек. Ему не надо было ни с кем спорить. Мы все относились к нему с величайшей почтительностью. Он вращался в высоких сферах. На вид это был маленький жилистый человечек, но стоило поговорить с ним о контроле над разумом... Он принадлежал к тем, кто контролировал разум».

От имени Общества экологии человека ЦРУ ежемесячно платило 1,2 тыс. долл. в месяц за дом в Нью-Йорке на Манхэттене, на 78-й Восточной улице; там располагалась корнельская группа и ее исследовательские проекты. Технические специалисты отправились в декабре 1954 г. в Нью-Йорк, чтобы установить подслушивающую аппаратуру вокруг здания. Такие устройства, а также сейфы, охранники и иные меры предосторожности придавали этому городскому зданию вид, отличный от академического центра, каким он должен был казаться. Связники из ЦРУ проводили встречи с Вольфом и его сотрудниками в надежно охраняемом помещении; все они внимательно наблюдали за 100 китайцами, помещенными в находившемся неподалеку здании Корнельского госпиталя. Каждому подопытному обществу выплачивало ежедневно по 25 долл., и

исследователи могли тестировать и проверять их, узнавая все что можно о китайцах, по крайней мере о китайцах, принадлежащих к среднему классу и относящихся к антикоммунистически настроенным перемещенным лицам.

Сомнительно, что кто-либо из китайцев Вольфа вернулся на родину в качестве агента ЦРУ или что были реализованы все его предложения. В любом случае проект был прерван в середине его реализации. Это случилось в результате значительной перетряски всей программы ЦРУ по контролю над разумом. В начале 1955 г. Сид Готлиб и его группа из TSS приняли на себя значительную часть функций проекта ARTICHOKE, включая общество, отняв их у Морзе Аллена и сыщиков из Отдела безопасности. Сотрудники, работавшие по программе MKULTRA, попытались быстро превратить общество в организацию, которая выглядела и функционировала как законный официальный фонд. Вначале они сглаживали какие-то шероховатости тайных операций. Невооруженному взгляду были видны «жучки» и сейфы, столь дорогие Морзе Аллену и компании. Новая группа даже предпринимала какие-то усилия (в основном безуспешные), чтобы привлечь новые средства от ЦРУ. Однако самые значительные изменения состояли в том, что корнельские профессора должны иметь дело с представителями ЦРУ, которые являлись учеными и были одержимы собственными идеями в отношении исследований. До этого момента профессора из Корнелля могли удерживать вовлеченность ЦРУ в рамках, приемлемых для них. В то время как Вольф никогда не переставал стремиться исследовать самые дальние пределы управления поведением, его коллеги не хотели доходить до крайних пределов (по меньшей мере под прикрытием Корнелля).

Никто не желал приравнять проекты MKULTRA к исследованиям, проводимым в «башне из слоновой кости», однако люди Готлиба придерживались более академического подхода к изучению поведения человека, чем их предшественники. Те, кто работал в рамках программы MKULTRA, понимали, что не каждый проект даст незамедлительные результаты. Они все меньше полагались на возможность создания единственной методики, которая позволит превратить агентов в марионеток. Они все в большей степени считали возможным поэтапно овладевать знанием о поведении человека, концентрируясь на решении некоторых задач, которое позволяло влиять на подопытных и манипулировать ими. «Вы будете в выигрышном положении, если заставите людей делать что-либо на 10 % чаще, чем это происходило бы без вашего вмешательства», — утверждает один из ветеранов MKULTRA.

Соответственно, в 1956 г. Сид Готлиб одобрил выделение 74 тыс. долл. на разработку Обществом экологии человека мер, способствующих тому, чтобы люди покидали свои страны и сотрудничали с иностранными государствами. Руководители проекта MKULTRA считали, что, если им удастся понять, что заставляло агентов работать в прошлом, это поможет им завербовать новых сотрудников. В то время как хорошие оперативники, казалось, инстинктивно знали, как обращаться с завербованным агентом (или полагали, что знают это), люди из MKULTRA надеялись разработать систематические, или даже научные, методы. Открыто Гарольд Вольф придавал создаваемой им программе вид последовательно совершенствуемой программы, основанной на старых проектах, сообщая ЦРУ, что «возможно изучать поведение иностранцев под видом медико-социологических исследований». (Он сообщал своим спонсорам из ЦРУ, что «хотя и будет получена некоторая общезначимая научная информация, это само

по себе не будет достаточным обоснованием для проведения исследования такого типа»). Тайно же он заявлял, что целью его исследований является оценка социального и культурного фона, окружающего перебежчиков, их жизненного опыта и структуры их личности, что позволит понять их мотивацию, системы ценностей и вероятные будущие реакции.

Венгерская революция 1956 г. произошла в то время, когда было развернуто изучение психологии перебежчиков. И с одобрения ЦРУ Общество экологии человека решило заняться изучением 70 венгерских перебежчиков этого периода. К этому времени большая часть команды Вольфа прошла этап изучения «промывания мозгов» и знакомства с перемещенными китайцами. Хотя не все члены команды были осведомлены о специфических интересах ЦРУ, они проводили исследования с целью получить ответы на вопросы, которые представляли интерес для руководства ЦРУ. Они провели венгров через серию тестов и наблюдений в течение шести месяцев (китайцев обследовали в течение полутора лет).

Общество экологии человека сообщило, что большинство подопытных венгров воевало против русских во время революции, что они пережили крайне трудное время, испытав аресты, плохое обращение, политическое перевоспитание. Психологи и психиатры установили, что те лица, которые пережили трудные времена с наименьшими проблемами, имели наибольшие отклонения в поведении. В группе пришли к выводу, что «данное наблюдение подтверждает предположение, согласно которому здоровые люди не всегда “нормальны”, это люди, наиболее приспособленные к специфическим жизненным ситуациям».

В то время как руководству ЦРУ понравилась идея, что изучаемые ими венгры не поддались коммунистическому влиянию, оно понимало, что работает не с типичной выборкой. Американские визовые ограничения не допускали въезд в США беженцев, принадлежавших к левому крылу, а также бывших коммунистических руководителей. Поэтому, как отмечалось в одном из позднейших документов MKULTRA, Общество экологии человека сосредоточилось на изучении «ориентированных на Запад правых элементов, которые никогда не были полностью приняты» в послевоенной Венгрии. Исследователи из ЦРУ сознавали, что вклад этих людей в дело понимания процесса изменения лояльности руководителей-коммунистов будет весьма невелик.

Для расширения базы данных руководители MKULTRA решили в марте 1957 г. оказать анонимную помощь. Они заключили контракт с социологами Университета Рутгерс Ричардом Стивенсоном и Джейм Шульманом «на максимальное освещение состояния коммунистической системы в канун революции». Университетские профессора начали свою деятельность с интервьюирования 70 венгров в Корнельском госпитале Нью-Йорка, и Шульман отправился в Европу для разговоров с разочарованными коммунистами, бежавшими из своей страны. С оперативной точки зрения именно эти люди представляли интерес для ЦРУ, но как социалисты они отказались бы от сотрудничества с ЦРУ (если бы знали о нем)[2].

Джей Шульман тоже отказался бы. Узнав почти через 20 лет, что ЦРУ оплачивало его труды и видело его доверительные интервью, он почувствовал себя оскорбленным. Он говорит:

В 1957 г. я сам был псевдомарксистом; если бы я знал, что это исследование финансировалось из ЦРУ, я бы никогда не связался с ним. По-моему, социологи несут глубокую личную ответственность за определение источников финансирования, и тот факт, что я в то время этого не сделал, был, по моему мнению, просто признаком моей наивности и политической невинности, несмотря на мой политический уклон.

Обман Шульмана и венгерских беженцев ни в коей мере не тревожил людей из MKULTRA. Согласно утверждению одного из помощников Готлиба, один из сильнейших доводов в пользу программы изучения экологии человека состоял в том, что она позволяла ЦРУ использовать политических беженцев, которые в противном случае не могли бы получить допуск к секретным работам. По его утверждению, эти левые социологи были порой очень хороши. Ветеран MKULTRA комментирует упреки Шульмана следующим образом:

Если бы мы пошли к этому парню и сказали, что мы из ЦРУ, он никогда бы не сделал этого. Они были рады получить деньги в том мире, где мало кто готов был оказать им поддержку... Они не должны жаловаться на плохое обращение или на то, что их просили сделать что-то, чего они не выполнили бы при нормальных обстоятельствах.

Общество экологии человека вскоре превратилось в канал, по которому деньги из ЦРУ стали поступать на проекты, выполняемые за пределами Корнеля (например, в Рутгерсе). Для этих грантов Общество предоставляло только прикрытие и административную поддержку в виде уважаемых имен Корнеля и Гарольда Вольфа. С 1955 по 1958 г. руководство ЦРУ передавало через Общество средства для исследования сексуальных психопатов в Университете Ионии (штат Мичиган)[3], расположенном в сельской местности на берегу Гранд-Ривер, в 120 милях к северо-западу от Детройта. В основу данного проекта была положена гипотеза, согласно которой у педофилов и насильников имелись отвратительные тайны, глубоко скрытые в их душе. Считалось, что они столь же мало были склонны признаваться в них, как и шпионы, не желающие раскрывать свои секреты. Люди из MKULTRA полагали, что любой метод, воздействующий на сексуального психопата, будет столь же эффективным в отношении зарубежного агента. Опираясь на содействие психологов и психиатров, связанных с психиатрическими учреждениями штата Мичиган и правоохранительной системой Детройта, они разработали программу испытаний ЛСД и марихуаны с ведома и без ведома испытуемых; иногда дополнительно использовался гипноз. Из-за административных задержек врачи штата Мичиган смогли провести эксперименты только на 26 заключенных: это были сексуальные преступники, приговоры которым были признаны неконституционными. Под эгидой Общества экологии человека, а также по другим каналам MKULTRA был продолжен поиск «наркотика правды».

Проект Ионии был своего рода экспансионистской деятельностью, которая доставляла много беспокойства если не Вольфу, то уж, наверное, администрации Корнеля. К 1957 г. Корнель был уже готов к отказу от сотрудничества. В то же время спонсоры из ЦРУ решили, что Общество переросло период зависимости от Корнеля в отношении академического прикрытия, что тесные связи с ним могут воспрепятствовать дальнейшему расширению академических связей, столь чувствительных к межорганизационным конфликтам. Один из руководителей ЦРУ записал, что Обществу «следует предоставить более значительный представительский статус среди исследовательских организаций, чтобы повысить его эффективность в качестве организации прикрытия». Получив большую свободу в распоряжении финансами, оно, по мнению руководства ЦРУ, приобретет большую свободу действий в академическом мире в отношении финансирования научных работ, которые будут способствовать проведению тайных операций. Тем самым ЦРУ несколько нарушило установившиеся связи между Обществом и Корнелем.

Группа экологии человека покинула дом на 78-й Восточной улице, который всегда казался чрезмерно шикарным для университетской программы, и разместила новый штаб в Форест-Хиллз, в Квинзе, хотя это место представляется неподходящим для фонда с хорошими связями[4]. Руководство ЦРУ наняло штат из четырех человек во главе с подполковником Джеймсом Монро, которые тесно сотрудничали с ЦРУ в качестве головной группы, изучавшей корейских военнопленных. Сид Готлиб и руководство TSS в Вашингтоне по-прежнему принимали основные решения, но Монро и штат Общества, получавшие зарплату из ЦРУ, взяли на себя связи Общества с внешним миром и распоряжение несколькими сотнями тысяч долларов в год на исследовательские проекты. Монро лично распоряжался десятками грантов, включая работу доктора Камерона в Монреале по «промыванию мозгов». И вскоре Общество превратилось в процветающий новаторский фонд, привлекательный для различных ученых-бихевиористов, в то время как эти люди (особенно те, кто придерживался нетрадиционных взглядов) были все еще пасынками представляющего гранты ученого мира.

После отделения Общества от Корнелия Вольф и Хинкль остались в совете директоров Общества в качестве президента и вице-президента, соответственно. В совете остался и доктор Джозеф Хинси, глава Нью-Йоркского госпиталя при Корнельском медицинском центре. Аллен Даллес продолжал лично интересоваться работой Общества и появился на одной из первых встреч нового совета директоров, который, как это было принято в ЦРУ, включал ряд известных имен. Имена научных светил придавали предприятию представительность, хотя играли в основном чисто формальную роль. В 1957 г. членами совета были Джон Уайтхорн, заведующий кафедрой психиатрии в Университете Джона Гопкинса, Карл Роджерс, профессор психологии и психиатрии в Висконсинском университете, и Адольф А. Берл, некогда помощник государственного секретаря и председатель либеральной партии Нью-Йорка[5]. Берл изначально свел своего близкого друга с руководителями ЦРУ и по просьбе последнего вошел в совет директоров Общества, несмотря на некоторые оговорки. В своем дневнике Берл записал:

Я опасюсь одного. Если ученые сделают то, что они запланировали, то люди превратятся в манипулируемых муравьев. Но я не думаю, что это произойдет.

Приступая к работе, руководство ЦРУ и академики обменивались старомодными любезностями и выдвигали встречные условия. Даже Гарольд Вольф, переполненный наибольшим энтузиазмом из ученых-шпионов, с самого начала объяснил работодателям, что ожидает достойного вознаграждения за свои услуги. Согласно утверждению его коллеги Хинкля, который высоко ценил Вольфа как одного из величайших получателей грантов своего времени, Вольф ожидал, что ЦРУ «будет поддерживать наши исследования, а мы будем их консультировать». Вольф прямо проинформировал ЦРУ о том, что часть его исследований не найдет практического применения, «за исключением того, что они значительно повысят нашу ценность... в качестве консультантов и советников». Иными словами, Вольф полагал, что его ценность для ЦРУ возрастет пропорционально его профессиональным достижениям, которые, в свою очередь, частично зависели от ресурсов, находившихся в его распоряжении. Люди из ЦРУ поняли его, и во второй половине 50-х гг. они охотно передали Вольфу на исследования мозга и центральной нервной системы почти 30 тыс. долл. В свою очередь, Вольф и его

репутация помогли им получать доступ к другим ведущим светилам академического мира.

Еще одним человеком, получившим выгоду от фондов Общества экологии человека, был Карл Роджерс, которого Вольф также попросил войти в совет директоров. Роджерс, позднее получивший известность своим неавторитарным подходом к психотерапии, относился с уважением к работе Вольфа и не возражал против оказания содействия ЦРУ. Хотя он и говорит, что сегодня не стал бы сотрудничать с секретными службами, все же просит учитывать климат 1950-х гг. Роджерс отмечает, что они относились к России как к врагу и пытались проводить всевозможные исследования, которые не позволили бы русским занять главенствующее положение. Роджерс получил значительное профессиональное вознаграждение за участие в совете директоров Общества. Исполнительный директор Джеймс Монро сообщил ему, что если он согласится стать одним из членов совета директоров, то может рассчитывать на получение гранта от Общества. По словам Роджерса, «это показалось мне очень привлекательным, поскольку у меня были трудности с финансированием моих исследований. Получив обещанный грант (около 30 тыс. долл. на три года), я смог получить гранты от Рокфеллеровского фонда и от NIMH (Национального института психического здоровья)». Роджерс до сих пор благодарен Обществу за помощь, но подчеркивает, что ЦРУ никогда не влияло на его исследования.

Хотя психолог программы MKULTRA Джон Гиттингер полагал, что работы Роджерса в области психотерапии могли оказаться полезными в разработке методов допросов, Общество не предоставило Роджерсу денег на его исследования. Полученный им грант позволял, при желании, пользоваться его услугами в качестве консультанта и предоставлял, согласно документу ЦРУ, «свободный доступ» к его проекту. Но прежде всего этот грант позволял ЦРУ использовать имя Роджерса. Его положение в научном мире создавало дополнительное прикрытие Обществу экологии человека, что, по мнению руководства ЦРУ, играло важную роль в деле маскировки участия Разведывательного управления в деятельности Общества.

Статус профессора Чарльза Осгуда в психологии также создавал дополнительное прикрытие Обществу, но его исследования были более выгодны для ЦРУ в прямом смысле, и люди из MKULTRA заплатили намного больше, чтобы получить возможность распоряжаться ими. В 1959 г. Осгуд, который через четыре года стал президентом Американской психологической ассоциации, хотел проводить свои исследования далее, чтобы выяснить, как люди в различных обществах выражают одни и те же чувства, используя различные слова и концепции. Осгуд писал в «абстрактной концептуальной манере», однако руководители ЦРУ считали, что его исследования имеют «прямое отношение» к тайным операциям. Они полагали, что могут применять сведения Осгуда о «скрытых ценностях и ключах» при общении людей в целях более эффективной зарубежной пропаганды. Работа Осгуда предоставила им инструмент под названием «семантический дифференциал», позволяющий выбрать требуемые слова на иностранном языке для передачи желаемого смысла.

Как и Карл Роджерс, Осгуд получил первую внешнюю субсидию на самую важную для себя работу от Общества экологии человека. Осгуд попросил о поддержке, прямо обратившись в ЦРУ, и вскоре с ним заключили пятилетний контракт на 192 975 долл. на проведение исследовательских работ. Эти деньги позволили ему совершить длительные путешествия и распространить свои

исследования на 30 культур. Позднее, как и Роджерс, Осгуд получил затем субсидии от NIMH на завершение своих исследований, но он признает, что гранты Общества экологии человека сыграли важную роль в его исследованиях. Он подчеркивает, что «в то время по отношению к ЦРУ не было тех чувств, которые существуют в наши дни в смысле осуждения противоправной деятельности», и далее замечает, что Общество не оказывало какого-либо влияния на проводившиеся им исследования. Правда, люди, работавшие в Обществе, могли разговаривать с ним о его работе и делали это. Они задавали вопросы, отражавшие их тайные интересы, не касавшиеся его академических исследований, и «выуживали» у него подробные сведения, по утверждению одного из них. Осгуд приступил к изучению межкультурных связей задолго до получения грантов в Обществе экологии человека, однако поддержка Общества позволила ему продолжить работу в том масштабе, который соответствовал как целям ЦРУ, так и его собственным.

Целая серия ассигнований, названных «грантами прикрытия», служила только решению одной задачи — созданию фиктивного фасада Общества. Сюда входило социологическое исследование в Левиттауне на Лонг-Айленде (около 4,5 тыс. долл.), анализ черепа монголоида из Центральной Азии (700 долл.) и изучение отношения к внешней политике людей, владеющих убежищами от радиоактивных осадков, в отличие от людей, таких убежищ не имеющих (2,5 тыс. долл.). Грант в 500 долл. был выделен университету Стамбула на изучение влияния обрезания на турецких мальчиков. Исследователь установил, что юные турки, которым обрезание производилось в возрасте от 5 до 7 лет, «переживали сильный эмоциональный шок, сопровождающийся симптомами ухода в себя». Дети рассматривали болезненную операцию как «акт агрессии», который пробуждал к жизни скрытые ранее страхи, во всяком случае, такого мнения придерживались в Обществе экологии человека.

В других случаях Общество вкладывало деньги в проекты, роль которых в проведении тайных операций была столь маловероятна, что только эксперт мог обнаружить такую вероятность. Тем не менее в 1957 г. Общество ассигновало 5570 долл. социальным психологам Музаферу и Кэролин Вуд Шериф из Университета Оклахомы на исследование поведения подростков, объединенных в банды. Супруги Шериф, которые не были осведомлены о роли ЦРУ в этих исследованиях[6], изучали структуры подростковых групп и отношения в бандах и пытались отыскать пути введения антисоциального поведения подростков в более конструктивные каналы. Полученные ими результаты фильтровались сотрудниками секретных подразделений ЦРУ. По утверждению одного из источников в программе MKULTRA, «ведя борьбу с подростковыми группировками, вы получали на месте перебежчиков, которые стремились регулировать поведение подростков в группировках. Выявление перебежчиков в среде юных правонарушителей мотивационно не очень сильно отличалось от отыскания советского перебежчика».

Совершенно очевидно, что руководители MKULTRA занимались использованием своих грантов для установления контактов и связей с престижными академиками. Общество ежегодно вносило 1,5 тыс. долл. на издание бюллетеня «Исследование психического здоровья», которое осуществлялось в Университете Макджилла кафедрами социологии и психиатрии. Антрополог Маргарет Мид, широко известная в культурологических кругах, вошла в его попечительский совет (среди прочих его членов был и доктор Камерон), и Общество использовало ее имя в своем двухгодичном отчете. Общество также предоставило гранты на сумму

2,6 тыс. долл. известному психологу из Лондонского университета Г.Дж.Айзенку на его работу, посвященную проблемам мотивации. В одном из документов MKULTRA отмечалось, что это исследование «не будет иметь непосредственного отношения к нуждам ЦРУ, но оно придаст Обществу престиж».

Гранты Айзенку позволили Обществу взять кредит под не менее чем девять из его публикаций в отчете за 1963 г. В следующем году Общество смогло приобрести часть работ самого известного бихевиориста Б.Ф.Скиннера из Гарвардского университета. Скиннер, который пытался обучить голубей управлять бомбами во время Второй мировой войны, получил от Общества экологии человека грант в 5 тыс. долл. на обеспечение исследований, которые легли в основу его книги «Свобода и достоинство». Скиннер не помнит о гранте и его источниках, поэтому говорит: «Мне не нравится засекречивание. Я не понимаю, почему нельзя делать все открыто, без таинственности».

Один из источников TSS объясняет, что подобные гранты «покупают Обществу законность» и делают получателя «благодарным». Он говорит, что выданные деньги позволяли сотрудникам ЦРУ в Обществе экологии человека звонить Скиннеру или иному получателю гранта и консультироваться с ним по любой проблеме. Аналогично другой участник проекта MKULTRA, психолог Джон Гиттингер, говорит об отношениях между Обществом и Эрвином Гоффманом из Пенсильванского университета, которого многие считают ведущим теоретиком-социологом. Общество дало ему грант на завершение работы над книгой, которая была бы опубликована в любом случае. В результате Гиттингер имел возможность часами обсуждать с ним среди прочих вопросов свою статью об отношениях с доверенными лицами. По мнению Гиттингера, эти люди были экспертами по вопросам манипулирования поведением, и Гоффман «позволил нам лучше понять методы, которыми люди пользуются для установления фальшивых отношений» (а этой проблемой очень интересовалось ЦРУ).

Чтобы быть в курсе новых разработок в области бихевиористики, представители Общества регулярно посещали получателей грантов и узнавали, чем они и их коллеги занимаются. Некоторые осведомленные профессора вполне сознательно становились шпионами. Они передавали своим посетителям профессиональные сведения, неопубликованные статьи. Престиж получателей грантов Общества экологии человека также помогал ЦРУ получать доступ к ученым-бихевиористам, не связанным с Обществом. По словам одного из ветеранов MKULTRA, «можно было войти в любой кабинет и сказать, что вы только что говорили со Скиннером. Мы делали это без колебаний. Имена использовались в качестве пропуска».

Общество не ограничивало сбор разведывательных данных Соединенными Штатами. Как говорит один из сотрудников ЦРУ, «Общество дало нам законное основание общаться с академическим миром в различных странах». Руководство ЦРУ регулярно использовало Общество в качестве прикрытия во время поездок в другие страны при изучении поведения иностранцев, представляющих интерес для ЦРУ, включая таких известных лидеров, как Никита Хрущев. Общество субсидировало зарубежных исследователей, а также предоставляло средства американским профессорам на сбор информации за рубежом. В 1960 г., например, Общество субсидировало изучение советской психологии, просто выделив 15 тыс. долл. через Американскую психологическую ассоциацию на поездку по Советскому Союзу десяти известных американских психологов. Девять человек из десяти не знали об участии ЦРУ в этом мероприятии, однако руководители ЦРУ имели возможность опросить всех членов группы после их возвращения.

Затем Общество субсидировало созыв конференции и выход книги, в которой каждый участник поездки написал по одной главе. Книга обошлась ЦРУ в 5 тыс. долл., однако представляется, что 20 тыс. долл. не являются чрезмерно высокой платой за собранную информацию. Психологи, за исключением заранее проинформированных, не сделали во время поездки ничего, чего не совершили бы в любом случае, а научное сообщество обогатилось за счет полученной информации. Единственным нарушением нормы было пренебрежительное отношение к открытости и доверию, свойственным, как правило, академическим исследованиям. Превратив ученых в шпионов (даже без их ведома), руководители ЦРУ поставили под угрозу репутацию американских исследователей и укрепили существующее во многих странах убеждение в том, что провозглашение в США академической свободы и независимости от государства является чистым лицемерием.

Секретность давала ЦРУ степень свободы от нормальных академических ограничений и бюрократических проволочек, и люди из MKULTRA использовали эту свободу, чтобы сделать свои проекты более привлекательными. Как вспоминает психолог и психиатр Мартин Орн, который получил грант на поддержку своих гарвардских исследований по гипнозу, Общество требовало, чтобы «не поступали глупые доклады об успехах». В качестве дальнейшего свидетельства щедрости и доверия Общество дало Орну следующий нецелевой грант на 30 тыс. долл.[7] Орн мог его использовать по своему усмотрению и считал, что деньги были «случайным вложением» в его работу; с этим согласны руководители MKULTRA. Один из них говорит:

Мы могли пойти к Орну в любое время и сказать: «Предположим, что имеется ситуация и есть подходящий человек. Чего мы смогли бы достичь, если бы удалось его загипнотизировать?». Благодаря своим знаниям он мог размышлять и советовать.

Целая группа других получателей грантов также исполняла сходные роли в качестве консультантов ЦРУ в области своей компетенции.

В целом Общество экологии человека служило окном ЦРУ в мир исследований проблем, связанных с изучением поведения человека. Ни одно явление не могло избежать внимания Общества, будь то экстрасенсорная перцепция или африканские целители. По воспоминаниям одного из ветеранов MKULTRA, «существовали совершенно невероятные схемы. Вы ведь знаете, что Эйнштейна считали сумасшедшим. Но вы не можете полностью исключить вероятность того, что какая-то безумная идея работает». Люди из проекта MKULTRA, согласно тому же ветерану, знали, что 90 % всего, что мы делали, «не приносило пользы» ЦРУ. Однако при возможности ставить вопросы шире, чем это принято в академическом мире, Общество раньше, чем другие организации, сделало попытку определить генетический код с помощью компьютеров и узнать, можно ли управлять животными с помощью электродов, введенных в их мозг.

Свободный подход Общества к исследованиям поведения шел вразрез с общепринятой методикой американских университетов в отношении как методов, так и представляющих интерес подопытных. В 50-е гг. в высшей школе было распространено единое направление, буквально исключавшее все другие, — так называемый бихевиоризм. Бихевиористы, возглавляемые Скиннером, рассматривали психологию как изучение наблюдаемых откликов на внешние раздражения. Для упрощения они изложили подход, при котором психологи стимулировали крыс, бегающих в лабиринтах; они исключали проблемы, представляющие интерес для ЦРУ: например, влияние наркотиков на психику,

субъективные явления, подобные гипнозу, внутренняя работа мозга, а также личностные теории, учитывавшие генетические отличия.

Путем ежегодного инвестирования 400 тыс. долл. в ранние инновационные работы таких людей, как Карл Роджерс, Чарльз Осгуд и Мартин Орн, управляемое из ЦРУ Общество экологии человека помогало освободить поведенческие науки от мира крыс и сыра. Получив толчок из ЦРУ и из других источников, ученые расширили сферу своих исследований. Прежние бунтари получили известность, и, будь то к добру или худу, почти полная скиннеровская монополия была разрушена и появилось множество соперничающих школ. Со временем уважаемый ученый-бихевиорист получил возможность делать почти все: держаться за руки со своими студентами при проведении сеансов восприятия, собирать данные о привычках браниться или субъективно исследовать новые разновидности сознания. Несомненно, деньги ЦРУ изменили в некоторой степени академический мир, но никто не может сказать, в какой степени.

Как обычно, люди из ЦРУ шли впереди своего времени и продолжали двигаться дальше ранее, чем были приняты новые подходы. В 1963 г., сделав выборки из всего, начиная с хиромантии и кончая подсознательным восприятием, Сид Готлиб и его коллеги удовлетворились сознанием, что они не прошли мимо какой-либо области знания (какой бы эзотерической она ни была), которая могла бы оказаться перспективной для операций ЦРУ. Общество решило поставленную задачу. Теперь деньги можно было лучше потратить в другом месте. Руководители ЦРУ перевели проекты, которые могли все еще оказаться полезными, в другие тайные области и позволили остальным спокойно умереть. К концу 1965 г., когда были завершены остальные исследования, Общество экологии человека прекратило свое существование.

Примечания

[1] В 1961 г. Общество изменило свое название, получив наименование «Фонд экологии человека»; для удобства оно будет называться Обществом на протяжении данной книги.

[2] Чтобы получить доступ в ту же группу левых венгерских беженцев в Европе, Общество экологии человека ассигновало 15 тыс. долл. в 1958 г. на исследование доктора А.Г.М.Струка из Нименгенского университета в Нидерландах. В одном из документов ЦРУ этот метод одобрялся не только как полезный способ изучения венгров, но и потому, что он обеспечивал доступ в ведущий университет Европы и центр психологических исследований. К сказанному было добавлено, что «такая связь предоставляет многообразное прикрытие и различные возможности для проведения испытаний, а также обеспечивает базу, откуда может начать развиваться наука в данном регионе».

[3] Профессор Лоренс Хинкль отмечает, что в его намерения (как и в задачи Корнельского университета) никогда не входило использование Общества в качестве канала для получения субсидий от ЦРУ. Когда ему сказали, что он собственноручно писал письма, касающиеся проекта, связанного с Ионией, он ответил, что бухгалтер, присланный из ЦРУ, всегда готовил ему бумаги на подпись и он, видимо, подписал их, не задумавшись над их содержанием.

[4] К 1961 г. персоналу ЦРУ надоел Квинс, и они переехали обратно на Манхэттен, на 57-ю Восточную улицу. В 1965 г., когда ЦРУ закрывало один из своих фронтов, оно перевело штаб-квартиру в Вашингтон, на Коннектикут-авеню, 1834, в здание, владельцем которого был доктор Чарльз Гешиктер и в котором располагался другой центр финансирования проекта MKULTRA — фонд медицинских исследований Гешиктера.

[5] К 1961 г. среди видных представителей истеблишмента, согласившихся стать членами совета директоров Общества, были Леонард Кармайкл, директор Смитсоновского центра, Барнеби Кини, президент Брауновского университета, а также Джордж Келли, профессор психологии и получатель субсидий Общества в Университете штата Огайо.

[6] По утверждению доктора Каролины Шериф, которая говорит, что она и ее муж не придерживались господствовавших во времена холодной войны мнений и никогда бы не приняли субсидии от ЦРУ, исполнительный директор Общества экологии человека Джеймс Монро прямо лгал об источниках поступления денег в Общество; по его словам, они поступали от богатых нью-йоркских врачей и техасских миллионеров, которые якобы давали их по налоговым соображениям. Монро использовал эту стандартную историю прикрытия и с другими получателями грантов.

[7] Отчет лаборатории Орна 1962 г. в Институте экспериментальной психиатрии показал, что она получила два значительных гранта до конца этого года: 30 тыс. долл. от Общества экологии человека и 30 тыс. от Научно-технического института — еще одной организации прикрытия ЦРУ. Орн утверждает, что он не знал в то время о связях последнего с ЦРУ, но узнал о них позднее. Он использовал свой грант для изобретения новых способов использования полиграфа (детектора лжи).

Глава 10

Система Гиттингера

За одним исключением, проводившиеся ЦРУ исследования поведения человека (связанные как с ЛСД, так и с электрошоком) оказали, как представляется, большее влияние на внешний мир, чем на операции самого ЦРУ. Указанное

исключение явилось результатом исследований гениального психолога Джона Гиттингера, работавшего в рамках программы MKULTRA. В поисках методов, позволяющих манипулировать поведением людей, Гиттингер, труд которого оплачивало ЦРУ, создал уникальную систему оценки личности человека и прогнозирования его поведения. Он назвал свой метод системой оценки личности человека (СОЛ). Эта система произвела на руководство ЦРУ столь глубокое впечатление, что ее стали использовать в большинстве случаев, связанных с работой агентуры. Правда, как правило, оперативники не заходили так далеко, как один из бывших помощников Гиттингера, утверждавший, что «СОЛ была ключом ко всей разведывательной деятельности». Тем не менее, после того, как большинство хваленой ученых, занимавшихся контролем над разумом, сложили оружие или были уволены, именно Гиттингер, штатный психолог, продал свою систему недоверчивым оперативникам секретных подразделений ЦРУ, настроенным против всевозможных новинок. И во время кубинского кризиса именно Гиттингера призвали в Белый дом с просьбой прогнозировать реакцию Хрущева на американское давление.

С возрастом Гиттингер, коренастый уроженец штата Оклахома с козлиной бородкой, приобрел сходство с актером Уолтером Слезакон: внешне он был больше похож на доброго дедушку, чем на погруженного в вычисления теоретика. Он обладал ненасытной любознательностью в отношении личности и большую часть свободного времени проводил в попытках усовершенствовать свою систему. Одержимый работой над ней, он даже после того, как другие исследователи подтвердили справедливость многих положений СОЛ, а ЦРУ стало практически пользоваться ею в своих операциях, продолжал порой ощущать, что она представляет собой «своего рода параноический бред».

Гиттингер приступил к работе над системой еще до того, как в 1950 г. начал работать на ЦРУ. Ранее он был директором психологической службы госпиталя в Нормане, штат Оклахома. Громкое название должности не отражало того факта, что он был единственным штатным психологом. В годы Второй мировой войны Гиттингер был капитан-лейтенантом ВМС. Свою карьеру психолога он начал в возрасте 30 лет, имея степень магистра. Каждый день Гиттингер осматривал несколько сотен пациентов, проблемы которых включали буквально все, что содержится в клинических учебниках.

Многочисленные бродяги и другие лица, направлявшиеся за счастьем в Калифорнию, часто застревали в Оклахоме в течение холодных зимних месяцев и добивались поступления в госпиталь к Гиттингеру. В теплое время года некоторые из них, в случае необходимости, работали поварами или мойщиками посуды в точках продажи гамбургеров, располагавшихся вдоль трассы во времена, предшествовавшие эпохе распространения точек быстрого питания. Они хорошо работали, пока морозные ночи не заставляли их расставаться с ночлегом под открытым небом. В госпитале их называли «сезонными шизофрениками» и предоставляли кров до весны. Гиттингер включал их в психологические тесты, которые он так любил проводить со своими пациентами.

Во время проводившихся на бродягах измерений с использованием шкалы Векслера (обычный тест на определение коэффициента интеллектуальности IQ в 11 частях)^[1] Гиттингер сделал случайное наблюдение, ставшее краеугольным камнем его системы. Он заметил, что повара из точек быстрого питания хорошо справлялись с цифровым подтестом, оценивавшим их способность запоминать числа. Напротив, мойщики посуды плохо запоминали цифры. Поскольку повара

должны были запоминать сложные заказы с бесчисленными вариациями степени готовности блюд и рецептуры приготовления, их хорошая память очень помогала им.

Гиттингер заметил также, что у поваров были иные личностные характеристики, чем у мойщиков посуды. Повара эффективно работали при наличии большого числа отвлекающих факторов, когда приходилось ориентироваться в условиях постоянного поступления новых заказов. Они использовали свои внутренние ресурсы и сохраняли спокойствие, отключаясь от окружающей их суматохи. Гиттингер назвал этот тип направленным внутрь себя («Internalizer»), обозначив его буквой «I». Мойщики посуды, напротив, не умели отключаться от внешнего мира. Чтобы они могли работать, им надо было выделить место в дальнем углу кухни, рядом с котлами и сковородами, поскольку окружающая суматоха отвлекает их от дела. Гиттингер назвал людей такого типа направленными вовне («Externalizer»), обозначив их буквой «E». Он решил, что, измерив память на числа у любого человека, не только у повара, он сможет составить суждение о личности такого человека.

На основе наблюдений Гиттингер заключил, что дети рождаются с определенными личностными качествами, которые затем изменяются под воздействием внешних факторов. Ребенок «I» погружен в себя, поэтому рассматривается как пассивный ребенок, а окружающие называют его «хорошим ребенком». Ребенок «E» в большей мере интересуется внешними стимулами и событиями, поэтому он создает своим родителям проблемы, предъявляя требования. Гиттингер считал, что то, как родители и другие взрослые реагируют на ребенка, влияет на формирование его личности. Взрослые часто оказывают давление на детей типа «I», чтобы сделать их более открытыми, а на детей типа «E», чтобы сделать их более самодостаточными. Гиттингер полагал, что он может измерить компенсации, испытанные ребенком, на другом подтесте Векслера, позволяющем определять математические способности человека. Он заметил, что в дальнейшем, когда человек попадал в стрессовую ситуацию, эти компенсации исчезали и человек возвращался к своему изначальному личностному типу. Гиттингер писал, что его система позволяет определять основные расхождения между тем, как личность воспринимается, и тем, что в действительности она собой представляет, т.е. расхождения, которые создают напряжение, конфликт и беспокойство.

Помимо параметров «E» и «I» Гиттингер выявил еще два основных вида личностных характеристик, которые можно было измерить с помощью других подтестов Векслера. В зависимости от того, как человек реагировал на подтест, Гиттингер мог определить, относится ли он к типу «R» (Regulated — упорядоченный) или «F» (Flexible — гибкий). Упорядоченная личность не испытывала трудностей при механическом заучивании, но обычно не понимала смысла выученного. С другой стороны, гибкая личность должна понять материал прежде, чем выучить его. Гиттингер заметил, что дети могли научиться играть на пианино умеренно хорошо, прикладывая сравнительно небольшие усилия. Ребенок «F» часто ненавидел труд, сопряженный с уроками игры на фортепиано, однако Гиттингер заметил, что великие концертирующие пианисты принадлежат к людям типа «F», которые упорно учились и овладели инструментом.

Другие психологи изобрели личностные параметры, сходные с параметрами Гиттингера «E» и «I», «R» и «F», хотя они и определяли их несколько иным образом. Самый оригинальный вклад Гиттингера пришел в виде третьего

личностного измерения, которое показало, насколько хорошо люди способны приспособить свое социальное поведение к требованиям культуры, в рамках которой они живут. Гиттингер обнаружил, что он может оценивать это качество с помощью рисунков из подтеста Векслера, и назвал его адаптивной ролью, «А», и рядовой ролью, «U». Оно соответствовало «харизме», поскольку людей, естественно, привлекали люди типа «А», тогда как они, как правило, игнорировали людей типа «U».

Все это значительно усложнялось, когда Гиттингер измерял компенсации и модификации с помощью других подтестов Векслера. Уже одна эта сложность препятствовала признанию его системы внешним миром, как и тот факт, что он основал большую ее часть на идеях, которые противоречили общепринятой психологической доктрине; примером может служить его еретическое предположение о существовании генетических различий. Не способствовало успеху также то, что Гиттингер не принадлежал к ученым — докторам наук, а в основу его теории легли кухонные привычки бродяг из Оклахомы.

Любые из этих недостатков могли уничтожить Гиттингера в академическом мире, но они не играли роли для прагматиков из ЦРУ. Казалось, странные идеи Гиттингера срабатывали. С бесхитростной точностью он мог рассматривать человека лишь как продукт чисел Векслера, выявить его слабости и показать способы его превращения в шпиона ЦРУ. После того как шеф Гиттингера Сид Готлиб и другие высокопоставленные руководители ЦРУ поняли, как можно использовать систему оценки личности, чтобы помочь оперативникам манипулировать агентами, они предоставили психологу время и деньги для усовершенствования этой системы под эгидой Общества экологии человека.

Хотя он был сотрудником ЦРУ, Гиттингер работал под прикрытием Общества экологии человека на протяжении 1950-х гг. Руководители ЦРУ считали СОЛ одним из своих величайших достижений, заслуживающих дальнейшей разработки после закрытия Общества. В 1962 г. Гиттингер и его сотрудники перенесли базу своих операций из штаб-квартиры Общества экологии человека в Нью-Йорке в специально организованную для них компанию ЦРУ в Вашингтоне, получившую название «Филиал по составлению психологических оценок». Гиттингер был президентом компании, прикрытием которой было предоставление психологических услуг американским фирмам за океаном. Он лично открыл филиал в Токио (который позднее переместился в Гонконг) для обслуживания станций ЦРУ на Дальнем Востоке. Вашингтонский персонал, численность которого возросла до 15 человек в течение 1960-х гг., работал в других странах мира, посылая туда на некоторое время специалистов по составлению психологических оценок.

Сотни тысяч долларов в виде грантов через Общество экологии человека, а затем еще большие деньги в виде контрактов — все из фондов ЦРУ — потекли, подтверждая и расширяя СОЛ. Например, Общество предоставило около 140 тыс. долл. Дэвиду Сондерсу из Службы обучения тестированию, в компанию, которая готовила экзаменационные вопросы для колледжей. Сондерс, знавший о сотрудничестве с ЦРУ, нашел корреляцию между паттернами мозга (EEG) и цифровыми результатами в тестах, и он помог Гиттингеру применять его систему в других странах, поскольку Гиттингер и его коллеги понимали, что система подтестов Векслера испытывает влияние культурного фона и личность японца «Е» значительно отличается от личности, скажем, русского «Е». Для

компенсации они разрабатывали местные варианты СОЛ применительно к различным нациям.

Работая в Обществе экологии человека, Гиттингер участвовал в различных исследованиях Общества в области бихевиористики, причем он всегда пытался заинтересовать своей системой получателей грантов от Общества. Он искал способы связать их исследования со своими теориями, и наоборот. Некоторые, подобно Карлу Роджерсу и Чарльзу Осгуду, вежливо соглашались и не следовали советам. Все же Гиттингер всегда узнавал что-либо об их работе, что можно было применить в СОЛ. Будучи обаятельным человеком и искусным собеседником, Гиттингер убеждал получателей грантов в справедливости своих теорий и значимости своих идей. Стараясь не вспугнуть это коллег-профессионалов, он никогда не подчеркивал свое превосходство. Его умение набросать точный психологический портрет человека, которого никогда не видел, обескураживало даже скептиков. Порой его обвиняли в обмане: люди утверждали, что он знал описываемого человека или предварительно собрал о нем сведения.

Гиттингер терпеливо обучал коллег своей системе. Мнения о нем варьировались в диапазоне от глубокого уважения до обожествления. Несмотря на то что он охотно делился сведениями о СОЛ, Гиттингер не мог научить других пользоваться системой столь же искусно, как это делал он сам. Нельзя сказать, что он не старался, просто он от природы был более одарен, чем другие. Кроме того, его система была полна взаимозависимостей, имела много переменных параметров, которые Гиттингер постигал инстинктивно, но не мог объяснить. В результате он мог смотреть на цифры Векслера и выбирать достоверные паттерны поведения, которые другим не удавалось увидеть. Даже после того, как ЦРУ затратило целое состояние, пытаясь компьютеризировать СОЛ, результатом было, по словам одного из психологов, то, что «машина не могла ухватить все переменные», которые Гиттингер увязывал в уме без помощи техники.

На некоторых получателей грантов Общества экологии человека (например, на Роберта Гайда) система Гиттингера произвела такое сильное впечатление, что они ввели СОЛ в собственные исследования. Гайд регулярно проверял своих подопытных по Векслеру, прежде чем давать им алкоголь, что являлось частью программы ЦРУ, направленной на изучение реакции людей на прием спиртных напитков. В 1957 г. Гайд перевел свою исследовательскую группу из Бостонского психиатрического центра, где он первым из ученых Америки отправился в «странствие» с ЛСД, в Бутлеровский медицинский центр в Провиденсе. На средства ЦРУ он построил там экспериментальное помещение для проведения вечеринок, оснащенное игровыми установками для метания дротиков и мячей, с бамбуковыми сиденьями вдоль бара. Используя систему зеркал, психологи наблюдали, как подопытные пьянели, и тщательно записывали их реакцию на алкоголь. Не удивительно, что, как заметили наблюдатели, люди типа «I», выпив спиртное, замыкались в себе, а некомпенсированные люди типа «E» с большей вероятностью становились болтливыми, в сущности, распушенными пьяницами. Основываясь на этом, Гиттингер мог делать выводы в отношении реакции на алкоголь людей типа «I» и «E»[2]. Зная итоги тестов по Векслеру, он мог прогнозировать их реакцию на алкоголь. Такие же наблюдения по ЛСД сделали Гайд и Гарольд Абрамсон в госпитале Маунт-Синай; среди прочего ими было установлено, что вероятность плохого самочувствия у людей «E» больше, чем у людей «I». (Очевидно, человек типа «I» более приспособлен к «сохранению разума» и к утрате связи с внешней реальностью).

По настоянию Гиттингера другие получатели грантов от Общества экологии человека подвергали своих подопытных тестам по Векслеру и посылали ему полученные результаты. Дело в том, что он создавал уникальную базу данных по всем этапам поведения человека, и ему требовались выборки из возможно большего числа определенных групп. Так, он мог сделать обобщающие выводы о том, из какого типа людей получаются хорошие актеры. Мартин Орн из Гарварда посылал результаты, полученные по загипнотизированным подопытным, и Гиттингер мог отделить личностные паттерны тех, кто легко поддавался гипнозу, от паттернов тех, кто ему не поддавался. Гиттингер собирал данные по тестам Векслера, относящиеся к бизнесменам, студентам, высокооплачиваемым топ-моделям, врачам и вообще по всем группам, к которым мог получить доступ. Данные по тестам Векслера продолжали стекаться: к началу 1970 г. пришли результаты по 29 тыс. испытуемым, и каждый результат сопровождался биографическими данными. При анализе 10 подтестов, которыми он пользовался, и по меньшей мере 10 возможных результатов по каждому из них ни один из результатов Векслера не совпадал в точности с другими. Гиттингер держал у себя на столе компьютерную распечатку всех 29 тыс. результатов и рассматривал их почти ежедневно в поисках все новых истин, которые могли быть из них выведены.

Джон Гиттингер интересовался всеми гранями личности, но, поскольку он работал на ЦРУ, то сосредоточивался на различных отклонениях. В частности, он выискивал векслеровские данные тех людей, которые отвергали ценности своего общества или имели какие-либо пороки, явные или тайные, благодаря которым другие люди отвергали их. Изучая результаты тестирования перебежчиков, переехавших на Запад, Гиттингер надеялся выявить общие характеристики тех людей, которые предали свои страны. Если существуют характерные особенности, то оперативники могли бы отыскивать их в потенциальных шпионах. Г.Исбелл, который проводил программы испытаний наркотиков в рамках программы MKULTRA в Лексингтонском госпитале принудительного содержания штата Кентукки, присылал результаты тестов наркоманов, употребляющих героин. Гиттингер хотел узнать, чего следует ожидать от людей, восприимчивых к наркотикам. Проект Общества экологии человека в госпитале Ионии, штат Мичиган, позволил получить результаты тестов по Векслеру применительно к сексуальным психопатам. Эти результаты показали, что люди с бесконтрольными стремлениями имеют иные личностные паттерны, чем так называемые нормальные люди. Сам Гиттингер отправился на Западное побережье, чтобы протестировать гомосексуалистов, лесбиянок и проституток, которых он интервьюировал с помощью Джорджа Уайта на явочных квартирах Сан-Франциско. В каждой группе он выделял характерные признаки, которые могут явиться индикаторами сексуальных предпочтений у других лиц. Гиттингер понимал, что, просто глядя на результаты тестирования нового человека, он может обнаружить паттерны, соответствующие поведению людей из базы данных.

Лучше всего система Гиттингера работала в том случае, когда люди из TSS имели в своем распоряжении результаты проведенных по Векслеру тестов. Однако руководители ЦРУ не могли попросить русского дипломата или другого иностранца задержаться и подвергнуться тестированию. Во время Второй мировой войны шеф ОСС Уильям Донован столкнулся с аналогичной проблемой, пытаясь установить личностные характеристики Гитлера, когда Донован поручил

психоаналитику Уолтеру Лангеру составить психологический портрет немецкого фюрера. Лангер перебрал все имевшиеся по Гитлеру данные; так поступали и люди, входившие в группу оценки Гиттингера, когда у них не было прямого контакта (а также при наличии такого контакта). Они сосредоточенно изучали все разведывательные данные, собранные оперативниками, агентами, полученные через установленные в помещениях «жучки» и телефонные отводы, анализировали образцы почерков[3]. Однако люди из ЦРУ пошли несколько дальше в процессе «косвенной оценки», чем Лангер. Они наблюдали за поведением своего объекта и искали паттерны, соответствующие зафиксированным параметрам среди 29 тыс. выборок.

Гиттингер и его люди хорошо представляли себе, как личности различного типа ведут себя после употребления спиртных напитков. Так, наблюдая на вечеринке за человеком, который начинает вести себя определенным образом (например, уходит в себя), они могли составить обоснованное суждение о типе его личности (в данном случае определяли его принадлежность к типу «I»). Напротив, опьяневший русский дипломат, начавший громко разговаривать и приставать к каждой проходящей мимо женщине, принадлежит, скорее всего, к типу «E». Вместо того чтобы использовать результаты тестов для прогнозирования поведения человека, люди, работавшие в группе по оценке личности, исходя из его поведения, прогнозировали, какие результаты по тестам Векслера были бы у человека в случае его тестирования. Группа Гиттингера разработала проверочный список, включающий 30-40 паттернов, с которыми мог сверяться обученный наблюдатель. Каждая из приведенных характеристик отражала один из подтестов Векслера и соответствовала некоторым сведениям, почерпнутым из 29 тыс. результатов в базе данных.

Был ли подопытный распущенным или собранным человеком? Относился ли он к женщинам сдержанно или вел себя с ними развязно? Как он держал сигарету и как брал ее в рот? Присутствуя на приеме, повторял ли он имя каждого представленного ему человека? Собранные воедино, все эти наблюдения позволяли Гиттингеру давать обоснованные оценки личности наблюдаемого, причем основное внимание уделялось его слабостям. По словам Гиттингера, «если вы могли получить примеры нескольких ситуаций, то вы получали хорошую информацию». Тем не менее у Гиттингера были определенные сомнения в отношении косвенных оценок: «Я никогда не считал, что это у нас получается хорошо».

Группа TSS по составлению оценок, как и медики ЦРУ, косвенно использовали систему оценки личности, поддерживая традицию ОСС, заключающуюся в составлении психологических портретов, например Гитлера. Сочетая аналитические методы с использованием разведывательных данных, составители оценок пытались дать высокопоставленным лицам в США представление о том, что движет основными фигурами международной политики[4]. Такое исследование американского гражданина ворвалось в запретную область домашнего обихода, когда в 1971 г. медицинский отдел ЦРУ подготовил психологический портрет Даниела Эллсберга по просьбе Белого дома. Чтобы добыть исходные данные для создающих оценки сотрудников ЦРУ, Джон Эрлихман разрешил совершить взлом в кабинете психиатра Эллсберга в Калифорнии. Джон Гиттингер яростно отрицал участие своих сотрудников в составлении этого портрета, который взломщики из Белого дома намеревались использовать в качестве психологической схемы при компрометации Эллсберга,

таким же образом, как оперативники ЦРУ, базируясь на составленных оценках, использовали слабости иностранцев.

При прямом или косвенном применении система оценки личности давала в руки оперативникам ЦРУ инструмент, позволяющий лучше понять людей, с которыми они имели дело. Локальные центры ЦРУ за океаном регулярно отсылали все свои данные по наблюдаемому лицу (наряду с проверочными перечнями косвенных оценок) в Вашингтон, чтобы работники центра могли решить, стоит ли заниматься вербовкой данного лица. Сотрудники TSS, составлявшие оценки, участвовали в этом процессе, пытаясь прогнозировать, какие уловки лучше всего сработают. По словам бывшего коллеги Гиттингера, их «задача состояла в том, чтобы рекомендовать стратегию». Тот же источник утверждает, что ему известны случаи, когда рекомендации TSS приводили к операциям, в которых использовались сексуальные ловушки, причем как гомо- так и гетеросексуальные («У нас были подготовлены женщины»), а в случае необходимости они находили нужных мужчин.

Один из психологов ЦРУ подчеркивает, что система оценки личности только рекомендовала, как компрометировать людей. Если бы кому-нибудь была дана оценка «сексуальный психопат», это вызвало бы революцию. Но специалисты TSS готовили только заключение, согласно которому у рассматриваемого лица имелись сексуальные проблемы. Они не могли гарантировать, что линия его обороны будет разрушена. Тем не менее система рекомендовала оптимальное оружие нападения. Другой психолог рассказывает: «Я слышал, как Гиттингер говорил, что всегда есть что-то, чего человеку хочется. А с помощью такой системы можно узнать, чего именно. Это не обязательно секс или выпивка. Иногда это положение в обществе, признание или безопасность». А еще один сотрудник Гиттингера описывает этот процесс как «поиск слабого места». Он отмечает, что даже после многих лет работы с этой системой он никак не мог привыкнуть к некоторым наиболее коварным способам «подбираться к человеку», которые были изобретены его коллегами. Однако он дослужился до отставки и говорит: «Все это не было связано с личностями. Все делалось ради безопасности государства».

Несколько лет тому назад бывший психолог ЦРУ Джеймс Кинер рассказал репортеру Морин Орт, что он лично ездил в 1969 г. в Нью-Йорк, чтобы протестировать медсестру, согласившуюся послужить своей стране. Как объяснял Кинер, «мы хотели, чтобы она переспала с этим русским. Он мог полюбить ее и перейти на нашу сторону, или мы стали бы его шантажировать. Я должен был проверить, сможет ли она в течение определенного периода времени спать с ним, оставаясь к нему равнодушной. Ну и устойчивой же она была!». Кинер отметил, что методы «вовлечения» стали вызывать у него отвращение, особенно после просмотра пленки, на которой агент был заснят в постели с человеком, «подлежащим вербовке». Он отметил, что оперативники ЦРУ, многие из которых «потакали своим стремлениям» при такой работе, пользовались для съемок скрытой камерой. Применялись на практике сексуальные технологии, изобретенные на конспиративных квартирах в Нью-Йорке и Сан-Франциско. Однако в 1960-е гг. операция срабатывала не лучше, чем прогнозировали руководители TSS десятью годами ранее. По мнению Кинера, «отвратительно вербовать агентов посредством сексуального шантажа. Поэтому через некоторое время я не мог даже читать файлы. У меня вызывало отвращение, когда люди получали удовольствие от неприятностей других людей. И прежде всего, я понял, что это глупо. Все затраты совершенно не окупались».

Кинеру была противна та сторона операций TSS по оценке личности, которая приближенно напоминала раздраженного каким-то зудом человека. Выявив с помощью системы оценки личности человека с неустойчивой ментальностью, оперативники иногда предлагали способы, позволяющие его сломать, рассуждая, что, оказывая на него давление, они могли если и не лишить разума, то порвать нити, связывающие его с его страной. Кинер рассказывает:

Моя работа была связана с самыми отрицательными сторонами жизни человека, с планируемым ее разрушением. Вначале следовало посмотреть, нельзя ли разрушить брак человека. При утвердительном ответе на заданный вопрос на него можно было оказывать давление и пытаться сломать его сопротивление. Помимо того, можно было развязать кампанию по распространению различных слухов, постоянно беспокоить его, устроить автомобильную аварию. Много может вызвать недоумение, но все вместе создает кумулятивный эффект.

Оперативники могут проводить аналогичную кампанию против особенно эффективно работающего разведчика противника, которого заведомо невозможно завербовать и которого пытаются нейтрализовать.

В большинстве проводимых операций, в том числе при вербовке агентов, оперативники не полагались на такие приемы. Правда, связнику результаты оценок, выполненных сотрудниками TSS, давали определенные преимущества, но он обычно стремился не усилить, а, наоборот, ослабить давление. Оперативники ЦРУ придерживались мнения, что лучший способ вербовки состоит в том, чтобы сделать отношения с ним максимально продуктивными и удовлетворительными для него, помня старинную присказку, согласно которой легче ловить мух на мед, чем на уксус. По словам источника, «вы выбираете то, что вызывает у вербуемого наибольшие опасения. Если он больше всего боится, что вы не сможете защитить его и его семью, то вы усиленно подчеркиваете свою способность обеспечить защиту. Иным людям требуется надежность, им вы сообщаете, чем они будут заниматься. Если все заранее не будет оговорено, такие люди будут опасаться непосильных заданий»[5].

Вскоре после успешного завершения вербовки иностранца в качестве шпиона ЦРУ новым агентом занимался либо штатный сотрудник, либо специально подготовленный связник. Они предлагали ему полный комплект тестов Векслера, на что требовалось несколько часов. Проводивший тесты не говорил о том, что это связано с оценкой личности, он называл это «проверкой способностей», что тоже соответствовало действительности. Затем полученные результаты анализировались в центре, расположенном в Вашингтоне. Как и полиграф, система СОЛ помогала определить, говорит ли агент правду. Часто она позволяла определить более глубокие проблемы, чем правда и ложь. СОЛ может показать, что мотивации агента не согласуются с его поведением. В случае слишком большого расхождения связник мог предполагать обман со стороны агента, вызванный либо мотивами, связанными со шпионажем, либо особенностями психики.

После оценки, проведенной в TSS, на место посылался отчет с рекомендациями, в которых излагались способы оптимального обращения с агентом и наиболее эффективного его использования. Например, связнику советовали обращаться с ним строго или снисходительно. Если агент был человеком типа «Е», требующим общения, связнику могли рекомендовать проводить с ним как можно больше времени[6]. Возможно, такого агента посоветуют не посылать на долгий срок в страну противника, где он не сможет иметь требуемого ему дружеского общения.

Без всякого содействия со стороны Джона Гиттингера или его системы оперативники секретных служб уже давно решают подобные проблемы, основываясь на здравом смысле. Многие связники гордятся своей способностью играть на агентах, как на музыкальных инструментах, используя надлежащий темп, и система Гиттингера не смогла поколебать их веру в собственную интуицию. Бывший заместитель директора ЦРУ Рей Клайн, выражая общепринятое мнение, говорит, что СОЛ «была составной частью всей системы, введенной для равновесия и контроля, инструментом, имеющим не слишком большой научный вес. Я всегда ценил мнение связника больше, чем отчеты с психологическими оценками... В конечном итоге люди остаются при собственном мнении». Бывший директор ЦРУ Уильям Колби считал отчеты с оценками особенно полезными при прохождении «травмирующего» периода, когда связник передает своего агента другому человеку. Вполне естественно, что агент часто считает такое изменение сопряженным с опасностью и трудностями. По словам Колби, имевшего 30-летний опыт оперативной работы, «новый связник должен проявить понимание и сочувствие, но это не сработает, если чувства не будут искренними».

Система Гиттингера очень подходила для тех оперативников ЦРУ, которые в максимальной степени стремились исключить из работы с агентом человеческий фактор. Это позволяло фиксировать поведение в виде стенографической записи, которая хотя не является исчерпывающей, но дает достаточно точное описание человека. Подобно кодовым номерам социальной безопасности, выведенные формулы хорошо согласуются с системой компьютеризации. Не желая преувеличивать роль СОЛ, Колби говорит, что эта система делает общение с агентами «более систематизированным и профессиональным».

В 1963 г. Генеральный инспектор ЦРУ высоко оценил деятельность персонала TSS, занимающегося составлением оценок; он так описывал его роль в оперативной работе:

Сотрудник секретной службы в первую очередь является практиком в деле составления оценок и использования человека и его мотиваций. Компоненты, из которых состоит такое умение, крайне индивидуальны и включают такие качества, как восприимчивость и воображение. СОЛ повышает умение связника, поскольку позволяет использовать методы и достижения психологии. Основной целью является контроль, эксплуатация или нейтрализация. Эти цели по своей сущности неэтичны и не ставятся с намерением проводить терапию.

Иными словами, СОЛ направлена на оптимизацию отношений между американским связником и иностранным агентом, которые лежат в основе шпионажа. В этом смысле она близка к породившей ее академической дисциплине — психологии шпионажа, полна аксиом и изобилует эмпирическими данными.

Один из бывших психологов ЦРУ, до сих пор чувствующий свою вину за участие в некоторых операциях этой организации, считает, что сосредоточенность ЦРУ на контроле и манипулировании отражает в более концентрированной форме то, как американцы относятся друг к другу. Он говорит: «Я не думаю, что ЦРУ слишком далеко от нашей культуры. Все зависит от меры. Существует много людей, у которых отсутствует даже такая этика, которая имеется у ЦРУ, имевшего по крайней мере идеологическую базу». Этот психолог полагает, что США превратились в страну, в высшей степени ориентированную на контроль (от школы до политики и телевизионной рекламы). Шпионаж и методы СОЛ уникальны только в том отношении, что им в большей степени свойственны системность и секретность.

Другой ученый TSS полагает, что исследования ЦРУ в области контроля поведения явились логическим продолжением усилий американских психологов, психиатров и социологов, направленных на изменение поведения; он называет их «единственной мотивацией». Такие люди манипулируют своими подопытными, пытаясь улучшить самочувствие психически неуравновешенных людей, превратить преступников в законопослушных граждан, повысить эффективность работы студентов, подтолкнуть бедных к стремлению повысить свое благосостояние. Этот источник считает вышеперечисленные примеры «изменения поведения» обоснованными по социально приемлемым причинам, которые, подобно отношению общества к шпионажу, время от времени меняются. Он предупреждает: «Не думайте, что все ученые, изучавшие поведение, были милыми и чистыми людьми, что они ничего не хотели менять, что они были погружены в свою науку. Они занимались исключительно изменением людей. Просто случилось, что те вещи, которыми они интересовались, не всегда совпадали с тем, что интересовало нас». Положительную сторону деятельности ученых-бихевиористов обобщает консультант MKULTRA Мартин Орн: «Мы достаточно эффективны, чтобы сведения о наших достижениях были опубликованы». СОЛ являлась в руках ЦРУ инструментом для работы в обществе. Сотрудники Гиттингера применяли ее при выборе кадров для полиции и органов разведки других стран. Во всем мире оперативники ЦРУ поддерживали тесные рабочие отношения со службами безопасности, которые часто плохо обращались с собственными гражданами. Группа оценки играла ключевую роль при выборе сотрудников секретных служб по меньшей мере в двух странах, которые в отношении соблюдения прав человека находятся на одном из последних мест в мире.

Согласно утверждению психолога Джона Уинна, в 1961 г. ЦРУ сотрудничало с корейским правительством при создании корейского Центрального разведывательного управления (КЦРУ). Центр американского ЦРУ в Сеуле послал в свой центр, расположенный в Америке, запрос на посылку специалиста по оценкам для оказания содействия «при выборе кадров» для КЦРУ. С этой целью в Сеул прибыл Уинн. Он вспоминает: «Я организовал офис с двумя переводчиками и использовал корейский вариант тестов Векслера». Психолог ЦРУ протестировал 25-30 офицеров из полиции и армии и по каждому написал отчет в полстраницы, перечислив их сильные и слабые стороны. Уинн хотел знать «способность каждого кандидата выполнять приказы, их творческие способности, наличие мотивации, причины, по которым они хотят изменить место службы. В большинстве случаев это были деньги, особенно у гражданских лиц». Результаты тестов были переданы корейскому руководству, которое, как полагает Уинн, принимало решение по кадрам «совместно с нашими оперативниками».

«Мы выполняли такую работу, но никогда не имели обратной связи, поэтому не знали, хорошо ли выполнили ее», — жалуется Уинн. Через 16 лет после завершения своей миссии в Сеуле, после репрессий КЦРУ в Корее и подкупа американских конгрессменов корейскими службами Уинн полагает, что их усилия обернулись против них ударом бумеранга. Он признается, что Тонгсун Парк был не единственным сотрудником КЦРУ, которого ему пришлось тестировать.

В 1966 г. сотрудники ЦРУ, в том числе сам Гиттингер, приняли участие в выборе сотрудников столь же одиозного подразделения в Уругвае — антитеррористического подразделения для борьбы с городскими партизанами Тупамаро. По словам Джона Кэссида, который был тогда заместителем руководителя местного центра ЦРУ, американские оперативники работали над

созданием этого специального подразделения совместно с миссией общественной безопасности Управления международного развития, членом которой был Дан Митрионе, позднее похищенный и убитый членами движения Тупамаро. Поддерживаемая ЦРУ полиция утверждала, что ведет непримиримую борьбу с партизанами; она применяла невероятно жестокие методы, в том числе пытки, пытаясь наряду с партизанами уничтожить в Уругвае почти всех левых.

Кэссиди вспоминает, что в период реорганизации полиции в Уругвай «на три дня прибыл Джон Гиттингер, чтобы привести в движение запланированную программу». (Позднее один из сотрудников Гиттингера, Ганс Грейнер, провел тесты Векслера с 20 уругвайскими кандидатами. Один из предложенных вопросов звучал следующим образом: «Сколько недель в году?». 19 из 20 человек сказали, что их 48, и только один дал правильный ответ. Позднее оказалось, что он ошибся, он хотел сказать 48). Однако когда Грейнер задал той же группе кандидатов вопрос: «Кто написал “Фауста”?», то 18 из 20 знали, что автором был Гёте. «Это говорит вам кое-что о культуре», — отмечает Кэссиди, который работал на ЦРУ по странам Латинской Америки. Это также свидетельствует о трудностях, с которыми приходилось сталкиваться Гиттингеру, когда он применял СОЛ в различных культурных ареалах.

В любом случае Кэссиди считал использование процесса оценки весьма полезным при подготовке антитеррористического подразделения. По воспоминаниям ушедшего в настоящее время в отставку оперативника, «согласно полученным результатам, эти люди имели весьма зависимый склад характера, им требовалось жесткое руководство». Кэссиди был очень доволен вкладом, который внесли в программу Гиттингер и Грейнер. По его словам, он долго работал с латиноамериканцами. «А здесь один из людей Гиттингера, который их совершенно не знал, с помощью психологических тестов мог провести анализ и объяснить мне многое... Без этого мы бы просто выбрали людей и приступили к работе с ними».

Помогая комплектовать тайную полицию таким государствам, как Южная Корея и Уругвай, действия сотрудников TSS часто существенно расходились с системой оценки человека. Они не только могли выбирать кандидатов, из которых должны были получиться хорошие следователи, специалисты по проведению допросов и т.п., но также выявляли тех, кто с максимальной вероятностью мог не устоять перед уговорами ЦРУ. По словам одного из бывших специалистов по составлению оценок, «некоторые люди особенно склонны поддаваться вербовке. Я отыскивал таких, когда писал свои отчеты... Во всех случаях, когда ЦРУ затрачивало деньги на обучение иностранца, конечной целью было его дальнейшее участие в решении наших задач, связанных с управлением поведения». Таким образом, руководство ЦРУ не удовлетворялось простым сотрудничеством с зарубежными разведывательными организациями; оно настойчиво проникало в них, а СОЛ служила при этом полезным инструментом.

В 1973 г. Джон Гиттингер и долгое время сотрудничавший с ним Джон Уинн, выбиравший людей для КЦРУ, опубликовали в профессиональном журнале детальное описание СОЛ. Хотя описания этой системы публиковались и ранее, упомянутая статья обеспокоила некоторые силы в ЦРУ, боровшиеся в то время с сокращением численного состава, проводившегося по распоряжению директора Джеймса Шлезингера.

Вскоре после этого Гиттингер, которому в то время было 56 лет, ушел с должности президента Филиала по составлению психологических оценок, хотя и продолжал там работать в качестве консультанта. В 1974 г. я коротко писал в журнале «Роллинг стоун» о работе Гиттингера. Последний был обеспокоен тем, что сообщения о его связях с ЦРУ нанесут вред его профессиональной репутации. Во время одного из своих эмоциональных выступлений он говорит: «Разве нас позорит сотрудничество с ЦРУ? Я им горжусь». Гиттингер не видел каких-либо этических проблем в «поиске человеческих слабостей», если он помогал ЦРУ в получении информации, и заявлял, что в течение многих лет большинство американцев полагали, что это полезный процесс. Вначале он предложил дать мне тесты Векслера и подготовить оценку личности с объяснением системы, однако руководство ЦРУ не разрешило ему этого. Разочарованный Гиттингер заявил по этому поводу: «Мне ничего не объяснили. Я горжусь своей профессиональной работой, и мне хотелось иметь возможность дать ее объяснение».

В августе 1977 г. Гиттингер давал показания на слушаниях в сенате. Хотя он, очевидно, предпочел бы говорить о своих психологических исследованиях, наиболее настойчиво задававшего ему вопросы сенатора Эдварда Кеннеди значительно больше интересовали сенсационные детали о проститутках и испытаниях с применением наркотиков. Будучи гордым человеком, Гиттингер почувствовал себя оскорбленным допросом, в результате которого он глупо выглядел на национальном телевидении. Новый удар нанесло Гиттингеру проведенное месяцем позже слушание показаний его бывшего сотрудника Дэвида Родеса. Родес сообщил подкомитету Кеннеди о роли Гиттингера в деятельности «банды, которая не умела разбрызгивать», о случае попытки испытать ЛСД в аэрозольных упаковках на ничего не подозревающих об этом людях. Гиттингер не хочет, чтобы его место в истории определялось деятельностью такого рода. Ему хотелось бы, чтобы его система оценки личности получила признание в качестве значимого вклада в науку. Устав от возражений и споров и от попыток объяснить свою систему, Гиттингер вернулся в родную Оклахому. Он взял с собой копии 29 тыс. результатов тестов Векслера, но утратил тот энтузиазм, с которым работал ранее. Небольшая группа психологов в США по-прежнему восхищается этой системой и передает ее друг другу. Один из психологов, использующий ее в частной практике, считает, что помогает в терапии, за шесть месяцев с ее помощью можно диагностировать пациента. Этот психолог полностью описывает личность пациента посредством СОЛ, а затем назначает лечение с учетом выявленных проблем. Он считает, что большинство американских психологов и психиатров лечат своих пациентов одинаково, тогда как СОЛ выявляет различия между людьми. Гиттингер очень надеется, что и другие придут к такому же выводу и начнут широко пользоваться его системой. Он заявляет: «Она не сыграет роли, если я не смогу заставить кого-то еще применять ее». Предубеждение психологического сообщества против СОЛ, обусловленное ролью ЦРУ в ее создании, а также недостаточный авторитет Гиттингера в академическом мире и утрата им энергии, по-видимому, не позволяют осуществиться его желанию.

Примечания

[1] Разработанную психологом Дэвидом Векслером систему тестов называют Шкалой определения интеллекта взрослых по Векслеру. В данной книге мы называем ее для простоты системой тестов Векслера.

[2] Как и в большинстве описаний СОЛ (системы оценки личности) в данной книге, приведенное здесь описание является крайним упрощением более сложного процесса. Система, как ее использовал Гиттингер, позволяет выявить миллионы типов личностей. Его наблюдения воздействия алкоголя основаны не просто на сравнении типов «I» и «E». Наиболее полное описание СОЛ в открытой литературе приведено в статье Гиттингера и Уинна, процитированной в примечании к данной главе.

[3] Графология (анализ почерка) приглянулась руководителям ЦРУ как средство, дополняющее оценки СОЛ и суждения в тех случаях, когда имелось только письмо. Графология была одной из тайных областей, изученных Обществом экологии человека, которой было найдено применение. Общество финансировало исследования почерка и публикации в Западной Германии, где этот предмет рассматривался значительно серьезнее, чем в США. Оно также финансировало исследования по сравнению результатов анализа почерков с помощью тестов

Векслера для актеров (включая нескольких гомосексуалистов), пациентов, лечившихся у психотерапевтов, преступников-психопатов и топ-моделей. Гиттингер нанимал местного графолога, который мог делать те же удивительные вещи с почерками, которые он сам мог делать с тестами Векслера. Одна из бывших коллег вспоминает, как она сумела точно определить наличие желудочного заболевания у руководителя зарубежной страны, прочитав всего лишь одно его письмо. На вопрос, заданный во время одного из интервью, о том, как ЦРУ использовало ее работу, она ответила:

Если они думают, что могут манипулировать человеком, то ко мне это не имеет отношения. Я не знаю, что они сделали с этим. Мой анализ проводился не с таким намерением... Я очень рано узнала, что не следует задавать лишних вопросов.

[4] Один из психологических портретов Фердинанда Маркоса позволил установить, что колоссальное личное обогащение филиппинского президента явилось естественным результатом традиций его страны, заключавшихся в том, что на первое место там ставится лояльность к своей семье и друзьям. Составители оценок из ЦРУ нашли, что шах Ирана был мегаломаньяком, проблемы которого были порождены властным отцом, унижением, связанным с тем, что ему пришлось быть марионеточным правителем, а также неспособностью в течение многих лет породить наследника мужского пола.

[5] Этот источник сообщает, что связники обычно использовали такого рода мягкий подход и переходили к более суровым методам, если вербуемый решал, что он не хочет быть шпионом ЦРУ. В этом случае, по словам бывшего сотрудника ЦРУ, «нежелательно, чтобы человек, отказавшись, убежал и начал болтать». Тогда оперативник может предложить не разглашать, что вербуемый изменял жене или имел гомосексуальную связь, в обмен на то, что тот не расскажет о попытке вербовки своей собственной секретной службе.

[6] В то время как руководители ЦРУ могли использовать СОЛ для правильного выбора оперативника для работы с агентом «Е» (такого, который сможет противостоять потребностям агента в близких дружеских отношениях в течение длительного периода), они почти никогда не использовали данную систему с такой степенью точности. Один из офисов ЦРУ вне TSS хранил результаты по тестам Векслера на большинство связников, но руководство секретных служб не хотело доверить психологам выбор американского персонала.

Глава 11

Гипноз

Гипноз более чем какой-либо иной метод контроля над разумом захватил воображение общества и возбудил различные опасения. Люди издавна мечтали о возможности использовать мощные силы гипноза с целью заставить других выполнять их волю. Когда руководители ЦРУ приступили к реализации этой мечты в начальный период холодной войны, они пытались, подобно современным свенгали, использовать гипноз, воздействуя на не подозревающие об этом жертвы.

Одна из групп экспертов-профессионалов утверждала, что гипноз приведет к важным прорывам в шпионаже. Другая же группа придерживалась прямо противоположного мнения. Люди из ЦРУ, которые в любом случае не доверяли полностью академикам, выслушивали обе точки зрения и продолжали поиск способов применения гипноза для решения своих задач. Для них гипноз был достаточно перспективным делом, поэтому его продолжали изучать, однако поиск ответов был таким опасным и ненадежным процессом, что и через десять лет после того, как стартовала программа, руководители ЦРУ все еще продолжали искать практические способы его применения.

Крайне заинтересовался гипнозом Морзе Аллен, руководитель программы MKULTRA, первым возглавивший исследования по управлению поведением. Он прочитал о гипнозе всю литературу, которую смог достать, а в 1951 г. отправился в Нью-Йорк, чтобы пройти четырехдневный курс обучения у известного эстрадного гипнотизера. Этот гипнотизер принял близко к сердцу легенду о свенгали и обрушил на Аллена рассказы о том, как использовал гипноз, соблазняя молодых женщин. Он рассказал Аллену, что однажды убедил загипнотизированную женщину в том, что является ее мужем и что она страстно желает его. Такой обман нередко встречается в секретных операциях. На Аллена гипнотизер произвел глубокое впечатление, и он сообщил своему руководству о том, что тот утверждает, будто «проводил примерно пять ночей в неделю вне дома, занимаясь сексом».

Помимо этого, эстрадный гипнотизер объяснил Аллену, как овладеть вниманием человека и загипнотизировать его. Тот вернулся в Вашингтон более, чем когда-либо, убежденный в выгоде внедрения гипноза в программу ARTICHOKE и в необходимости создания защиты от него. Получив разрешение, Аллен решил продолжить изучение гипноза в собственном офисе. По его просьбе молодые

секретарши ЦРУ задерживались после работы, и он их гипнотизировал. С удовлетворением Аллен убедился, что может заставлять их выполнять свои распоряжения. Так, он заставлял секретарш похищать секретные документы (файлы) и передавать их совершенно незнакомым людям, нарушая тем самым основные правила секретности, принятые в ЦРУ. Он заставлял их совершать кражи и поджоги. По его приказу одна из девушек отправилась в спальню к незнакомцу, а затем уснула там глубоким сном. По мнению Аллена, «такие опыты с очевидностью показывают, что, загипнотизировав людей, их можно компрометировать и шантажировать».

19 февраля 1954 г. Аллен смоделировал окончательный эксперимент с использованием гипноза: создание «маньчжурского кандидата», или запрограммированного убийцы. «Жертвой» Аллена была секретарша, которую он ввел в глубокий транс и приказал спать, пока она не получит другого распоряжения. Затем он загипнотизировал другую секретаршу и приказал ей убить свою подругу, если не сможет разбудить ее, сказав, что в этом случае «ее ярость будет столь велика, что она без колебаний убьет подругу». Аллен оставил рядом с ней револьвер, а о том, что он не заряжен, секретарша не могла знать. Хотя ранее девушка выражала страх перед оружием любого рода, она взяла револьвер и «выстрелила» в спящую подругу. После того как Аллен вывел «убийцу» из транса, у нее была явная амнезия и она утверждала, что никогда бы не выстрелила в человека.

Проведя такой эксперимент, Морзе Аллен довел испытания до предельно допустимой черты, но он не был удовлетворен и убежден в том, что гипноз привел бы к столь же наглядным результатам в реальных условиях. Он считал, что ему удалось доказать только одно: впечатлительная молодая девушка выполнит приказ начальника и совершит поступок, который, по ее мнению, не приведет к трагедии. Возможно, она настолько доверяла ЦРУ как организации, а Морзе Аллену как личности, что полагала, будто он не позволит ей поступить неверно. Обстановка, в которой проводился эксперимент, позволяла считать, что не произойдет ничего преступного.

В начале 1954 г. Аллен почти сумел провести критический эксперимент. Согласно сведениям, зафиксированным в документах ЦРУ, испытуемым должен был быть 35-летний образованный иностранец, работавший ранее на дружественную секретную службу, возможно, на ЦРУ. Затем он стал оказывать услуги секретной службе другого государства, чем вызвал недовольство ЦРУ. Там решили загипнотизировать его и запрограммировать на совершение убийства. Его должны были арестовать по меньшей мере за попытку убийства, после чего с ним следовало расправиться. В сценарии, представленном оперативниками группы ARTICHOKЕ, было несколько неувязок. Во-первых, предполагалось, что подопытный не будет осведомлен об их планах, а опыта погружения в транс еще не существовало. Во-вторых, в распоряжении группы ARTICHOKЕ был бы только ограниченный срок, поскольку подопытного предстояло похитить в общественном месте. Аллен понимал, что, возможно, потребуются месяцы усилий на подготовку этого человека к выполнению сложной секретной операции. Вероятность того, что он приступит к ее проведению всего лишь после одной команды, была весьма мала. Однако так велико было желание участников проекта ARTICHOKЕ приступить к эксперименту, что они были готовы рискнуть даже в таких неблагоприятных условиях: «Окончательный ответ заключался в том, что, поскольку успешное осуществление попытки убийства не играло существенной роли, при надлежащем одобрении руководства ARTICHOKЕ было решено

провести запланированный опыт, несмотря на сложные обстоятельства и наличие серьезных помех».

Эта операция так и не была проведена. Настойчиво стремясь к ее реализации, Аллен пытался получить длительный доступ к таким подопытным, как двойные агенты и перебежчики, а ему разрешали работать с ними один или два дня. При этом не каждый двойной агент был пригоден для эксперимента. Кандидат должен был быть человеком, легко поддающимся гипнозу; помимо этого, он должен был относиться к людям, способным к частичному расщеплению сознания. Предполагалось, что он сможет вообразить себе некое состояние эго, например, представит себе воображаемого товарища детских игр и выстроит отдельную личность, неизвестную первой. Гипнотизеру предстояло общаться непосредственно с этим шизофреническим образованием, приказывать ему совершать конкретные поступки, о которых ничего не знала бы основная личность. Между обеими личностями неизбежно должно было происходить общение, особенно во сне; но если гипнотизер был достаточно умен, он мог встраивать в сознание гипнотизируемого оправдания и предохранительные клапаны, препятствующие совершению им непоследовательных поступков.

На протяжении весны и лета 1954 г. Аллен добивался разрешения на осуществление того, что он называл «окончательными экспериментами» с гипнозом, например, эксперимента по следующему сценарию:

Руководство ЦРУ должно было произвести вербовку агента в одной из дружественных стран, где можно рассчитывать на сотрудничество местной полиции. Связникам ЦРУ следовало научить этого агента выступать в качестве приверженца левых убеждений и сообщать о деятельности местной коммунистической партии. В процессе обучения умелый гипнотизер должен был гипнотизировать его под видом лечения (что являлось излюбленным прикрытием ARTICHOKE при гипнозе). Затем гипнотизеру предстояло сообщить агенту некую информацию и приказать забыть об этом приказе при выходе из транса. После надлежащей подготовки он должен был начать действовать в качестве шпиона ЦРУ. Далее от руководства ЦРУ в местную полицию должно было поступить сообщение, согласно которому данный человек являлся опасным агентом коммунистов, после чего его бы арестовали. Через свои каналы связи с полицией оперативники ЦРУ могли следить за допросами и даже направлять их. Таким способом они могли получить ответ на многие вопросы в отношении разумного «подопытного кролика», полагающего, что его жизни угрожает опасность. В частности, создателей программы ARTICHOKE интересовало, насколько прочной будет амнезия в случае применения пыток и можно ли прорвать ее с помощью наркотиков. В одном из документов ЦРУ отмечалась даже возможность использования другого гипнотизера, который должен попытаться снять приказ первого. Возможно, самый циничный элемент всей схемы присутствовал в конце сценария: «В случае, если агент признает свою связь с американской разведкой, мы: а) полностью будем отрицать это и рекомендуем его ликвидировать, или б) предположим, что агент был послан другой американской службой, и будем допрашивать его совместно с разведывательной службой данной страны».

По этому сценарию предполагалось провести полевые испытания летом 1954 г. Операция достигла стадии, когда из центра ARTICHOKE в Вашингтоне за океан поступило сообщение, что «для “окончательного эксперимента” назначены время, место и люди». Затем поступило другое сообщение, в котором выражалось

сожаление «о недостаточном числе» испытуемых. И тут в документах появляются пробелы. В протоколах одного из совещаний рабочей группы ARTISHOKE записано, что некий высокопоставленный сотрудник ЦРУ (вероятно, руководитель центра ЦРУ в той стране, где предполагалось проведение экспериментов) имел определенные сомнения. Один из участников встречи, возмущенный препятствиями, заявил, что если этот человек не изменит своей установки, то руководители ARTISHOKE потребуют, чтобы сам директор распорядился продолжить эксперименты.

Хотя краткосрочные допросы ничего не подозревающих испытуемых с использованием наркотиков и гипноза (обработка по типу «А») продолжались, наиболее сложные эксперименты так и не проводились в рамках программы ARTISHOKE. К концу 1954 г. Даллес передал исследования, связанные с проблемами управления поведением человека, из рук Морзе Аллена Сиду Готлибу и людям из MKULTRA. Аллен прямо шел к созданию «маньчжурского кандидата», считая это вполне достижимой целью. Руководители MKULTRA были столь же сильно заинтересованы в управлении людьми, но они не очень-то верили в метод, разработанный Алленом. Для них «маньчжурский кандидат» был фигуральным выражением. Они не отказывались от мечты, но шли к ней более медленным шагом, надеясь на постепенный успех. Как отмечает Джон Гиттингер, специалист MKULTRA по гипнозу, «по конкретному индивиду прогнозируемый абсолютный контроль невозможен. Любой психолог, психиатр или священник может добиться контроля над личностями определенного типа, однако это не поддается точному прогнозу». Гиттингер добавляет, что несмотря на свою веру в возможность обеспечения контроля, он должен был дать «хорошую встряску» людям, желавшим проверить противоположные идеи.

К тому времени Готлиб и его коллеги работали над гипнозом в течение двух лет. Они провели несколько основных экспериментов внутри организации, как и Морзе Аллен, но главную часть работы передали молодому ученому из Университета штата Миннесота Олдену Сирсу. Чтобы разобраться в природе гипноза, Сирс, который позднее перешел вместе со своим проектом, связанным с ЦРУ в Денверский университет, использовал для проведения опытов студентов. Среди прочего он рассмотрел несколько проблем, которые могли послужить строительным материалом для создания «маньчжурского кандидата». Мог ли гипнотизер создать такую управляемую им личность? Можно ли было послать подопытного на задание, о котором он бы не помнил до получения сигнала от гипнотизера? Сирс, который позднее стал методистским священником, отказался обсуждать методы, которые он использовал при создании вторых личностей[1]. В 1957 г. он писал, что эксперименты, которые необходимо проводить, «невозможно было выполнить при университетах». В отличие от Морзе, он не хотел осуществления «окончательного эксперимента».

Милтон Клайн, психолог из Нью-Йорка, утверждающий, что тоже не хотел нарушать этические нормы, но уверенный, что к этому стремилось ЦРУ, служил в качестве неоплачиваемого консультанта у Сирса и при проведении других исследований ЦРУ. Результаты, полученные Сирсом и другими, не убедили его в невозможности создания «маньчжурского кандидата». По словам Клайна, «это не может сделать каждый, это нельзя сделать всегда, но это возможно».

Работавший ранее президентом Американского общества клинического и экспериментального гипноза, Клайн был одним из многочисленных внешних экспертов, с которыми вели переговоры Гиттингер и его коллеги. Другие

консультанты со столь же впечатляющими званиями придерживались противоположных взглядов. Ни в одной из других областей науки о поведении человека не было такого расхождения по основным вопросам. Как говорит Гиттингер, «можно было найти эксперта, который соглашался бы со всеми. Поэтому мы и пытались учесть мнение всех».

Люди из программы MKULTRA говорят, что они получали чрезмерно большое число неожиданных предложений, связанных с проблемами использования гипноза. По воспоминаниям некоего ветерана, «оперативники просили нас о легких решениях. Поэтому у нас имелся список причин, объясняющих, почему нельзя использовать предлагаемые идеи. Затрачивалось много времени на сообщение молодому автору такого предложения о том, что оно не может быть принято и использовано в работе. Этот ветеран приводит следующий пример. Оперативники ЦРУ затрачивали много времени и денег на обслуживание тайников (потаянных мест для передачи почты, среди которых могут быть дупла деревьев) в Советском Союзе. В случае ареста почтальона существовала опасность, что он выдаст тайники. Поэтому люди из ЦРУ предложили, чтобы в TSS нашли возможность гипнотизировать почтальонов, что позволило бы тем выстоять на допросах и пытках.

Морзе Аллен стремился к проведению «окончательного эксперимента» с целью проверить, продержится ли гипнотически внушенная амнезия в случае пыток. Гиттингер говорит, что, насколько ему известно, такой эксперимент так и не был проведен. Он говорит: «Мне все еще хочется думать, что мы достаточно человечны и именно поэтому мы этим не играли». Такой эксперимент мог быть проведен, как и предлагал Аллен, с помощью дружественной полиции в такой стране, как Тайвань или Парагвай. Во всяком случае, в 1962 г.^[2] сотрудники ЦРУ обсуждали совместную работу по гипнозу с зарубежной секретной службой. Нельзя сказать, пошли ли они дальше.

Допуская, что амнезия сохранится, этот ветеран MKULTRA говорит, что проблема заключалась в том, как «запустить» ее механизм. Возможно, что программирующей фразой может служить русское обращение «Вы арестованы», но как быть, если при аресте почтальона полиция не использует эти слова? Возможно использование физического ощущения при надевании наручников, однако такой же эффект может оказать и металлический часовой браслет. В соответствии с высказыванием ветерана, отвлеченно говоря, схема выглядела привлекательно, но на практике не удалось найти надежного способа запустить амнезию. И он говорит: «Вы вынуждены исходить из того, что при аресте будет что-то произнесено».

Руководство MKULTRA, включая Гиттингера, рекомендовало применение гипноза в полевых экспериментах по меньшей мере в одном случае. В 1959 г. важный двойной агент, работавший за пределами родной страны, сказал своему связнику из ЦРУ, что он боится вернуться домой, ибо опасается, что не сможет устоять в условиях жестких допросов, которые его правительство проводит в отношении возвращающихся на родину агентов. В Вашингтоне оперативники предложили руководству TSS использовать гипноз, поддержанный наркотиками, для закрепления установки агента. Они понадеялись на то, что смогут создать у него «способность или необходимую волю» выстоять в процессе допросов.

Руководитель MKULTRA (почти наверное Гиттингер) провел в течение двух недель ряд встреч с оперативниками и написал, что данный агент «лучше, чем

любой другой человек» поддавался гипнозу, но его целью был уход из разведки. Дело в том, что агента «можно, вероятно, убедить хотя бы однажды вернуться в родную страну, применив какой-либо выбранный метод, в том числе гипноз, но при этом возможна его перевербовка». Руководитель MKULTRA далее заметил, что, скорее всего, гипноз не может вызвать «целесообразную с оперативной точки зрения» степень амнезии на события недавнего прошлого или на само гипнотическое воздействие, что, вероятно, агент может противостоять обычным допросам... если это будет ему выгодно».

Из центра MKULTRA все же рекомендовали ЦРУ, несмотря на сравнительно отрицательные перспективы гипноза, продолжить исследования. В этой операции присутствовал механизм проверки, поскольку прочность гипноза можно было проверить и до возвращения агента. Помимо того, люди из программы MKULTRA понимали, что «в этой операции можно было приобрести ценный опыт, который повысил бы возможности ЦРУ в последующих операциях». В результате гипноз будет применен не механически, а в качестве средства, способствующего мотивации агента.

Поскольку в предложенной операции предусматривалось использование гипноза и наркотиков, окончательное решение могло быть принято комитетом секретных служб высшего уровня, во главе которого стоял Ричард Хелмс. Разрешение не было получено.

В июне 1960 г. руководство TSS создало широкую экспериментальную программу по гипнозу совместно с руководством контрразведки ЦРУ. Во главе контрразведки стоял легендарный Джеймс Энглтон — прототип Сэксонтон — главного героя пьесы Летама «Орхидеи для мамы» — и Веллингтона в пьесе Виктора Марчетти «Канатоходец». Контрразведка возглавила некоторые наиболее секретные операции ЦРУ, включая нелегальные шпионские операции против американских диссидентов. Руководители контрразведки писали, что программа гипноза могла обеспечить «потенциальный прорыв в технологии секретных операций». Их договоренность с TSS состояла в том, что люди из MKULTRA разработают метод в лаборатории, а они займутся полевыми испытаниями.

Программа контрразведки преследовала три цели:

- быстрое гипнотизирование не подозревающих об этом людей;
- создание длительной амнезии;
- внушение длительной и оперативно полезной постгипнотической суггестии*.

* Эффект постгипнотической суггестии проявляется в таком последующем поведении подвергшегося гипнозу человека, когда он, осуществляя внушенные ему поступки, не догадывается об их истинных причинах, одновременно приписывая себе более правдоподобные мотивы их совершения. — Науч. ред.

ЦРУ не публиковало информацию о полевых испытаниях по двум последним из перечисленных целей, которые, несомненно, являются строительными блоками при конструировании «маньчжурского кандидата». Руководители ЦРУ предоставили только один прошедший цензуру документ по первой цели — быстрому гипнотизированию.

В октябре программа MKULTRA предоставила 9 тыс. долл. внешнему консультанту на разработку быстрого гипнотизирования не подозревающего об этом человека. По словам Гиттингера, процесс состоял в том, что «к сидящему человеку неожиданно подходил гипнотизер, накладывал ему на лоб руку и

приказывал заснуть». Этот метод фантастически срабатывал на некоторых людях, в том числе на совершенно нечувствительных к иным методам, и в то же время не действовал на других. Как замечает Гиттингер, который, по его словам, ничего не знает о полевых испытаниях, «точный прогноз был невозможен».

Испытание, упомянутое в единственном имеющемся документе, было проведено не ранее июля 1963 г. — через целых три года после начала экспериментальной контрразведывательной программы. ЦРУ утверждает, что в течение этого периода другие полевые испытания не проводились. По словам сотрудника ЦРУ, принимавшего участие в этом испытании, из центра контрразведки в Вашингтоне попросили центр ЦРУ в Мехико найти кандидата, пригодного для эксперимента с быстрым погружением в транс. В центре предложили не очень ценного агента, которого, как подозревали, завербовала советская разведка. Из Вашингтона прилетел сотрудник контрразведки, а из Калифорнии прибыл консультант по гипнозу. Под каким-то предлогом наш источник и другой связник привели этого агента в мотель. Сотрудник ЦРУ рассказывает: «Я сообщил ему, что начальник хочет его увидеть, дать ему больше денег». В соседней комнате ожидал консультант. В назначенное время оба связника осторожно усадили агента, а затем уложили его вместе со стулом на пол. Предполагалось, что в этот момент вбежит консультант и загипнотизирует агента. Но ничего не произошло. Консультант застыл, не в силах выполнить задание. Говорит сотрудник ЦРУ: «Вообразите себе наше положение. Мы объяснили агенту, будто услышали шум, испугались за него и уложили на пол, чтобы его защитить. Он так хотел получить деньги, что охотно поверил нашим словам».

Существует, конечно, огромная разница между ограниченной целью этой несостоявшейся операции и операцией, целью которой являлось создание «маньчжурского кандидата». Ветеран MKULTRA утверждает, что ни он, ни его коллеги не были заинтересованы в создании запрограммированного убийцы, поскольку знали, что это вообще не сработает, а также в связи с невозможностью осуществления полного контроля. По его словам, «если у вас стопроцентный контроль, то у вас будет и стопроцентная зависимость. Если что-то случится, а вами это не было запрограммировано, то у вас возникнет проблема. Если вы попытаетесь повысить гибкость, то понизится контроль. В той степени, в которой вы предоставляете выбор агенту, вы утрачиваете контроль». Он признает, что часами вместе со своими коллегами обсуждал все аргументы за и против «маньчжурского кандидата», добавляя: «Естественно, мы обсуждали вопросы, касавшиеся Кастро. Ставился вопрос о возможности довести человека до такого состояния, что он пойдет и убьет его». В итоге они пришли к заключению, что существуют более надежные способы убивать людей. Гиттингер заявил: «Поддающихся гипнозу людей можно заставить делать то же самое другими способами, и ничего нельзя добиться от не поддающихся гипнозу, поэтому все не имеет смысла».

Единственное преимущество при использовании загипнотизированного киллера заключается в том, что он не будет знать, кто приказал ему спустить курок. Однако, по крайней мере в случае с Кастро, кубинский лидер знал, кто преследует его. Помимо того, вокруг было много людей, согласных заключить контракт на убийство Кастро. По словам ветерана MKULTRA, «хорошо подготовленный человек мог выполнить это без всякого “шаманства”». Обращаясь к мафии в поисках исполнителя, руководители ЦРУ в любом случае получали киллеров с встроенным механизмом амнезии, который не имел ничего общего с гипнозом[3].

Ветеран MKULTRA приводит много причин, позволяющих думать, что ЦРУ никогда не пыталось реализовать операцию с использованием «маньчжурского кандидата», но признается, что точных сведений не имеет[4]. Проведение «окончательного эксперимента» во всяком случае сопровождалось бы невероятной секретностью. Однако представляется, что рассуждения, которые заставили Сид Готлиба рекомендовать испытание сильных наркотиков на не подозревающих об этом людях, должно было привести к осуществлению подобных экспериментов, если и не к попыткам создать «маньчжурского кандидата», используя некоторые строительные блоки или менее антисоциальные действия. Даже если люди из MKULTRA не считали, что гипноз может сработать успешно, это соображение не помешало бы им испытать ряд других методов. Руководитель мог даже исходить из необходимости принятия защитных мер: он должен выяснить, не смогут ли русские подсадить «спящего» киллера, не подозревающего о внушенном ему с помощью гипноза задании, подобного описанному в романе Ричарда Кондона.

Если сценарий с убийцей и представляется преувеличением, то Готлибу все же хотелось узнать, какие еще методы могли бы применить русские. Несомненно, он мог найти испытуемых, которыми было бы не жаль пожертвовать, подобно тому как он и Морзе Аллен уже делали в других экспериментах, связанных с управлением поведением. И даже если люди из MKULTRA действительно «удержались», то маловероятно, чтобы Джеймс Энглтон и его контрразведчики поступили бы подобным образом, если бы им показалось, что они находятся на грани «прорыва» и использования совершенно новой технологии ведения секретных операций.

Примечания

[1] Сирс по-прежнему утверждает, что полагал, будто имеет дело всего лишь с частным фондом (фондом Гешиктера), что он совершенно не подозревал об участии ЦРУ в финансировании его работы. Однако в одном из документов ЦРУ в проекте MKULTRA говорится, что он «знал о действительных целях проекта». Более того, Сид Готлиб привез его в 1954 г. в Вашингтон, чтобы продемонстрировать гипноз группе руководителей ЦРУ.

[2] В ответ на мое требование предоставить информацию в соответствии с Законом о свободе информации ЦРУ категорически отказалось предоставить доступ к документам, касающимся экспериментов с гипнозом и психоделическими наркотиками, проводившихся совместно с зарубежными разведками. Отказ был обоснован тем, что публикация таких документов раскрыла бы источники и методы разведок, запрещенные законом. Эксперимент с гипнозом так и не был проведен, согласно документу, который ЦРУ вынуждено было предоставить, объясняя свой отказ.

[3] Говоря о взаимоотношении между ЦРУ и толпой, автор, Роберт Сэм Энсон, пишет: «Это было неизбежно: джентльмены, желавшие быть киллерами, постепенно превращались в киллеров, желавших быть джентльменами».

[4] Ветеран признает, что ни один из используемых им против подготовленного убийцы аргументов нельзя применить к запрограммированному простачку (*patsy*), которого гипнотизер может провести через серию последовательных, но не связанных между собой событий: посещение магазина, разговор с почтальоном, драка во время политического митинга. Подопытный будет помнить все, происшедшее с ним; амнезия коснется только того факта, что гипнотизер приказал ему совершить эти поступки. В его жизни не будет несоответствия, которое могло бы развалить попытку гипнотизера создать вторую личность. Цель этих поступков состоит в том, чтобы оставить за собой след, который заставит администрацию поверить в то, что простачок совершил конкретное преступление. Слабость такого подхода состоит в том, что амнезия может не устоять при допросе в полиции, но это не сыграет существенной роли, если полиция не поверит в неправдоподобную историю о том, что его загипнотизировали, или если его расстреляют за попытку оказать сопротивление при аресте. Эксперт по гипнозу Милтон Клайн говорит, что может создать запрограммированного простачка за три месяца, а на подготовку убийцы ему потребуется шесть месяцев.

Часть IV

Заключение

Я профессионал, и я не говорю о таких вещах. О многом публика не должна знать. Это не имеет ничего общего с демократией. Речь идет о здравом смысле.

*Грейсин Г. Ясетевич, 1978
(так объяснил свое нежелание
дать интервью для этой книги)*

Мне представляется, что надежда на то, что власть, даваемая бихевиористикой, будет использована учеными или благомыслящими людьми, не подкрепляется новейшей или древней историей. Значительно более вероятно, что бихевиористы, придерживаясь своей современной установки, окажутся в положении немецких ученых-ракетчиков, разработчиков управляемых ракет. Вначале они преданно обслуживали Гитлера, стремясь к победе над СССР и Соединенными Штатами. Затем, в зависимости от того, кто захватил их в плен, они преданно работали в интересах СССР, стремясь одержать победу над Соединенными Штатами, или преданно служили Соединенным Штатам, стремясь одержать победу над СССР. Если ученые-бихевиористы заинтересованы исключительно в развитии своей науки, то представляется весьма вероятным, что они будут служить тем, кому принадлежит власть.

Карл Роджерс, 1961

Глава 12

Поиск правды

Готлиб был одним из многих руководителей ЦРУ, пытавшихся найти способ убить Фиделя Кастро. Кастро, разумеется, не погиб, а его победа над ЦРУ в Заливе Свиней впервые представила ЦРУ в неблагоприятном свете в общественном мнении*. Одним из последствий этого поражения явилось обращение Готлиба к исследованиям в программах ЦРУ, посвященным управлению поведением человека. Как он, так и другие по-прежнему пытались убить Кастро.

* 17-19 апреля 1961 г. в Заливе Свиней в результате боя между войсками Фиделя Кастро и вторгнувшимися на Кубу противниками его режима, которых поддерживало и финансировало ЦРУ, последние были полностью разгромлены. — Науч. ред.

Вследствие указанного поражения президент Кеннеди, как сообщают, поклялся разнести ЦРУ на мелкие кусочки. В конце концов он остановился на решении уволить Аллена Даллеса и его основных заместителей. Во главе ЦРУ Кеннеди поставил Джона Маккоуна, возглавлявшего ранее Комиссию по атомной энергии. Не имевший опыта оперативной работы, Маккоун совершенно не так, как Даллес, представлял себе руководство ЦРУ, особенно в области научных разработок. Как вспоминает Рей Клайн, которого новый директор назначил своим заместителем по разведке, «Маккоун никогда не был расположен к проведению тайных операций». Маккоун, по-видимому, полагал, что наука должна быть в руках ученых, а не оперативников, выполняющих секретные задания, и он поставил во главе нового Директората ЦРУ по науке и технике ученого из Калифорнии Альберта («Бада») Уилона, работавшего ранее в аэрокосмической промышленности.

Ранее TSS, хотя и относившаяся к секретным службам, была самым крупным техническим подразделением ЦРУ. Маккоун решил отнять у TSS ее основные исследовательские функции, включая и те, которые относились к изучению поведения, и позволить ей сконцентрироваться исключительно на обеспечении оперативной поддержки. В 1962 г. он одобрил реорганизацию TSS, в результате

которой в качестве нового шефа TSS пришел жесткий оперативник Сеймур Рассел. Как вспоминает бывший сотрудник ЦРУ, «идея состояла в том, чтобы наладить тесную связь с разведывательными операциями». Опытные технические сотрудники TSS оставались заместителями вновь прибывающих оперативников, а самым главным заместителем Рассела стал Сид Готлиб. Для последнего это было важным продвижением по службе, которому способствовал его старый друг Ричард Хелмс, назначенный Маккоуном главой секретных служб.

В своей новой должности Готлиб остался руководителем MKULTRA. Однако, чтобы выполнить распоряжения Маккоуна, относящиеся к исследовательским программам, Готлиб должен был проследить за частичным рассекречиванием своей собственной программы. Потери не были столь уж значительными, поскольку за десять лет, прошедших с начала изучения возможностей управления разумом, Готлиб ясно представлял себе, что срабатывало в области управления поведением, а что было бесперспективным делом. Те проблемы, которые продолжали изучаться, были весьма эзотеричными и узкоспециальными, и Готлиб наверняка знал, что в случае каких-то прорывов его незамедлительно проинформируют об этом с тем, чтобы применить новые открытия в секретных операциях.

По мнению одного из восхищенных коллег, «Сид не относился к тем бюрократам, которые хотят распоряжаться всем во что бы то ни стало». Готлиб тщательно просмотрел списки MKULTRA, передавая в Директорат по науке те же экзотические темы, которые не обещали быстрых достижений, и оставляя для себя те же психологические, химические и биологические программы, которые уже прошли стадию исследований. Как отмечалось выше, он вывел Джона Гиттингера и его группу по оценке личности из Общества экологии человека и оставил их под контролем TSS в их собственной компании.

Пока Готлиб осуществлял перечисленные перемены, его программы попали под огонь критики с другой стороны. В 1963 г. Генеральный инспектор ЦРУ провел расследование, в результате которого были приостановлены испытания наркотиков без ведома подопытных на конспиративных квартирах в Сан-Франциско и Нью-Йорке. Это был чувствительный удар по Готлибу, который явно намеревался оставить за собой исследования такого рода. В то же время Генеральный инспектор рекомендовал руководству ЦРУ разработать новый регламент для всей программы MKULTRA, которая по-прежнему была свободна от внутреннего контроля ЦРУ. Он нашел, что многие подпроекты MKULTRA не обладали «достаточной секретностью», которая оправдывала бы отход от нормальной процедуры их утверждения и хранение записей сверхсекретных программ. В ответ Ричард Хелмс, неизменно остававшийся сторонником неограниченных исследований поведения человека, согласился на выработку нового порядка, но при условии, что он практически не будет отличаться от старого. Он отметил, что «основные причины, по которым требования отказа от жесткого административного контроля над этими секретными видами деятельности остались такими же, какими они были в апреле 1953 г.». Хелмс согласился на предоставление директору ЦРУ информации дважды в год, но считал, что право утверждения должно было оставаться за ним и что все файлы должны оставаться внутри TSS. И как часто поступают все чиновники, не желающие внесения существенных изменений, он предложил изменить название программы. В июне 1964 г. программа MKULTRA получила наименование MKSEARCH[1].

Готлиб признал, что ради безопасности не требовался перевод всех подпроектов MKULTRA в программу MKSEARCH. Он вернул 18 из них в обычные каналы финансирования ЦРУ; сюда входили порошки, вызывающие чиханье, зловонные бомбы и другие вызывающие раздражение предметы. Руководители TSS поддержали разработку средств, вызывающих у подопытного ощущения дискомфорта и способных вызвать изменения в его поведении.

Целью других подпроектов MKULTRA было повышение напряжения в целых обществах. Точно так, как система оценки личности Гиттингера давала психологическую карту, позволяющую использовать слабости человека, планы «дестабилизации», разрабатываемые ЦРУ, обозначали направление, следуя которому можно было разрушить внутреннюю целостность конкретной страны, такой, как, например, Куба Фиделя Кастро или Чили Сальвадора Альенде. Управление — как отдельными личностями, так и целыми странами — было главной целью ЦРУ, а руководители TSS создавали орудия для макро- и микроатак.

Например, в рамках подпроекта MKULTRA № 143 ЦРУ предоставило д-ру Эдварду Беннету из Хьюстонского университета 20 тыс. долл. в год на создание бактерий, разрушающих нефтепродукты. Беннет нашел вещество, при добавлении которого к нефти разрушался любой двигатель, в который она попадала. Оперативники ЦРУ использовали именно такое вещество в 1967 г., когда послали диверсионную группу, состоящую из кубинских беженцев, во Францию с целью заразить груз смазочных материалов, предназначенных для Кубы. Идея состояла в том, что загрязненная нефть «разрушит двигатели, что приведет к их поломке», утверждал непосредственно занятый в этой операции сотрудник ЦРУ. Эта операция была успешно проведена; она являлась составной частью плана ЦРУ, который осуществлялся с 1960-х по 1970-е гг. и был нацелен на разрушение кубинской экономики[2]. Руководители ЦРУ считали, по крайней мере первые годы, что легче будет победить Кастро, если удастся снизить жизненный уровень кубинцев. Человек, проводивший операцию, направленную против Кастро, объяснял: «Мы хотели заставить кубинцев голодать, заставить ввести нормирование продуктов, лишить их поставок кожи, чтобы они могли приобретать только одну пару обуви в полтора года».

Выведя эту широкую программу из новой структуры, Готлиб перевел наиболее значимые исследования и операции по управлению поведением под крышу проекта MKSEARCH. Для продолжения он выбрал семь проектов, и те, которые он выбрал, наглядно продемонстрировали, какие части программы MKULTRA Готлиб счел необходимым сохранить. Сюда не вошли ни социологические исследования, ни поиск «наркотика правды». Готлиб отдал предпочтение химическим и биологическим средствам, причем не потому, что он полагал, будто их можно использовать для превращения людей в роботов, а по той причине, что он ценил их за прогнозируемые возможности дезориентировать, дискредитировать, наносить увечья или убивать. Он сохранил две частные лаборатории для создания таких средств, финансировал консультантов, обладавших возможностями их испытывать и имевших доступ к пригодным для экспериментов людям, а также поддерживал канал, по которому можно было передавать средства ученым, работавшим по контрактам. В рамках программы MKSEARCH были оставлены следующие подпроекты:

- Первой в списке TSS была программа конспиративных квартир, предназначенных для испытания наркотиков, которую проводил Джордж Уайт и

другие сотрудники Федерального бюро по наркотикам. Даже в 1964 г. Готлиб и Хелмс не оставили надежду на возобновление экспериментов с не подозревающими об этом людьми, и ЦРУ выплатило тогда 30 тыс. долл., с тем чтобы сохранить действующими эти квартиры. Тем временем на «площадках» что-то происходило, по крайней мере Уайт продолжал посылать в ЦРУ ваучеры на нетрадиционные расходы (только в феврале 1965 г. — на 1,1 тыс. долл.), называя проституток для прикрытия «агентами-оперативниками». Нельзя установить, что именно Уайт предпринимал с этими «агентами», но он продолжал проводить операции в Сан-Франциско вплоть до их полного прекращения в июне. Готлиб сохранял явочную квартиру в Нью-Йорке до следующего года[3].

- Второй подпроект MKSEARCH был сопряжен с продлением контракта с биологической лабораторией в Балтиморе на ежегодную сумму в 150 тыс. долл. Эта лаборатория, возглавляемая по меньшей мере одним бывшим бактериологом из ЦРУ, предоставляла TSS, согласно одному из документов ЦРУ, «средства быстрой доставки в случае оперативной необходимости». Среди прочих возможностей она обеспечивала место для «крупномасштабного производства микроорганизмов». За те же услуги ЦРУ ежегодно платило военной биологической лаборатории в Форт-Детрике около 100 тыс. долл. Оснащенную более совершенным оборудованием лабораторию в Форт-Детрике можно было использовать для создания и транспортировки более эзотерических бактерий, однако Готлиб сохранил и лабораторию в Балтиморе, чтобы иметь возможность производить бактериологическое оружие без ведома создателей такого же оружия в сухопутных силах. Такое соблюдение секретности было обычным делом в условиях, когда сотрудники TSS занимались инфицированием своих подопытных различными болезнями. Записи по этой теме имеются лишь в самых общих чертах, подробные отчеты отсутствуют. Когда от какого-то оперативного подразделения ЦРУ в TSS поступал запрос на биологическое оружие, Готлиб или его помощники автоматически отказывались его удовлетворить, если от шефа секретных служб не было предварительно получено согласие. Готлиб распоряжался в этих случаях лично, и в начале 1960-х гг., когда попытки совершения политических убийств, предпринимавшиеся ЦРУ, достигли, вероятно, своего пика, даже начальнику Готлиба, главе TSS, не докладывали о том, что происходит.

- Имея в своем распоряжении биологический арсенал, Готлиб обезопасил в программе MKSEARCH и свой химический фланг. В еще одном подпроекте продолжилось сотрудничество, установленное в 1959 г. с крупным промышленником, возглавлявшим ряд фирм, в том числе и фирму, производящую редкие химикаты для фармацевтической промышленности. Человек, которому руководство ЦРУ неоднократно выдавало чеки на 100 долл. в уплату за его продукцию, мог выполнять специальные лабораторные заказы, не консультируясь со своим советом директоров. В 1960 г. он передал в ЦРУ 3 кг смертельного карбамата — того самого яда, который Стенли Лавелл из ОСС пытался применить против Гитлера[4]. Президент этой компании был также полезен ЦРУ, поскольку являлся готовым источником информации, сообщавшим о том, что происходит у химиков. Предлагаемые им химические услуги в сочетании с услугами сотрудника-биолога позволяли ЦРУ осуществлять «мгновенные» химические и биологические атаки; эту возможность часто использовали, судя по большому количеству рецептов и счетов, которые ЦРУ опубликовало по Закону о свободе информации.

- При наличии новых химических соединений и наркотиков, попадающих в поле зрения ЦРУ благодаря тесным связям с крупнейшими фармацевтическими компаниями, руководителям TSS требовались места для их испытания, в особенности после закрытия явочных квартир. Путь для их предоставления

подсказал д-р Джеймс Хэмилтон, психиатр из Сан-Франциско, работавший с Уайтом во время проведения ОСС экспериментов с марихуаной. Это стало подпроектом MKSEARCH № 3.

Хэмилтон с самого начала участвовал в программе MKULTRA; его использовали в качестве уполномоченного Готлиба по Западному побережью. Он был одним из тех, кто оживил программу, работая над самыми разнообразными темами, от психохимических препаратов до нетрадиционного секса и вдыхания двуокиси углерода. К началу 1960-х гг. он получил доступ к заключенным в Калифорнийском медицинском центре в Вакавилле[5]. Хэмилтон работал в некоммерческом исследовательском институте, связанном с центром с целью, как это записано в документе, «проведения химических испытаний материалов, управляющих поведением», на заключенных. Задача Хэмилтона состояла в том, чтобы получить «ответы на конкретные вопросы и решения конкретных проблем, интересующих ЦРУ». В течение шестимесячного периода между 1967 и 1968 гг. психиатр израсходовал более 10 тыс. долл., ассигнованных ЦРУ, только на оплату добровольцев, а это означает, учитывая среднюю стоимость, что эксперименты были проведены на 400-1000 заключенных только за указанный период времени.

- Еще один подпроект MKSEARCH давал д-ру Карлу Пфейферу от 20 до 25 тыс. долл. в год. Пфейфер начал сотрудничество с ЦРУ в 1951 г., когда он возглавил фармакологическую кафедру в медицинской школе Иллинойского университета. Затем он перешел в Университет Эмори и испытывал ЛСД и другие наркотики на заключенных федеральной тюрьмы в Атланте. Оттуда он переехал в Нью-Джерси, где продолжил эксперименты с наркотиками на заключенных исправительного учреждения в Бордентауне. Будучи широко известным фармакологом, Пфейфер снабжал программу MKSEARCH данными об изготовлении наркотиков, их применении и воздействии. Он был всегда готов к исследованию свойств конкретного вещества, если Готлиб или его коллеги просили об этом, и, подобно большинству контрактников TSS, являлся также источником информации для разведывательных служб. В этом качестве Пфейфера использовали во второй половине 1960-х гг., поскольку он работал в Административном комитете по продовольствию и наркотикам, который распределял ЛСД в США для научных исследований. К этому времени ЛСД получил на черном рынке такое широкое распространение, что федеральное правительство заменило неформальный контроль, действовавший в 1950-е гг., на законы и правила, разрешающие его использование только в исключительно редких и регламентированных исследованиях. Имея Пфейфера во главе распорядительного комитета, ЦРУ могло сохранить свою традиционную роль распорядителя экспериментов с ЛСД по всей территории США.

- Для охвата наиболее экзотических участков в сфере управления поведением еще в одной программе MKSEARCH Техническая служба поддерживала связь с д-ром Мейтландом Болдуином, нейрохирургом, выполнявшим операции на головном мозге в Национальном институте здравоохранения, который с высокой готовностью соглашался в 1955 г. выполнять «окончательные эксперименты» с лишением сенсорных ощущений для Морзе Аллена и программы ARTICHOKE. После устранения Аллена людьми из MKULTRA новая команда TSS пригласила Болдуина в качестве консультанта. Как говорит один из них, у Болдуина было много ярких идей об управлении поведением, но они устали от него, поскольку он был крайне «усердным тружеником» с очевидными признаками «безумия». Под эгидой TSS Болдуин проводил лоботомию у обезьян, а затем лишал их сенсорных впечатлений, помещая, вероятно, в тот же ящик, который некогда соорудил в NIH, а затем вынужден был чинить после того, как обезумевший солдат, выбираясь, разломал

его. Нет данных, свидетельствующих о том, что Болдуин распространил свои исследования на людей, хотя известно, что он обсуждал с одним из внешних консультантов, как пациенты после проведенной лоботомии реагируют на длительную изоляцию. Подобно Хэмилтону, Болдуин был разносторонним специалистом, который в одном эксперименте прямо облучал радиочастотными волнами мозг шимпанзе, а в другом, отрезав голову у одной обезьяны, пытался трансплантировать ее на обезглавленное тело другой. Болдуин потратил 520 долл., ассигнованных ЦРУ, на приобретение собственного электрошокового устройства и выполнил некую необозначенную работу на одной из явочных квартир TSS, после которой ЦРУ было вынуждено затратить 1450 долл. на ремонт и обновление помещения.

- Последний подпроект программы MKSEARCH был связан с работой Чарльза Гешикетера, который выполнял в TSS как роль ученого, так и роль канала финансирования. Документы ЦРУ свидетельствуют о том, что Гешиктер испытывал сильные наркотики на слабоумных и пациентах в последней стадии ракового заболевания; очевидно, это происходило в госпитале Джорджтаунского университета в Вашингтоне. В целом ЦРУ вложило 655 тыс. долл. в эксперименты Гешикетера с сильными наркотиками, средствами, вызывающими стресс, и веществами, изменяющими поведение. Тем не менее основная его роль в TSS состояла, по-видимому, в предоставлении своего семейного фонда в распоряжение ЦРУ — как для пропускания средств по своим каналам, так и для того, чтобы служить прикрытием оперативникам ЦРУ. Около 2,1 млн. долл. поступило через этот жестко контролируемый фонд другим исследователям[6]. В рамках программы MKSEARCH Гешиктер продолжал обеспечивать TSS средствами для быстрой оценки наркотиков; он предпринял попытки лишать сознания обезьян, облучая их мозг радарами (этот способ срабатывал, но опасность состояла в том, что могли сгореть жизненно важные части головного мозга). Фонд Гешикетера, предназначенный для медицинских исследований, продолжал функционировать как канал финансирования до 1967 г.[7]

В качестве составной части усилий, направленных на отыскание новых веществ, предназначенных для экспериментов в рамках программы MKSEARCH, руководители ЦРУ продолжали искать «волшебные» грибы, листья, корни и кору. В 1966 г. при значительной поддержке ЦРУ Дж.К.Кинг, возглавлявший прежде Отделение Западного полушария ЦРУ, был освобожден от этой должности после поражения в Заливе Свиней и организовал якобы частную фирму под названием «Компания природных наркотиков бассейна Амазонки». Кинг, который любил путешествовать по рекам Южной Америки на палубе своего плавучего дома со стаканом скотча в руке, занялся поиском растений, представляющих интерес для ЦРУ или медицинской науки. С этой целью он нанял местных мужчин и женщин и по меньшей мере двух оперативников, работавших при офисе региона реки Амазонки в Икитосе, Перу. Они отправили в США находки, включавшие некое парализующее вещество, «абсолютно летальное в больших дозах», по мнению доктора Тимоти Плаумана, ботаника из Гарварда, который, подобно большинству сотрудников, не подозревал о связях с ЦРУ. Еще одним растением, найденным в бассейне Амазонки, был галлюциноген «яге», который сотрудник Уильям Берроуз описал словами «последний удар»*.

* Уильям Сьюард Берроуз (1914-1997) — американский писатель, классик андеграунда. Его самое известное произведение «Голый завтрак» («Naked Lunch»). Paris, 1959; USA, 1962), упомянутое Джоном Марксом в сноске к 5-й главе, посвящено подобному описанию внутреннего и внешнего мира наркоманов, заполненного галлюцинациями, ломкой и сексуальными перверсиями. — Науч. ред.

Работа в рамках программы MKSEARCH продолжалась на протяжении 1960-х гг. и до начала 1970-х, однако ее финансирование неуклонно снижалось. В 1964 г.

ЦРУ израсходовало на нее около 250 тыс. долл. В 1972 г. число подпроектов было сведено к четырем, а расходы — к 110 тыс. долл. К этому времени Готлиб был очень занятым человеком, приняв на себя все руководство TSS в 1967 г., когда его патрон, Ричард Хелмс, поставил это подразделение во главе ЦРУ. В июне 1972 г. Готлиб решил закрыть программу MKSEARCH, опуская тем самым занавес над поисками, которые им же и были предприняты двумя десятилетиями ранее. Его эпитафия программе прозвучала следующим образом:

В качестве конечного комментария я бы хотел отметить, что с помощью проекта MKSEARCH секретная служба смогла сохранить контакт с передним краем науки в области биологического и химического управления поведением человека. В течение последних лет выяснилось, что эта сфера имеет все меньшее отношение к секретным операциям. Причин этому много, и они сложны, но две из них, вероятно, следует кратко упомянуть. С научной точки зрения стало совершенно очевидно, что влияние этих материалов и методов на человека не поддается прогнозу в той мере, чтобы в конкретных условиях оставалось целесообразным их применение. Наши оперативники проявили явное и, возможно, похвальное отвращение к применению таких материалов и методов. Они, видимо, понимают, что наряду с моральными и этическими соображениями крайняя их секретность и соображения безопасности требуют от них отказаться.

Примерно в то же время, когда Готлиб написал эти слова, произошла уотергейтская история, приведшая в движение такие силы, которые окажут решающее влияние как на его жизнь, так и на жизнь Ричарда Хелмса. Через несколько месяцев был переизбран Ричард Никсон. Вскоре после выборов Никсон решил убрать Хелмса (причины этого так и не получили объяснения). Перед тем как отправиться в Иран в качестве посла США в этой стране, Хелмс проследил за полным уничтожением документов и записей, вероятно, с целью минимизировать информацию, которую можно было бы в дальнейшем использовать против него. Сид Готлиб решил уйти в отставку вслед за ним, и оба единодушно решили избавиться от всех документов, связанных с MKULTRA. Они никогда не хранили файлы по испытаниям, проводившимся на явочных квартирах, или по подобным операциям, но они были решительно настроены уничтожить записи, связанные с попытками управлять поведением человека. Позднее Готлиб сообщил сенатскому комитету, что он хотел избавиться от этого материала в связи с «проблемой хранения бумаги» в ЦРУ; поскольку «файлы не играли существенной роли», их можно было «неправильно истолковать», а также он хотел защитить репутацию исследователей, с которыми сотрудничал, гарантируя им соблюдение тайны. Готлиб вступил в контакт с людьми — хранителями записей, архивными работниками ЦРУ, которые приступили к уничтожению документов. Он и Хелмс считали их единственными следами программы. Однако либо они, либо работники архива совершили ошибку. Семь ящиков с записями и докладами были сожжены, а еще семь, содержащих счета и финансовые отчеты, сохранились, причиной чему явился, вероятно, неправильный выбор места хранения.

Никсон назначил новым директором ЦРУ Джеймса Шлезингера. В этой должности он пробыл только несколько месяцев, а затем все более осаждаемый президент в момент, когда уотергейтский кризис достиг наивысшей точки, назначил его министром обороны. Во время своего краткого пребывания в ЦРУ Шлезингер отправил приказ всем служащим этой организации, согласно которому они были обязаны сообщать ему обо всех случаях совершения должностными лицами ЦРУ неподобающих и незаконных действий. Кто-то рассказал о самоубийстве Фрэнка Олсона, и это было должным образом внесено в многостраничный перечень неблагоприятных поступков, которые в ЦРУ получили наименование «фамильные ценности».

Шлезингер, аутсайдер для карьерных оперативников из ЦРУ, открыл ящик Пандоры, который профессионалы так и не смогли закрыть. Примеры «ценностей» были «случайно» переданы репортеру газеты «Нью-Йорк таймс» Сеймуру Хершу, который вызвал бурю негодования в США, когда в декабре

1974 г. сообщил о незаконной слежке ЦРУ за диссидентами в своей стране в годы правления Джонсона и Никсона. Президент Джералд Форд назначил комиссию во главе с вице-президентом Нельсоном Рокфеллером для расследования случаев нарушения законности со стороны ЦРУ и с целью свести к минимуму возможный вред. В итоговом докладе Рокфеллера был раздел, в котором описывался случай, когда неназванный военнослужащий выпрыгнул из окна отеля в Нью-Йорке после того, как он получил от оперативников ЦРУ без своего ведома дозу ЛСД. Это сообщение вышло на первой полосе газет по всей стране. Пресса накинулась на сенсационные детали и фактически проигнорировала два еще более разоблачительных предложения в тексте Рокфеллера: «Программа, связанная с наркотиками, явилась частью более значительной программы ЦРУ, направленной на управление поведением человека. В других исследованиях рассматривалось влияние облучения, электрошока, возможности психологии, психиатрии, социологии и раздражающих веществ».

В этот момент появился я. Меня заинтриговали эти два предложения, и я послал запрос в ЦРУ, основываясь на постановлении о свободе информации. Запрашивал я все документы, касающиеся управления поведением, которые ЦРУ предоставило Рокфеллеровской комиссии. Хотя по закону ответ от правительственной организации должен поступать в течение 10 дней, ЦРУ потребовалось более года, чтобы прислать мне 50 документов, относящихся к этой теме, причем они были подвергнуты строжайшей цензуре.

Тем временем комитет во главе с сенатором Фрэнком Черчем занимался ЦРУ; был вызван Сид Готлиб, который, будучи в отставке, работал в это время в качестве волонтера в одном из госпиталей Индии. Готлиб дал секретные показания в отношении планировавшейся ЦРУ программы политических убийств. (Описывая его роль в своем заключительном докладе, комитет Черча вывел его под именем Виктор Шейдер). Отвечая на вопрос о программах, связанных с управлением поведением, Готлиб не мог — или не желал — вспомнить подробности. Основные записи были уничтожены в 1973 г., а финансовые файлы еще не были обнаружены.

Этой проблемы не касались до 1977 г., когда в июне руководители ЦРУ сообщили моим адвокатам, что ими были обнаружены семь ящиков с финансовыми отчетами MKULTRA и что они вышлют их мне в течение ближайших месяцев. Я ожидал, а директор ЦРУ Стенсфилд Тернер сообщил президенту Картеру, а затем выбранному сенатскому комитету по разведке, что одним из сотрудников ЦРУ были обнаружены семь ящиков. Адмирал Тернер публично заявил, что программа MKULTRA была посвящена только экспериментам с наркотиками и не была направлена на управление поведением. 20 июля я провел пресс-конференцию, на которой осудил адмирала Тернера за отклонения от истины при описании программы MKULTRA. Для доказательства я раздал журналистам копии поступивших ко мне документов ЦРУ, которые свидетельствовали о проведенных исследованиях по управлению поведением. Возможно, в тот день не было более интересных новостей или же люди просто заинтересовали попытки правительства вмешаться в деятельность мозга. Во всяком случае, эти документы привели в движение целый поток информации; новость прошла по всем трем телевизионным программам и практически по всем информационным каналам.

Вскоре выбранный сенатский комитет по разведке и подкомитет сенатора Эдварда Кеннеди по здравоохранению и научным исследованиям объявили о публичных слушаниях, посвященных этой теме. Члены этих комитетов еще в

1975 г. заинтересовались секретными исследованиями, но им тогда мешало отсутствие документов. Вначале оба комитета согласились работать совместно и провели совместное слушание. Но затем сенатор Барри Голдуотер оказал тайное давление на руководство комитета по разведке, в котором он был заместителем председателя, с целью прекратить расследование. Среди прочего он заявлял, что комитет просто перефразирует старые программы и что пора прекратить чернить ЦРУ. Правда, сенатор Кеннеди продолжал вести расследование, но он испытывал при этом большие трудности в связи с малочисленностью персонала — его люди были буквально погребены под огромным количеством поступающих из ЦРУ бумаг: за недели, предшествовавшие слушаниям, поступило около 8 тыс. листов документов. В то время, когда начались слушания, члены комитета еще не ознакомились со всей документацией и уж, конечно, не смогли в ней разобраться.

В то время как подкомитет Кеннеди готовился к слушаниям, к тому же готовились сотрудники MKULTRA. По рассказам одного из них, они договорились между собой «удержать слушания в пределах, которые удовлетворили бы комитет». Это, по его словам, означало, что не следовало выдавать ту информацию, которой у персонала Кеннеди еще не было. Так, Чарльз Сирагуза, агент по наркотикам, в распоряжении которого была явочная квартира в Нью-Йорке, сообщает, что в этот период ему позвонил Рей Трейхлер, ученый из Стэнфорда, специализировавшийся в области химического оружия для программы MKULTRA. Как утверждает Сирагуза, «он хотел, чтобы я сказал, будто он не знал о явочной квартире... Я ответил, что это невозможно». Неизвестно, склонял ли к лжесвидетельству кто-либо еще из бывших сотрудников TSS тех, кто выступал на слушаниях[8]. Как отмечалось выше, Роберт Лэшбрук отрицал, что знал об операциях, проводившихся на явочных квартирах, в то время как на самом деле он заведовал одной из «площадок» и присутствовал там, согласно дневниковым записям Джорджа Уайта, во время одного из «неожиданных экспериментов с ЛСД». Д-р Чарльз Гешиктер утверждал на слушаниях, что он не испытывал на людях наркотики, приводящие к стрессу, в то время как его предложения, поданные в ЦРУ, и сохранившиеся секретные документы свидетельствуют об обратном.

Несмотря на присутствие помощника, который постоянно давал ему рекомендации, сенатор Кеннеди не собирался разбираться в таких несоответствиях. Он не принимал мер к тому, чтобы разобраться в фактах очевидного лжесвидетельства; казалось, его удовлетворяли газетные сообщения «о банде, которая не умела разбрызгивать наркотики». Хотя показания по этому вопросу были подготовлены заранее одним из сотрудников Кеннеди, сенатор притворился удивленным, когда бывший сотрудник MKULTRA Дэвид Родес рассказывал о неудачном эксперименте с ЛСД на конспиративной квартире в графстве Марин.

Слушания, проведенные комитетом Кеннеди, добавили мало новых данных о программах ЦРУ, направленных на управление поведением. Как бывшие, так и действующие сотрудники ЦРУ утверждали, что они практически ничего нового не узнали за более чем 25 лет исследований, завершенных в основном в 1963 г., и ничего не применяли. Такая позиция, несомненно, смехотворна, но ни сенатор Кеннеди, ни кто-либо из дознавателей не оказал реального давления на ЦРУ, не потребовал раскрыть содержание исследований — сопоставить то, что удалось узнать, с экспериментальной реализацией полученных результатов. В этой книге я попытался подойти к некоторым существенным вопросам, но у меня не было доступа к научным отчетам, которые были уничтожены Готлибом и Хелмсом, и у

меня отсутствовали данные о людях, которые занимались исследованиями. Так, например, Готлиб, переехавший из Индии в Санта-Крус в Калифорнии, а затем уехавший в неизвестном направлении, неоднократно отклонял мои просьбы явиться на переговоры. Отвечая, он писал: «В настоящее время меня интересуют совершенно иные проблемы, чем те, которые рассматриваются в вашей книге. У меня нет ни времени, ни желания возвращаться к давним событиям».

Перед лицом таких препятствий я пытался собрать воедино то, что произошло в прошлом, но имея дело с группой людей, для которых ложь была неотъемлемой от их повседневной работы, не могу с уверенностью утверждать, что мне удалось все правильно понять. Я не совсем уверен в том, что ими не было найдено средство, позволяющее управлять людьми, несмотря на мое внутреннее убеждение в том, что дух человека одержал победу над манипуляторами. Только комитет конгресса мог заставить давать правдивые показания людей, которые отказывались делать это без принуждения, причем даже записи показаний не дают еще полной уверенности. Исполненный решимости, комитет мог бы, по крайней мере, добиться того, чтобы опрашиваемые люди не определяли «границы» расследования.

Возможно, не стоит затевать новое расследование только для того, чтобы нанести еще один удар программам MKULTRA и ARTICHOKE. Несмотря на мое убеждение, что у них в шкафах — буквально — «хранятся скелеты», общественности теперь, вероятно, известны общие очертания этих программ. Дело, однако, заключается в том, что руководители ЦРУ проводили активные эксперименты, связанные с методами управления поведением человека в течение 10 лет после того, как Сид Готлиб покинул поле деятельности. Директорат науки и техники (особенно его отдел исследований и разработок — ОИР) не оставался без работы после того, как директор ЦРУ Маккоун в 1962 г. закрыл исследования по управлению поведением человека.

В ОИР д-р Стивен Олдрич, выпускник Амхерста и Северо-Западной медицинской школы, принял на себя функции, которые ранее выполнял и Морзе Аллен, а затем Сид Готлиб. Олдрич был медицинским директором Отдела научной разведки еще в то время, когда этот отдел боролся с Морзе Алленом за контроль над программой ARTICHOKE, так что он был хорошо с ней знаком. Под его руководством сотрудники ОИР продолжали поиск способов управления поведением человека, причем использовали технологии космического века, в свете которых эпоха программы MKULTRA выглядела безнадежно устаревшей. Если человек в конце 60-х гг. смог ступить на Луну, то, несомненно, прекрасно финансируемые ученые из ОИР могли достичь больших успехов в деле завоевания внутреннего мира человека.

Они использовали свою технологию на людях, например, применяли электростимуляцию мозга. В этой области большая работа была проделана Джоном Лилли десятью годами ранее, но он пришел к выводу, что для того, чтобы сохранить себя, свой внутренний мир, ему надо найти другое поле деятельности. Однако у сотрудников ЦРУ не было таких угрызений совести. Они активно экспериментировали, устанавливая электроды в мозгу животных и, возможно, людей. Затем они использовали электрические сигналы и радиосигналы, управляя движениями и эмоциями своих испытуемых. Дело далеко не ограничивалось доставлением обезьянам оргазма, как это было у Лилли. В самом ЦРУ Сид Готлиб и команда MKULTRA провели некоторые предварительные исследования. Они начали в 1960 г. с того, что заставили

работавшего по контракту ученого просмотреть всю имеющуюся по этой теме литературу, а затем отметили участки мозга животных, стимулирование которых вызывало те или иные реакции. К апрелю 1961 г. руководитель TSS мог доложить: «У нас имеются данные по стимулированию мозга, и мы близки к созданию экспериментальной системы, позволяющей проводить собак по намеченным маршрутам». Через шесть месяцев в одном из документов ЦРУ отмечалось: «Была продемонстрирована возможность дистанционного управления поведением некоторых видов животных... Будут проводиться специальные исследования и оценки, направленные на применение выбранных элементов этих методов на людях». Еще через шесть месяцев сотрудники TSS нашли возможность применения электрического стимулирования: на этот раз электроды вводились в мозг хладнокровных животных, предположительно, пресмыкающихся. В то время как эксперименты с кошками и собаками были направлены на то, чтобы, начинив проводами, направить их, используя дистанционное управление, скажем, в офис советского посла, проект с использованием хладнокровных животных имел своей целью доставку химических и биологических веществ или, как говорится в одном из документов, для «операции типа “исполнение”». В ЦРУ выражение «исполнение» использовалось как эвфемизм для обозначения политического убийства.

Достигнув такого уровня технологии вживления электродов, Стив Олдрич и ОИР взяли на себя исследовательские функции TSS. Неизвестно, что удалось сделать сотрудникам ОИР, но в открытой литературе появлялись сообщения о значительных успехах в этой области в течение 1960-х гг. Можно ли начинить проводами мозг человека и управлять им с помощью достаточно большого компьютера? Несомненно, Олдрич пытался дать ответ на поставленный вопрос.

Как отмечает один из бывших сотрудников ЦРУ, создание амнезии оставалось «важной целью» для ОИР. Успехи нейрохирургии мозга, такие как разработка трехмерных «стереотаксичных» методов, значительно упростили нейрохирургию и создали предпосылки для того, чтобы точно установленные электроды могли разрушить связь между настоящим и воспоминаниями о прошлом. Что касается объектов испытаний в экспериментах такого рода, направленных на исследование управления поведением, то один из бывших сотрудников ЦРУ утверждает, что ОИР имел доступ к заключенным по меньшей мере одного американского исправительного заведения. Бывший военный врач, работавший в химической лаборатории в Эшвуде, утверждает, что эта лаборатория сотрудничала с ЦРУ в разработке препарата, который можно было использовать в качестве вспомогательного средства при внедрении новых воспоминаний у человека с амнезией. Насколько далеко продвинулось ЦРУ в этом исследовании, мне неизвестно.

Люди из ОИР пытались создать свою собственную новейшую версию Общества по исследованию экологии человека. Оно располагалось вблизи Бостона и получило название «Научно-технический институт»; изначально он был создан ЦРУ в 1956 г. в качестве частной компании для исследования РЛС и других технических систем, не имевших ничего общего с поведением человека. Его президентом, утверждающим, что он был всего лишь номинальным главой, являлся д-р Эдвин Лэнд, изобретатель «полароида». В начале 1960-х гг. руководители ОИР решили переключить его тематику на исследование поведения человека и пристроили новое крыло к зданию института, предназначенное для работы в области «наук, связанных с жизнью». Они приняли на работу группу ученых — медиков и бихевиористов, — которым разрешили проводить

собственные независимые исследования в той мере, в какой они согласовались с требованиями института. Эти ученые были готовы консультировать часто появлявшихся посетителей из Вашингтона; поощрялись длительные ланчи в столовой института, где они общались с учеными-физиками и устраивали «мозговые штурмы» по самым разнообразным проблемам. Один из ветеранов вспоминает шутку коллеги: «Если бы вы могли узнать собственную частоту сфинктера человека, вы могли бы заставить его выбежать из комнаты очень быстро». Став серьезным, ветеран сказал, что метод был «вполне реальным» и заметил, что многие безумные идеи, обсуждавшиеся за ланчем, превратились в конкретные проекты.

Возможно, над некоторыми из этих проектов работы проводились на собственной ферме института площадью в несколько сотен акров, расположенной в сельской местности штата Массачусетс. Но максимально, что удалось узнать из показаний нескольких десятков опрошенных, — это сведения, что в одном из экспериментов, проводившихся для разработки методов управления поведением, стимулировались центры удовольствия в мозгу ворон. Можно, однако, предположить, что в этой изолированно расположенной лаборатории сотрудниками ОИР проводились и другие исследования.

Подобно тому как программа MKULTRA на целые годы опережала научный уровень своего времени, так и на очень высоком уровне были работы ОИР. По словам одного из разработчиков, «нас интересовало расщепление генов. Остальной мир и в 1976 г. еще не задавал вопросов того типа, которые мы пытались решать в 1965 г. Все боялись создания “суперсолдата”, который беспрекословно, как летчик-камикадзе, выполнял бы приказы. Не упускалось из вида создание покорного общества». Еще один сотрудник института описал работу коллеги, который воздействовал на бактерии ультрафиолетовыми лучами с целью получения девиантных штаммов. ОИР финансировал также работы по парапсихологии. Как и военные, сотрудники ЦРУ хотели знать, могут ли медиумы читать мысли или управлять ими на расстоянии (телепатия), можно ли получать информацию из удаленных мест или о находящихся на большом расстоянии людях (ясновидение или дистанционное видение), могут ли они предсказывать будущее, влиять на перемещение физических объектов или даже на человеческий разум (фотокинез). Последнее свойство может иметь невероятно разрушительные последствия в случае его срабатывания. Например, кнопки запуска ядерных бомб в случае смещения рукоятки всего на несколько дюймов вызовут холокост. Или же физики противника при резкой настройке своего мозгового излучения могут направить его на американских ядерщиков и выжечь их мозг. Любой из этих методов или все они вместе взятые могут иметь множество применений при шпионаже.

Хотя очевидно, что руководители ОИР предоставляли основную часть работы с наркотиками Готлибу, они не могли полностью устраниваться от деятельности в этой области. В 1968 г. они создали совместную программу, названную OFTEN, на базе армейского химического корпуса в Эджвуде, штат Мэриленд, для изучения воздействия различных наркотиков на людей и животных. Армия помогла ЦРУ составить компьютеризованную базу данных по результатам испытания наркотиков и предоставила военных добровольцев для некоторых экспериментов. В одном случае с особенно эффективным выводящим из строя препаратом армия договорилась о предоставлении добровольцев из числа заключенных холмбургской тюрьмы в Филадельфии. Согласно изложенному в одном из меморандумов мнению одного из сотрудников ОИР, у проекта OFTEN

были как наступательные, так и оборонительные функции. В качестве примера приводится «препарат, способный вызвать сердечный приступ или удар у человека, выбранного в качестве мишени». В январе 1973 г., когда Ричард Хелмс уходил, а Джеймс Шлезингер приходил, проект OFTEN был внезапно закрыт.

Просто невозможно сказать, каков был успех (если таковой был) у сотрудников ОИР в вызывании сердечных приступов или в иных экспериментах. Подобно Сиду Готлибу, Стив Олдрич не рассказывает об этом, а его коллеги еще более молчаливы, чем коллеги Готлиба. В декабре 1977 г., узнав стороной о программах ОИР, я направил запрос о доступе к файлам ОИР на основании Закона о свободе информации, «относящейся к управлению поведением человека, включая все сведения об исследованиях оперативной деятельности, связанной с биоэлектрической, электрической или радиостимуляцией мозга, электронным разрушением памяти, стереотаксической хирургией, нейрохирургией, гипнозом, парапсихологией, радиацией, микроволнами и ультразвуковыми волнами». Я запросил также документы по проводившимся в исправительных заведениях США испытаниям, связанным с управлением поведением, а позднее добавил запрос на все файлы, связанные с амнезией. Через шесть месяцев ЦРУ ответило, что ОИР «идентифицировал 130 ящиков (около 130 кубических футов) с материалами, среди которых, предположительно, возможно обнаружение документов, касающихся исследований, связанных с управлением поведением».

Это было поразительное признание, если иметь в виду, что адмирал Тернер и другие руководители ЦРУ пытались создать впечатление в конгрессе и обществе, что исследования, связанные с управлением поведением человека, были почти полностью закрыты в 1963 г. вместе с закрытием программы MKULTRA. Поражало само обилие материала. Данная книга базируется на содержании семи ящиков с финансовыми отчетами MKULTRA, прошедших жесткую цензуру, добавленных к ним трех документов ARTICHOKE и на содержании нескольких интервью. На то, чтобы «переварить» этот сравнительно меньший объем, у меня ушло более года, хотя я и получал некоторую помощь в проводившихся мной поисках. Очевидно, чтобы разобраться в сущности программ ОИР, потребуются более значительные ресурсы, чем силы одного писателя.

В свободном обществе лучшей защитой от неэтичного поведения являются открытость и осведомленность. Чем лучше люди поймут сущность изменяющих сознание технологий, тем больше вероятность, что они поймут их назначение, и тем менее вероятность, что они будут использованы. Если исследования о воздействии на поведение человека будут проводиться секретно, они могут быть обращены против правительства, причем как за рубежом, так и внутри страны. Какими бы чистыми и направленными на защиту интересов страны ни были мотивы исследователей, следует помнить, что при наличии технологий решение об их применении будут приниматься не ими. Кто может с уверенностью утверждать, что если бы в распоряжении администрации Никсона или Эдгара Гувера были надежные способы управления людьми, они бы не применили их против своих политических противников, точно так же, как в течение долгих лет ЦРУ пыталось применять аналогичные приемы за океаном?

Что касается секретов ЦРУ, то сейчас уже слишком поздно «закрыть» технологии, влияющие на поведение человека. Исследователи должны способствовать прекращению их дальнейшего распространения. Ведь и без того эти технологии распространились на школы, тюрьмы и психиатрические лечебницы, не говоря уже о рекламном бизнесе; помимо того, они были подхвачены силами полиции во

всем мире. Закрывать головы политическим заключенным, что является видоизмененной формой лишения их сенсорных впечатлений, стало стандартной практикой во всем мире, от Северной Ирландии до Чили. В Советском Союзе в качестве инструмента репрессий использовались возможности психиатрического лечения. Такие методы нарушают основные права человека так же, как и физическое насилие, даже если они не оставляют на теле видимых следов.

Возможно, что тоталитарные режимы втайне продолжают поиск средств, позволяющих манипулировать разумом людей, как они это делали в прошлом, независимо от того, что предпринимают США. Перспектива возможности управлять людьми представляется слишком заманчивой для большинства тиранов, чтобы они отказались от нее. Однако мы, как страна, можем защитить себя, не посылая своих ученых — безумных или в здравом уме — на тайную войну, противоречащую основным этическим и конституционным принципам. В конечном счете, мы создали Нюрнбергский кодекс для того, чтобы продемонстрировать, что существуют пределы научных исследований и их применения. Действительно, американские разведчики нарушили наши собственные стандарты, однако правительство США теперь официально объявило, что нарушения впредь не будут допускаться. Пришла пора, когда Соединенные Штаты должны показать пример, добровольно отказавшись на правительственном уровне от секретных исследований, связанных с управлением поведением человека. Возможно, другие страны тоже последуют этому примеру, особенно если мы предложим международное соглашение, в рамках которого они смогут это сделать.

Игра с разумом слишком опасна, чтобы оставлять ее в руках шпионов. Нельзя ее также отдавать на откуп ученым-бихевиористам, внушившим нам определенные подозрения. Возьмем, например, высказывание наиболее известного члена ученого сообщества Б.Ф.Скиннера: «В некоторых местах меня считают своего рода монстром, желающим, дергая за ниточки, манипулировать людьми. Это весьма далеко от истины. Людьюми манипулируют; я желаю только, чтобы ими манипулировали более эффективно». Такие представления значительно более широко распространены в элитных кругах, чем склонны подозревать люди: Д.Ю.Камерон читал доклады об «изменении паттерна» с помощью электрошока перед собравшимися коллегами-психиатрами, и они выбрали его президентом своей ассоциации. Поведение человека играет столь важную роль, что оно касается каждого из нас. Чем выше будет наша бдительность, тем меньше вероятность, что без собственного ведома мы станем жертвами манипулирования.

Примечания

[1] На сенатских слушаниях 1977 г. директор ЦРУ Стенсфилд Тернер подвел итоги работ по программе MKULTRA за 11-летний период ее существования. По заключенным контрактам на программу работало 80 организаций, в том числе 44 колледжа и университета, 15 исследовательских организаций или частных компаний, 12 госпиталей, больниц или клиник, а также 3 исправительных заведения. По моим предположениям, программа MKULTRA обошлась налогоплательщикам примерно в 10 млн. долл.

[2] Как сообщает советник Кеннеди Ричард Гудвин, «эта программа саботажа началась в 1961 г., причем исходила она от президента». По словам Рея Клайна, бывшего заместителя директора ЦРУ, директор Джон Маккоун «был тесно связан с ней». Клайн отмечает, что Маккоун отдал постоянно действующие распоряжения во все зарубежные центры ЦРУ, содержавшие «одно или два предложения», одобряющие постоянно действующую программу, направленную на разрушение кубинской экономики. При этом торговля Кубы становилась мишенью оперативников ЦРУ. Получив такое распоряжение, руководители ЦРУ не потребовали, по мнению Клайна, у Белого дома дальнейшего подтверждения после смерти президента Кеннеди. Три бывших помощника государственных секретарей США в администрациях Джонсона и Никсона говорят, что им не сообщалось о саботаже, включавшем всевозможные действия — от снижения цен на кубинский сахар до повреждения оборудования для резки сахарного тростника. Бывший директор ЦРУ Уильям Колби заявил, что в начале 1970-х гг. ЦРУ прекратило проводить эту программу экономического саботажа. Руководители кубинского правительства, напротив, утверждают, что агенты ЦРУ продолжали действовать, вызвав эпидемию скота на Кубе в 1973 г., а весной 1978 г. агенты ЦРУ проводили акции саботажа против грузов, направлявшихся на Кубу.

[3] В 1967 г. сенатская комиссия под председательством сенатора Эдварда Лонга расследовала историю о подслушивании, проводившемся правительственными структурами, включая Агентство по борьбе с наркотиками. Тогдашний уполномоченный от агентства Хэрри Джордано сказал одному из руководителей TSS (почти наверное это был Готтлиб), что если руководители ЦРУ были «озабочены» тем, что во время слушаний «всплывут» их совместные операции, связанные с явочными квартирами, то самым разумным поступком, который они могут совершить, будет «отключение комитета Лонга». Из документов не очень ясно, каким образом люди из ЦРУ реагировали на эту не очень тонкую попытку шантажа, но совершенно ясно, что сотрудник TSS и один из сотрудников ЦРУ вводили в заблуждение и давали ложные

сведения в Министерство финансов (дочерним филиалом которого было Агентство по борьбе с наркотиками) относительно явочных квартир и способов их использования.

[4] Джеймс Мур из Делаварского университета, который производил карбаматы в те периоды, когда не занимался поиском «волшебных» грибов, служил иногда посредником между промышленниками и ЦРУ.

[5] В конце 1960-х и в начале 1970-х гг. казалось, что каждый радикал на Западном побережье утверждал, будто ЦРУ занимается в Вакавилле странными делами, связанными с влиянием на поведение человека. Подобно многим предположениям относительно деятельности секретных служб, это предположение оказалось верным.

[6] Гешиктер был крайне важным сотрудником TSS, имевшим связи в высоких кругах. В 1955 г. он убедил руководителей ЦРУ выделить 375 тыс. долл. в виде секретных фондов на сооружение нового здания для исследовательских работ в госпитале Джорджтаунского университета. (Поскольку казалось, что эти деньги поступают из частных источников, несведущие федеральные чиновники удвоили их, опираясь на программу соответствующих грантов). У ЦРУ была четкая договоренность с Гешиктером, согласно которой в обмен на их вклад он обеспечит им одну шестую часть коек и мест в новом здании для их собственной «больничной» явочной квартиры. Как отмечалось в одном из документов ЦРУ, у них в этом случае был бы готовый источник пациентов и добровольцев для экспериментов, а исследовательская программа в здании могла служить прикрытием для трех сотрудников TSS. Аллен Даллес лично одобрил этот вклад, а затем, для гарантии, передал его в специальный комитет президента Эйзенхауэра, чтобы пересмотреть секретные операции. Комитет тоже дал свое согласие, причем имелось в виду, что Гешиктер действительно сможет обеспечить условия для использования ЦРУ обещанных им помещений. Он, очевидно, смог, поскольку деньги ЦРУ продолжали поступать. (Это единственный случай за всю 25-летнюю историю работы ЦРУ над программой по управлению поведением, когда получено документальное подтверждение того, что руководители ЦРУ обратились за одобрением в Белый дом. Комитет Черча не нашел документального подтверждения тому, что либо исполнительная власть, либо конгресс имели информацию об этих программах).

[7] В 1967 г., после того, как журнал «Ramparts» рассказал о секретном финансировании Национальной студенческой ассоциации и многочисленных некоммерческих организаций, президент Джонсон запретил ЦРУ поддерживать фонды или образовательные учреждения. Внутри ЦРУ не считали, что этот приказ означал завершение таких отношений, которые существовали с Гешиктером. В этом случае хитроумные сотрудники ЦРУ просто переместили финансирование с фонда на частную компанию, где секретарем-казначеем был его сын.

[8] Ложные показания конгрессу давались по той же схеме, по которой ветераны MKULTRA лгали прессе после первой утечки информации. Например, бывший директор Общества экологии человека Джеймс Монро сообщил 2 августа 1977 г. газете «Нью-Йорк Таймс», что «только 25-30 процентов» бюджета общества поступает от ЦРУ, тогда как прекрасно знал, что это заведомая ложь, ибо действительные цифры превосходили 90 процентов. Его ложь позволила некоторым получателям грантов заявить, что их проекты финансировались из той части бюджета общества, которая не была связана с ЦРУ.

Примечания

Глава 1

Информация относительно первого «путешествия» Альберта Гофманна и об ЛСД поступила из интервью, взятого автором у Гофманна, из его статьи под названием «Открытие ЛСД и последующие исследования природных галлюциногенов», еще одного интервью, взятого у Гофманна Майклом Горовицем, которое было напечатано в июне 1976 г. в журнале «High Times», и из документа ЦРУ об ЛСД, изданном Отделом научной разведки 30 августа 1955 г. под названием «Стратегическое медицинское значение ЛСД-25».

Информация о немецких экспериментах с мескалином пришла из документа «Технический доклад № 331-45; исследования ВВС Германии в концентрационном лагере Дахау» (октябрь 1945 г.), который военно-морская техническая миссия США нашла в бумагах д-ра Генри Бичера. Дополнительная информация пришла из отчетов «Процессы над военными преступниками в Нюрнбергском трибунале», книги «Врачи позора» авторов Александра Мичерлиха и Фреда Милке (New York: H.Schuman, 1949), интервью, взятых у членов группы обвинения Телфорда Тейлора, Лео Александера и Джеймса Маккейни, и (статьи Лео Александера «Социопсихологические структуры СС» («Архивы неврологии и психиатрии», май 1948, т.59, с.622-634).

Опыт ОСС в испытаниях с марихуаной был описан в интервью, взятых у нескольких бывших контрразведчиков — участников проекта «Манхэттен», и из документа ОСС от 21 июня 1943 г. «Разработка “наркотика правды”» под идентификационным номером ЦРУ A/B, I, 12/1; из документа A/B, I, 64/34 (без даты) «Меморандум относительно использования “наркотика правды” при допросе». Полезными были также документ (2 июня 1943 г.) «Меморандум по TDA»; «Доверительный меморандум» от 4 апреля 1954 г., найденный в бумагах Джорджа Уайта.

Упоминание об американских военнопленных пришло из документа 19 от 18 июня 1953 г.: «Конференция ARTICHOKE».

Информация о Стенли Лавелле поступила из его книги «О шпионах и военной хитрости» (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1963), из интервью, взятого у его сына Ричарда при чтении сохранившихся бумаг, интервью, взятых у Джорджа Кистяковски и нескольких ветеранов ОСС, и из раздела «Наука во время Второй мировой войны, Отдел научных исследований и разработок» в работе «Химия: история химической компоненты национального комитета по военным исследованиям», редактор У.А.Нойес-мл. (Boston: Little, Brown & Company, 1948).

Д-р Уолтер Лангер дал сведения о составленном им психоаналитическом портрете Гитлера, о котором сообщается также в его книге «Психический склад Адольфа Гитлера» (New York: Basic Books, 1972). Д-р Меррей и несколько сотрудников ОСС также дали интервью. Работа Меррея подробно описана в книге, опубликованной после войны оценочной группой ОСС, «Оценка людей» (New York: Rinehart Company, 1948).

Источниками материала, относящимся к Джорджу Эстабруксу, являются его книги «Гипнотизм» (New York: E.P.Dutton and Company, 1945) и «Смерть разума» в соавторстве с Ричардом Локриджем (New York: E.P.Dutton and Company, 1945) и интервью, взятые у его дочери, Дорин Эстабрукс Мичл, бывших коллег и д-ра Милтона Клайна.

Глава 2

Источником сведений о программе ЦРУ ARTISNOKE и результатах ранних испытаний явились следующие документы ЦРУ: № 192, 15 января 1953 г.; № 3, май 1949 г.; A/B, I, 8/1, 24 февраля 1949 г.; 10 февраля 1951 г. — меморандум по специальным допросам (без № документа); A/B, II, 30/2, 28 сентября 1949 г.; № 5, 15 августа 1949 г.; № 8, 27 сентября 1949 г.; № 6, 23 августа 1949 г.; № 13, 5 апреля 1950 г.; № 18, 9 мая 1950 г.; № 142 (transmittal slip), 19 мая 1952 г.; № 124, 25 января 1952 г.; A/B, IV, 23/32, 3 марта 1952 г.; № 23, 21 июня 1950 г.; № 10, 22 февраля 1950 г.; № 37, 27 октября 1950 г.; A/B, I, 39/1, 12 декабря 1950 г.; A/B, II, 2/2, 5 марта 1952 г.; A/B, II, 2/1, 15 февраля 1952 г.; A/B, V, 134/3, 3 декабря 1951 г.; A/B, I, 38/5, июнь 1951 г. и № 400 (без даты), «Особые случаи заокеанских испытаний и применения наркотиков, влияющих на поведение».

Документы были получены в виде интервью, взятых у Рея Клайна, Хэрри Розитцке, Майкла Бурке, Хью Каннингэма и некоторых других бывших сотрудников ЦРУ, пожелавших остаться неназванными. Полезные общие сведения дал «Окончательный доклад выбранного комитета для изучения правительственных операций, относящихся к разведке» (далее проходящий под названием «Доклад комитета Черча»).

Следующие документы содержат описание условий проведения окончательных испытаний: № A/B, II, 10/57; № A/B, 10/58, 31 августа 1954 г.; № A/B, II, 10/17, 27 сентября 1954 г.; и № A/B, 76/4, 21 марта 1955 г.

Глава 3

Основными источниками информации о поездке профессора Вендта во Франкфурт явились сообщения д-ра Самуэла Д. Томсона, служившего в то время в ВМФ, консультанта ЦРУ в области психиатрии, нескольких бывших сотрудников Вендта, а также три документа ЦРУ, в которых описаны испытания: документ № 168, 19 сентября 1952 г., «Проект LGQ»; документ № 168,

18 сентября 1952 г., «Полевая поездка группы ARTICHOKE», 20 августа — сентябрь 1952 г. и № А/В, II, 33/21 (без даты), «Особые комментарии».

Информация о проекте ВМФ СНАТТЕР поступила из доклада комитета Черча (кн., I, с.337-338. Рассекреченные документы ВМФ № 23, 13 февраля 1951 г.), «Приобретение некоторых наркотиков»; № 27 (без даты), «Проект СНАТТЕР»; № 29 (без даты), «Доклад о статусе: исследования укачивания, функции вестибулярного аппарата и влияние наркотиков»; № 35, 27 октября 1951 г., «Промежуточный отчет»; № 38, 30 сентября 1952 г., «Меморандум для файла»; и № 39, 28 октября 1952 г., «Меморандум для файла».

Информация о героине, найденном в сейфе Вендта, взята из рочестерской газеты «Democrat and Chronicle» за 2 октября 1977 г., а материал, описывающий условия проведения испытаний в Рочестере, был обнаружен в рочестерской газете «Time Union» за 28 января 1955 г. Сообщение ЦРУ о героине поступило через меморандум OSI от 15 мая 1952 г., направленный заместителю директора ЦРУ, «Специальный допрос».

Информация о внимании ЦРУ к амнезии поступила в меморандуме от 14 января 1952 г. «BLUEBIRD/ARTICHOKE. Предложено исследование»; 7 марта 1951 г. «Неформальное обсуждение с шефом [пропуск] в отношении “Передачи”»; 1 мая 1951 г. «Рекомендации по обращению с заключенными-перебежчиками» и А/В, 75/13 (без даты), «Амнезия».

Цитата из Гомера о непенте (успокаивающих средствах) была найдена в книге Сидни Коэна «Внешнее внутри: история ЛСД» (New York, Atheneum, 1972).

Материал для темы о контроле взят из интервью Джона Стоквелла и некоторых других бывших сотрудников ЦРУ.

Глава 4

Описание первого «странствия» Роберта Гайда взято из интервью д-ра Милтона Гринблата, д-ра Дж. Герберта Дешона и сообщения Макса Ринкеля на 2-й конференции Мейси по нейрофармакологии (с.235-236), подготовленном к печати Гарольдом А. Абрамсоном (Madison Printing Company).

Описание TSS (Технической службы) и Сидни Готлиба взято из интервью, которые дали Рей Клайн, Джон Стоквелл и десять других бывших сотрудников ЦРУ и друзей Готлиба.

Меморандумы, из которых взяты выдержки о начальном периоде программы MKULTRA, включают меморандум от ADDP Хелмс до DCI Даллес, 4/3/53, таб.А, с.1-2 (цитируется в докладе комитета Черча, кн.1); APF А-1, 13 апреля 1953 г., «Меморандум для заместителя директора (администрация: Проект MKULTRA — совершенно секретная программа исследований и разработок)»; № А/В, I, 64/6, 6 февраля 1952 г., «Меморандум для записи: контракт с [пропуск]»; № А/В, I, 64/29 (без даты), «Меморандум для Технической службы (TSS): ускорители действия и антагонисты алкоголя. Проект исследований и разработок». Слова Готлиба взяты из материалов слушаний подкомитета по здравоохранению и научным исследованиям сенатского комитета по человеческим ресурсам (21 сентября 1977 г., с.206).

Данные об ЛСД взяты прямо из книги Коэна «Внешнее внутри: история ЛСД» (New York, Atheneum, 1972). Среди других источников назовем работу Анны Е. Колдуэлл «Происхождение психофармакологии: от CPZ до ЛСД» (Springfield, Ill.: Charles C. Thomas, 1970) и документ 352 «Исследование OSI стратегической медицинской роли ЛСД-25», 30 августа 1955 г.

Данные об использовании в TSS внешних исследователей получены из интервью четырех бывших сотрудников. В подпроектах 8, 10, 63 и 66 программы MKULTRA описывается работа Роберта Гайда. В подпроектах 7, 27 и 40 говорится о деятельности Гарольда Абрамсона. Работа Ходжа описана в подпроектах 17 и 46. О связи с ЦРУ Карла Пфейфера, Гайда, Абрамсона и Исбелла сообщил Лайман Б. Киркпатрик: «Меморандум для записи, 1 декабря 1953 г.: разговор с д-ром Уиллисом Гиббонсом из TSS в связи со случаем Олсона (найден на с.1030 материалов слушаний подкомитета Кеннеди 1975 по биомедицинским и поведенческим проблемам). На этих слушаниях была описана программа испытаний Исбелла; она описана также в документе № 14, 24 июля 1953 г., Меморандум для офицера по связи и безопасности TSS; № 71 «Отчет о контактах химического отдела в Национальном институте здравоохранения»; документ № 37, 14 июля 1954 г. [пропуск]; и документ № 41, 31 августа 1956 г., «Путешествие в Лексингтон», 21-23 августа 1956 г. Программа Исбелла описана также в «Сообщении об участии ADAMHA в исследованиях ЛСД», найденном на с.993 материалов о слушаниях подкомитета Кеннеди, 1975. Первое сообщение о реальных испытаниях поступило из интервью, взятого у Эдварда М. Флауэра, Вашингтон, О.К.

Данные об информаторах TSS, работавших без контракта, поступили из интервью, взятых у источников TSS, материалов конференции Мейси о «Проблемах сознания» и «Нейрофармакологии», а также из интервью, взятых у некоторых участников, включая Сидни Коэна, Хемфри Осмонда и Хадсона Хоглэнда.

Материал о связях ЦРУ с компанией «Сандоз» и «Эли Лилли» взят из документа № 24, 16 ноября 1953 г., «Конференция ARTISNOKE»; документа № 268, 23 октября 1953 г., «Встреча в офисе директора в 11.00 час. 23 октября с мистером Виснером и [пропуск]»; документа № 316, 6 января 1954 г., «ЛСД-25»; и документа № 338, 26 октября 1954 г., «Возможности приобретения ЛСД в большом количестве благодаря новому способу синтеза [пропуск]»; интервью с бывшими сотрудниками «Лилли» и компании «Сандоз»; интервью с источниками TSS; показания Сидни Готлиба подкомитету Кеннеди (1977, с.203).

Описание успешных испытаний в TSS получено из интервью с бывшими сотрудниками. Сообщение о том, что Сид Готлиб организовал прием ЛСД оперативником, выступившим на политическом митинге, поступило из документа № А/В, II, 26/8, 9 июня 1954 г., «MKULTRA. Сообщение Генри Бичера ЦРУ о самоубийстве в Швейцарии» (найденно на с.396 доклада комитета Черча, кн.I).

Глава 5

Описание отношений между ЦРУ и SOD (*Special Operations Division* — Отдел специальных операций) в Форт-Детрике получено из интервью с несколькими бывшими служащими Форт-Детрика; слушаний перед комитетом Черча о «Неразрешенном хранении отравляющих веществ», т.I; из доклада комитета Черча «Суммарный доклад об исследовании ЦРУ проекта MKNAOMI»,

найденном в докладе, кн. I, с. 360-363; и слушаний подкомитета Кеннеди о биологических испытаниях на людях, проводившихся Министерством обороны, 1977. Детали об участии Сида Готлиба в заговоре, имевшем целью убийство Патриса Лумумбы, взяты из промежуточного доклада комитета Черча о «Заговорах с целью убийства зарубежных лидеров», с. 20-21. Комитет Черча разрешил Готлибу выступить под псевдонимом Виктор Шейдер, но некоторые источники сообщают его настоящее имя; то же самое сообщается в его биографических данных, поступивших в подкомитет Кеннеди из ЦРУ, где указано, что в то время он занимал должность «Шейдера». Планы об отравлении ботулином Фиделя Кастро описываются в отчете об убийствах, с. 89-53. На с. 181 того же отчета рассказывается о случае с иракским полковником.

Несколько дюймов документов ЦРУ, посвященных случаю Олсона, были опубликованы семейством Олсона в 1976 г. Они взяты из напечатанного тома слушаний подкомитета Кеннеди (1975 г.) о биомедицинских и поведенческих исследованиях (с. 1005-11332). Они составляют основную часть сообщения наряду с интервью, которые дали Элис Олсон, Эрик Олсон, Бенджамин Уилсон и несколько других бывших сотрудников SOD (которые не добавили почти ничего нового). Информация поступила также из показаний Винсента Рувета перед подкомитетом Кеннеди (1975, с. 138-145) и из суммирующего описания этого случая, представленного комитетом Черча (кн. I, с. 394-403). Сообщение о высказанном Гарольдом Абрамсоном намерении дать ЛСД не подозревающим об этом пациентам взято из 7-го подпроекта проекта MKULTRA, 8 июня 1953 г., письмо [пропуск]. Работа мага Джона Мулхолланда на ЦРУ описана в 19-м и 34-м подпроектах MKULTRA.

Глава 6

Реакция ЦРУ на смерть Фрэнка Олсона описана в многочисленных меморандумах, которые ЦРУ отправило семейству Олсона; они приведены на с. 1005-1132 материалов слушаний подкомитета Кеннеди (1975 г.), о биомедицинских и поведенческих исследованиях: см. с. 1077, 18 декабря 1953 г., «Самоубийство Фрэнка Олсона» и с. 1027, 1 декабря 1953 г., «Применение ЛСД».

Взгляды Ричарда Хелмса на испытания без ведома пациентов изложены в документе № 448, 17 декабря 1963 г., «Испытания психохимических препаратов и аналогичных материалов и в меморандуме директору ЦРУ», 9 июня 1964 г., взятом со с. 402 доклада комитета Черча (кн. I).

Дневник и письма Джорджа Уайта были переданы в колледж Футхиллз Джуниор в Лос-Альтосе, штат Калифорния, его вдовой и являются источником информации о нем; здесь же находятся его письмо к другу, в котором он объясняет причины, по которым ЦРУ практически подвергло его «остракизму», различные цитаты из дневника, включая участие в народных танцах с Готлибом, интервью с Хэл Липсет, где он излагает свои воззрения на преследование преступников, а также его письмо к Сиду Готлибу от 21 ноября 1972 (вероятно) г.

Управлявшиеся Джорджем Уайтом явочные квартиры в Нью-Йорке и Сан-Франциско являются предметом 3, 14, 16, 42-го и 149-го подпроектов программы MKULTRA. Выплаты Уайта владельцу квартиры описаны в подпроектах 42-156, его счета за алкогольные напитки — в подпроектах 42-157, «пустые прогоны» — в подпроектах 42-91. О нью-йоркской квартире, которой управлял Чарльз

Сирагуза говорится в документе 132. «Промежуточные» тесты описываются в документе 132-159.

Пол Эйвери, писатель из Сан-Франциско, связанный с центром расследований в Окленде, Калифорния, взял интервью у Уильяма Хокинса и помог узнать подробности о явочной квартире в Сан-Франциско и деятельности Джорджа Уайта. Дополнительная информация об Уайте поступила от его вдовы, бывших коллег из Агентства по борьбе с наркотиками и из других источников в Сан-Франциско, связанных с борьбой с противоправной деятельностью. Один из бывших сотрудников Агентства по борьбе с наркотиками сообщил об изучении доктором Джеймсом Хэмилтоном нетрадиционной сексуальной практики, а описание о проводившихся им испытаниях наркотиков без ведома пациентов поступило из его подпроекта 2 программы MKULTRA.

Рей Трейхлер привел некоторые сведения о своей работе с раздражающими препаратами, давая показания подкомитету Кеннеди 20 сентября 1977 г., с.105-108. Свои показания он давал под псевдонимом «Филип Голдман».

Статья «Банда, которая не сумела разбрызгать наркотик» появилась в газете «Вашингтон пост» 20 сентября 1977 г.

Решение Ричарда Хелмса не сообщать Джону Маккоуну о связях ЦРУ с мафией в попытках убить Кастро описывается в докладе комитета Черча о попытках убийства политических лидеров (с.102-103).

Доклад Генерального инспектора по TSS (1957), документ № 417 и инспекция MKULTRA (1963), 14 августа 1963 г., документ № 59 послужили источником большей части информации, приведенной в данной главе. Важным источником информации явился также доклад комитета Черча по MKULTRA в кн.1, с.385-422.

Работа Сида Готлиба в качестве помощника шефа секретных служб по научным вопросам описана в документе № 74 (оперативная серия), 20 октября 1959 г., «Исследования, связанные с воображением, применительно к поведенческим и физическим наукам в связи с проблемами [пропуск]» и в докладе Генерального инспектора (1963 г.).

Значительная часть информации получена из интервью бывшего Генерального инспектора ЦРУ Лаймана Киркпатрика, одного из бывших сотрудников в его штате» а также нескольких сотрудников TSS.

Письмо Хелмса в комиссию Уоррена о «Советских методах “промывания мозгов”», датированное 19 июня 1964 г., было получено из Национальных архивов.

Материал по оперативному применению ЛСД в ЦРУ поступил из доклада комитета Черча (кн.1, с.399-403) и из письменных показаний, подтвержденных присягой в Федеральном суде при разбирательстве дела Джона Маркса против Центрального разведывательного управления и др., гражданское дело № 76-2073 Элоиз Р. Пейдж, шефа штата по проведению политики и координации Оперативного директората ЦРУ. Обосновывая причины, по которым ЦРУ не следует предоставлять оперативные документы, мисс Пейдж представила некоторую информацию о содержании документов. Материал о позиции TSS и Медицинского отдела в отношении применения ЛСД поступил из меморандума,

написанного Джеймсом Энглтоном, шефом отдела контрразведки 12 декабря 1957 г., частично процитированного на с.401 доклада комитета Черча (кн.1).

Глава 7

Колоссальная работа Р.Гордона и Валентины Уэссонов «Грибы. Россия и история» (New York, Pantheon, 1957) явилась источником, из которого взят рассказ о применении императрицей Агриппиной ядовитых грибов. О своих многочисленных поездках в Мексику Уэссон рассказал в ряде интервью и в статье «В поисках “волшебных грибов”», опубликованной в журнале «Лайф» 27 мая 1957 г.

Морзе Аллен узнал о пиули из документа № А/В, I, 33/7, 14 ноября 1952 г., «Пиули». Отправка в Мексику молодого ученого, работавшего на ЦРУ, была описана в документе № А/В, 33/3, 5 декабря 1952 г. Морзе Аллен прокомментировал историю применения грибов и их тайные возможности в № А/В, 34/4, 26 июня 1953 г., «Грибы — ядовитые и наркотического действия». Его поездка в американский центр по выращиванию грибов была описана в документе [номер неразборчив], 25 июня 1953 г., «Поездка в Тугкенамон, штат Пенсильвания». То, что из TSS Морзе Аллену не сообщили о результатах работы ботанической лаборатории, описано в № А/В, I, 39/5, 10 августа 1954 г., «Отчеты; требование к TSS [пропуск]».

Джеймс Мур подробно рассказал о себе в интервью и в письмах. В 51-м подпроекте MKULTRA говорится о его консультирующей деятельности в ЦРУ, а в 52-м подпроекте говорится о приобретении им химических препаратов. В частности, см. документы 51-46, 8 апреля 1963 г., «MKULTRA, подпроект 51»; 51-24, 27 августа 1956 г., «MKULTRA, подпроект 51-В»; 52-94. 20 февраля 1963 г., «(ВВ) Химические и физические манипуляторы»; 52-19. 20 декабря 1962 г.; 52-17, 1 марта 1962 г.; 52-64, 24 августа 1959 г.

Договоренности ЦРУ с Министерством сельского хозяйства описаны в № А/В, I, 34/4, 26 июня 1953 г., «Грибы — ядовитые и наркотического действия», и документ [номер неразборчив], 13 апреля 1953 г., «Интервью со свободными от подозрений контактерами».

Работа д-ра Исбелла с псилоцибином описывается в документе Исбелла № 155, «Сопоставление реакции человека на псилоцибин и ЛСД-25».

Информация о контркультуре и ее связи с наркотическими экспериментами ЦРУ поступила из интервью, взятых у Тимоти Лири, Аллена Гинсбурга, Хемфри Осмонда, Джона Лилли, Сидни Коэна, Ральфа Блума, Герберта Кельма, Лео Холлистера, Герберта Дешона и многих других. Кен Кизи описал свое первое «путешествие» в «Продаже гаража» (New York, Viking Press, 1973). «Камасутра» Тимоти Лири была изготовлена буквально «вручную» в четырех экземплярах под названием «Психоделическая теория: рабочие записки о Гарвардском исследовательском психоделическом проекте» (IFIF, 1960-1963). Копия была получена от Сьюзан Бернс Вольф Ротшильд. Материал о обращении Гарольда Абрамсона к Фрэнку Фримонт-Смиту и Грегори Бейтсону поступил из материалов конференции об ЛСД, финансировавшейся из фонда Мейси (22, 23 и 24 апреля 1959 г., с.8-22).

Глава 8

Статья Эдварда Хантера «Тактика “промывания мозгов” приводит китайцев в ряды коммунистической партии» появилась в газете «Ньюс» (г.Майами) 24 сентября 1950 г. Полностью написанная им книга вышла под заглавием «Промывание мозгов» (New York: Vanguard Press, 1951). Другие материалы поступили из ряда интервью, взятых у Хантера перед его смертью, последовавшей в июне 1978 г.

Документ ВВС о «промывании мозгов» был назван «Совещание штаба ВВС, посвященное позиции ВВС в отношении поведения личного состава в плену у противника», 14 декабря 1953 г. Этот документ был обнаружен и показан мне исследователем Сэмом Цукерманом.

Данные о числе американских военнопленных в Корее и цитата из Эдварда Хантера взяты из слушаний перед постоянным сенатским подкомитетом по расследованиям на 84-м конгрессе 19, 20, 26 и 27 июня 1956 г.

Материал по исследованиям Хинкля-Вольфа поступил из интервью, взятых у Элен Гуделл и нескольких источников из ЦРУ. В засекреченном виде результаты исследований Хинкля и Вольфа появились в форме публикации Отдела технических служб 2 апреля 1956 г. под названием «Коммунистические методы контроля» и практически с тем же содержанием, но не в засекреченном виде, в форме публикации под названием «Допросы “врагов народа”, проводимые коммунистами. Анализ методов, используемых коммунистической государственной полицией». («Архивы неврологии и психиатрии, АМА. август 1956, т.76).

Аллен Даллес говорил о «Войне против мозга» («Brain Warfare») на конференции в Принстоне в Хот Спрингс, штат Виргиния, 10 апреля 1953 г.; цитата о «подопытных кроликах» («морских свинках») взята из его выступления.

Замечания служащих Рокфеллеровского фонда о Д.Ю.Камероне и данные о финансировании из фонда Рокфеллера взяты из дневника Роберта С.Моррисона, хранящегося в архивах этого фонда, Покантико Хиллз, Нью-Йорк.

Работы Камерона, касающиеся изменения паттерна и психического воздействия, описаны в следующих статьях: «Создание дифференциальной амнезии как фактор при лечении шизофрении» (Comprehensive Psychiatry, 1960, 1, p.26) и «Влияние повторяющихся словесных сигналов на поведение пациентов, страдающих хроническими психическими заболеваниями» Камерона. Леонарда Леви и Леонарда Рубенстейна (Journal of Mental Science, 1960, 106, 742). Описание электрошоковой терапии Пейджа Расселла взято из статьи Л.Дж.М.Пейджа и Р.Дж.Расселла «Интенсивная электросудорожная терапия при лечении психических заболеваний» (Lanset, т.254, январь-июнь 1948 г.) Д-р Джон Каванна из Вашингтона, О.К., сообщил сведения об условиях применения электрошока и седативных препаратов в психиатрии.

Подпроект Камерона в рамках программы MKULTRA обозначен № 68. В частности, см. документ 68-37 «Заявка на грант для изучения влияния повторяющихся словесных сигналов на поведение человека», 21 января 1957 г.

Частично бумаги Камерона находятся в архиве Американской психиатрической ассоциации в Вашингтоне; они содержат обширную информацию, относящуюся к

лечению Мэри К., и позволяют получить общее представление о направлении его работ. Обширная информация была также получена в процессе интервью, которые были взяты по меньшей мере у 12 из его бывших коллег.

Из интервью, взятых у Джона Лилли и Дональда Хебба, получены сведения об экспериментах, сопровождавшихся лишением сенсорных впечатлений. Деятельность Мейтланда Болдуина в этой области описана в ряде документов программы ARTISHOKE, включая № А/В, I, 76/4, 21 марта 1955 г., «Полная изоляция»: № А/В, I, 76/12, 19 мая 1955 г., «Полная изоляция — дополнительные сведения»; и № А/В, I, 76/17, 27 апреля 1955 г., «Полная изоляция, дополнительный отчет № 2». Цитата из Олдоса Хаксли о лишении сенсорных впечатлений взята из его книги «Мокша: заметки о психоделиках и опыт переживания видений» (1931-1963) под редакцией Майкла Горовица и Синтии Палмер (New York: Stonehill, 1978).

Материал, связанный с пребыванием Вэла Орликов в клинике д-ра Камерона, получен из интервью, взятых у нее и у ее мужа Дэвида, и частично из предоставленных ею больничных записей.

Описание личности Камерона, сделанное работавшей с ним психологом Барбарой Уинриб, взято из ее письма, опубликованного в монреальской газете «Стар» 11 августа 1977 г.

Исследование по электросудорожной терапии, проводившейся Камероном по назначениям д-ра Клегхорна, опубликовано под заголовком «Интенсивная электросудорожная терапия: исследование результатов» А.Е.Шварцманом и П.Е.Термансенем в сборнике трудов Канадской психиатрической ассоциации (т.12, 1967).

Обширный материал о Джоне Лилли был получен из нескольких интервью, а также из его автобиографии «Ученый» (Philadelphia: J.V.Lippincott Company, 1978).

Обращение ЦРУ с Юрием Носенко было подробно рассмотрено во время слушаний на парламентском комитете по политическим убийствам 15 сентября 1978 г. Лучший отчет об этих слушаниях принадлежит Дж.О'Лири; он был напечатан в вашингтонской газете «Стар» 16 сентября 1978 г. под заголовком «Как ЦРУ пыталось сломать перебежчика в “деле Освальда”».

Глава 9

В 48-м и 60-м подпроектах программы MKULTRA приводятся основные документы Общества по исследованию экологии человека. Они были взяты из трех отчетов общества, которые могли быть обнаружены: за 1957, 1961 и 1961-1963 гг. О собственных исследованиях Вольфа сообщается в 61-м подпроекте программы MKULTRA. Предложения Вольфа приводятся в № А/В, II, 10/68 (без даты), «Предложения по плану проведения [пропуск]» в двух документах, включенных в 48-29, 5 марта 1956 г., «Общие принципы, на которых основаны эти предложения». Планы ЦРУ по китайскому проекту изложены в № А/В, II, 10/48 (без даты), «Криптоним [пропуск]»; № А/В, II, 10/72, 9 Itr. 1954 г., «Письмо с инструкцией» и № А/В, II, 10/110 (без даты), без заголовка.

Детали финансирования аренды помещения для Общества экологии человека и подробности установки подслушивающих устройств изложены в № А/В, II, 10/23,

30 августа 1954 г., «Встреча рабочего комитета [пропуск]», № 5, и № A/B, 11, 10/92, 8 декабря 1954 г., «Техника установки».

Описание венгерского проекта приведено в годовом отчете; он также был рассмотрен в 65-м и 82-м подпроектах программы MKULTRA, особенно 65-12, 28 июня 1956 г., «65-й подпроект программы MKULTRA»; 65-11 (без даты), «Д-р [пропуск]», Проект «Планы на следующий год», июль 1957 г. — июнь 1958 г.; и 82-15, апрель 1958 г., подпроект; проект «Проект MKULTRA», 82-й подпроект.

Центр исследования сексуальной психопатии в Ионии был 39-м подпроектом MKULTRA, особенно 39-4, 9 апреля 1958 г. «Сообщение о «путешествии», посещение [пропуск]», 7 апреля 1958 г. Информация поступила от Пола Магнуссона из детройтской газеты «Фри пресс» и от Дэвида Перла из детройтского офиса ACLU.

Подпроект Карла Роджерса в программе MKULTRA обозначен № 97. Он получил также фонды по подпроекту 74. Особенно см.74-256, 7 октября 1958 г., «Дополнение к индивидуальному гранту в программе MKULTRA».

Подпроект Г.Дж.Эйзенка в программе MKULTRA обозначен № 111. Особенно см.111-3, 3 апреля 1961 г., «Продолжение подпроекта 111 в программе MKULTRA».

Финансировавшееся Американской психологической ассоциацией путешествие в Советский Союз описано в подпроекте 107. Книга, написанная по материалам этого путешествия, вышла под заглавием «Взгляд на советскую психологию»; ее автором был назван Реймонд Бауэр (Вашингтон: Американская психологическая ассоциация; 1962).

Исследования Шериф о подростковых группировках описаны в 102-м подпроекте и в отчете Общества экологии человека за 1961 г. Д-р Кэролин Шериф написала также письмо в журнал Американской психологической ассоциации в феврале 1978 г. Д-р Шериф рассказывала о своей работе, когда мы с ней появились в августе 1978 г. на съезде Американской психологической ассоциации в Торонто.

Работа Мартина Орна на ЦРУ была описана в 84-м подпроекте. Он написал главу в книге, которую Общество субсидировало, «Манипулирование поведением человека», вышедшей под редакцией Альберта Бидермана и Герберта Циммера (New York: John Wiley & Sons; 1961), с.169-215. Данные о финансовом положении Института экспериментальной психиатрии Орна поступили из Университета штата Массачусетс в виде приложения к форме 1023.

Цитата из Джона Гиттингера взята из его интервью, которое он дал д-ру Патрисии Гринфилд. Д-р Гринфилд взяла также интервью у Шульмана, Карла Роджерса и Чарльза Осгуда для статьи, опубликованной в декабрьском выпуске 1977 г. журнала Американской психологической ассоциации, откуда взята моя цитата о комментариях Шульмана. Она обсуждала роль Гофманна на презентации на одном из заседаний Американского психологического общества в Торонто в августе 1978 г. Обсуждение имело заглавие «Поддержка ЦРУ фундаментальных исследований в психологии: проводимая политика».

Глава 10

Материал о системе оценки личности, предложенной Гиттингером, взят из публикации «Введение в систему оценки личности» в приложении № 38 Джона Уинна и Джона Гиттингера (Monograph Supplement № 38, Clinical Psychology Publishing., Inc. 1973); из интервью Джона Уинна и нескольких интервью с другими психологами, работавшими ранее на ЦРУ; из интервью, которые были взяты автором у Гиттингера в 1974 г., а также из подробного интервью, взятого у Гиттингера доктором Патрисией Гринфилд, профессором психологии в UCLA. Частично полученный материал был вначале опубликован в журнале «Роллинг стоун» в июле 1974 г. в статье под названием «ЦРУ не хочет сообщить все общественности». Исследования воздействия алкоголя, проводившиеся Робертом Гайдом в Бутлеровском центре здравоохранения, были включены в 66-й подпроект MKULTRA. Особенно см.66-17, 27 августа 1958 г., «Подпроект: предложения по исследованиям воздействия алкоголя, 1959» и 66-5 (без даты), «Подпроект: оборудование — лаборатория экологии».

Отчет Генерального инспектора по 758 за 1963 г., первоначально опубликованный в соответствии с Законом о свободе информации, не содержал раздела о системе оценки личности, описанной в данной главе. ЦРУ предало гласности недатированный и незаглавленный документ, представлявший собой, очевидно, этот раздел, в одном из позднейших релизов.

Графологические исследования описаны в 83-м подпроекте MKULTRA, а также частично в 60-м подпроекте, посвященном Обществу экологии человека. Особенно см.83-7, 11 декабря 1959 г., «Подпроект: [пропуск] графологический обзор» и 60-28 (без даты), «Отчет о деятельности», май 1959 г. — апрель 1960 г.

Информация о психологическом портрете Маркоса поступила от источника в правительстве США, который ее читал. Информация о психологическом портрете шаха Ирана поступила из статьи Джека Андерсона и Уиттена «ЦРУ полагает, что шах ненадежен», опубликованной в вашингтонской газете «Пост» в июле 1975 г.

Цитата из Джеймса Кинера взята из статьи Морин Орт «Воспоминания психолога ЦРУ», опубликованной в «Нью-таймс» 25 июня 1975 г.

Данные о роли ЦРУ при обучении полиции иностранных государств и его деятельности в Уругвае приведены в статье Тейлора Бранча и Джона Маркса «По следам ЦРУ», опубликованной в издании «Харперс Уикли» 25 января 1975 г. и в книге Филипа Эйджи «Взгляд изнутри: дневник из ЦРУ» (London: Penguin, 1975).

Цитата из Мартина Орна взята из статьи Патрисии Гринфилд, процитированной в комментариях к предыдущей главе.

Показания Гиттингера Выбранному комитету сената по разведке и подкомитету Кеннеди 3 августа 1977 г. появились на с.50-63. Показания Дэвида Родеса о роли Гиттингера в случае разбрызгивания ЛСД в Сан-Франциско прозвучали во время слушаний на подкомитете Кеннеди 20 сентября 1977 г., с.100-110.

Глава 11

Занятия Морзе Аллена гипнозом было описано в документе № А/В, V, 28/1, 9 июля 1951 г. Проводившиеся им эксперименты с гипнозом описаны в ряде меморандумов, особенно см. № А/В, III, 2/18, 10 февраля 1954 г.,

«Экспериментальное исследование гипноза» и № А/В, II, 10/71, 19 августа 1954 г., «Оперативная безопасность [пропуск]» и документ без номера, 5 мая 1955 г., «Гипноз и тайные операции».

О проезде американских военнопленных через Маньчжурию говорится в документе № 19, 18 июня 1953 г., «Конференция по программе ARTICHOKE».

Работа Олдена Сирса, связанная с гипнозом, была предметом 5, 25, 29-го и 49-го подпроектов MKULTRA. Особенно см. 49-28 (без даты), «Предложения по исследованиям, связанным с гипнозом, в [пропуск], с 1 июня 1956 г. по 31 мая 1957 г.», 49-34 (без даты), «Предложения по исследованиям, связанным с гипнозом, [пропуск], с 1 июня 1956 г. по 31 мая 1957 г.»; 5-11, 28 мая 1953 г., «Проект MKULTRA, 5-й подпроект», и 5-13, 20 апреля 1954 г., «Подпроект: [пропуск]». См. также статью Патрика Остерса в чикагской газете «Сан-таймс» от 4 сентября 1977 г. под заголовком «Как ЦРУ “скрыло” исследования, связанные с гипнозом».

Общие сведения о гипнозе получены из интервью, взятых у Олдена Сирса, Мартина Орна, Милтона Клайна, Эрнеста Хилгарда, Герберта Шпигеля, Уильяма Крогера, Джека Трэктира, Джона Уоткинза и Гарольда Красильнека. См. также главу Орна о гипнозе в книге «Манипулирование поведением человека», вышедшей под редакцией Альберта Бидермана и Герберта Циммера (New York: John Wiley & Sons; 1961), с.169-215.

О замысле использования гипноза в операции с участием иностранной разведки говорится в данном под присягой показании Элоиз Пейдж в деле «Джон Маркс против ЦРУ и др». Гражданское судопроизводство № 76-2073.

Предложение об использовании гипноза, сделанное в 1959 г. и одобренное TSS, описано в документах № 433, 21 августа 1959 г., «Возможное использование наркотиков и гипноза в [пропуск] операции»; № 434, 27 августа 1959 г., «Пояснения к [пропуск]»; и № 435, 15 сентября 1959 г., «Возможное использование наркотиков и гипноза в [пропуск] операции».

В 128-м подпроекте MKULTRA описываются методы быстрого введения в моделированных и реальных операциях (MKULTRA 128).

Важным дополнением к настоящей главе явилась длительная беседа с Джоном Гиттингером. Ранее Гиттингер отказывался давать мне интервью по материалам данной книги. Наша беседа касалась исключительно гипноза.

Глава 12

Реорганизация TSS описана в документе № 59, 26 июля 1963 г., «Отчет об инспекции программы MKULTRA» и в интервью, взятых у Рея Клайна, Герберта Сквилла и нескольких других бывших сотрудников ЦРУ.

Рекомендации Ричарда Хелмса по новой схеме MKULTRA были описаны в документе № 450, 9 июня 1964 г., «Секретная программа исследований (MKULTRA)».

Заявление адмирала Стенсфилда Тернера по программе MKULTRA было сделано на совместном заседании подкомитета Кеннеди и Выбранном сенатском комитете по разведке 3 августа 1977 г. (с.4-8).

Программы MKSEARCH и их источники в MKULTRA описаны в документах № 449, 8 апреля 1964 г., «Ревизия проекта MKULTRA» и № S-1-7 (без заголовка и без даты).

Работа д-ра Эдварда Беннета является предметом 104-го и 143-го подпроектов MKULTRA. Особенно см. 123-23, 11 декабря 1962 г., «143-й подпроект MKULTRA». Другая информация по программе экономического саботажа ЦРУ против Кубы получена из интервью с генерал-майором Эдвардом Лансдейлом, Реем Клайном, Уильямом Колби, Линкольном Гордоном, Кови Оливером, Чарльзом Мейером, Ричардом Гудвином, Роджером Моррисом, несколькими бывшими сотрудниками ЦРУ и Государственного департамента и сотрудниками правительства Кубы.

Продолжение операций на явочных квартирах относится к 4-му подпроекту MKSEARCH. Особенно см. S-12-1, заявления банков и счета по явкам. Дела ЦРУ с Министерством финансов, связанные с расследованием комитета Лонга операций по подслушиванию, описаны в документах № 451, 30 января 1967 г., «Отчет о встречах с сотрудниками Министерства финансов» и № 452 (без даты), «Встреча с сотрудником Министерства финансов».

Биологическая лаборатория является предметом 78-го и 110-го подпроектов MKULTRA и программы MKSEARCH 2. Особенно см. документы 78-28, 28 сентября 1962 г., «Поддержка РМ и биологическая [пропуск]» и S-5-6, 8 сентября 1965 г., «Наем шефом TSD/BB [пропуск]; бывший штатный служащий в ранге советника на контрактной основе». Сведения о стоимости операций в Форт-Детрике поступили из материалов слушаний комитета Черча по неразрешенному хранению токсичных веществ (с.18 и 204), 16, 17 и 18 сентября 1975 г. Описание обращения TSS с биологическим оружием приведено в вышеупомянутом документе 78-28 и в документе № 509 (без даты, однако очевидно, что он относится к июню 1975 г.), «Обсуждение МКNAOMI с [пропуск]».

Подпроект химической компании является 116-м подпроектом MKULTRA и 5 MKSEARCH. Особенно см. 116-57, 30 января 1961 г., «MKULTRA, подпроект 116»; 116-62, 28 октября 1960 г., «Посылка чеков» и 116-61, 4 ноября 1960 г., «116-й подпроект MKULTRA»; см. также подпроект Джеймса Мура, MKULTRA 52, особенно 52-53; чек № 3, 1125-009-1902, 27 апреля 1960 г.

Работа Джеймса Хэмилтона является предметом 124-го и 140-го подпроектов MKULTRA и 3-го подпроекта MKSEARCH, Особенно см. 140-57, 6 мая 1965 г., «Управление поведением» и 140-83, 29 мая 1963 г.. «140-й подпроект MKULTRA».

Подпроектами Пфейфера являются 9, 26, 28-й и 47-й подпроекты MKULTRA и 7 MKSEARCH. Особенно см. 5-7-4 (без даты). «Одобрение проекта [пропуск]».

Подпроектами Болдуина являются «62 MKULTRA и 1 MKSEARCH». Особенно см. 62-2 (без даты [пропуск]), «Особый бюджет» и 62-3 (без даты), 1956 г., «Ре: Поездка в [пропуск]», 10-14 октября 1956 г.

Подпроектами Чарльза Гешикетера являются 23, 35-й и 45-й MKULTRA и 6-й MKSEARCH. Особенно см. 35-10, 16 мая 1955 г., «Обеспечение финансируемых ЦРУ исследований, включая секретные биологические и химические операции»;

45-78 (без даты), «Предложения по исследованиям: 1960»; 45-104 (без даты)» «Предложения по исследованиям: 1958-1959»; 45-95, 26 января 1959 г., «Продолжение программы MKULTRA, подпроект № 45»; 45-104, 21 января 1958 г., «Продолжение программы MKULTRA, подпроект № 45»; 45-52, 8 февраля 1962 г., «Продолжение программы MKULTRA, подпроект № 45»; S-13-7. 13 августа, «Одобрение [пропуск]»; и S-13-9, 13 сентября 1967 г., «Одобрение [пропуск]». См. также показания Гешиктера подкомитету Кеннеди, 20 сентября 1977 г., с.44-49.

На отсутствие сведений о деятельности ЦРУ в области бихевиористики в конгрессе и правительстве было указано на с.386 отчета комитета Черча (кн.I).

Связь ЦРУ с компанией «Природные наркотики бассейна Амазонки» была описана одним из бывших сотрудников, а также матерью другого бывшего сотрудника ЦРУ. Некоторые бывшие сотрудники рассказали о его деятельности в своих интервью.

Завершение Готлибом деятельности, связанной с программой MKSEARCH, отмечено в документе S-14-3, 10 июля 1972 г., «Завершение MKSEARCH».

Уничтожение документов MKULTRA описано в документе № 419, 3 октября 1975 г., «Уничтожение файлов, связанных с наркотиками и токсическими веществами» и 460, 31 января 1973 г., «Файлы проектов: (1951-1967)».

С электрической стимуляцией мозга связаны 106-й и 142-й подпроекты MKULTRA. Особенно см. 106-1 (без даты), «Подпроект: предложение»; 142-14, 22 мая 1962 г., «Проект MKULTRA, подпроект № 142» и документ № 76 (MKULTRA релиз), 21 апреля 1961 г., «Изучение “управляемых животных”».

Перечень парапсихологических задач взят из примечательной статьи «Психический шпионаж?», опубликованной 2 августа 1977 г. в вашингтонской газете «Пост».

Информация о проекте OFTEN взята из документа № 455, 6 мая 1974 г., «Проект OFTEN и меморандум для министра обороны от Диэнн П. Симер», 20 сентября 1977 г., «Проводившиеся Министерством обороны экспериментальные программы, которые финансировались ЦРУ или в которых оно участвовало и в которых участвовала администрация, связанные с применением на людях наркотиков с целью установления контроля над разумом или управления поведением».

Цитата из Б.Ф.Скиннера была взята из книги Питера Шрэга «Контроль над разумом» (New York: Panteon, 1978), с.10.